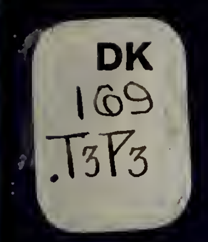

DK
169
.T3P3

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

LIBRARY OF CONGRESS
1800

О САМОЗВАНКѢ,

ВЫДАВАВШЕЙ СЕБЯ ЗА ДОЧЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

ПО

АРХИВНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ,

СЪ

ДОКУМЕНТАМИ.

СООБЩИЛЪ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕНЪ ОНАГО

Графъ В. Н. Панинъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1867.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1867 г., кн. 1-я.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы сообщаемъ нашимъ читателямъ достовѣрныя свѣденія о Самозванкѣ, ошибочно называемой Таракановою разными писателями, ибо она сего имени никогда себѣ не присвоивала.

Изъ сихъ свѣдѣній видно, что она не погибла во время наводненія, но скончалась отъ болѣзни, въ Петропаловской крѣпости, 4-го Декабря, 1775-го года.

О

САМОЗВАНКѢ, ВЫДАВАВШЕЙ СЕБЯ ЗА ДОЧЬ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Едва ли удастся когда либо открыть, кто и откуда была Самозванка, выдававшая себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны. На основанiи имѣющихся въ настоящее время данныхъ, можно только предполагать, что она была родомъ изъ Германiи. [1]

По словамъ ея, въ 1775-мъ году ей было отъ роду 23 года, слѣдовательно, она родилась въ 1752-мъ году. Но, по видимому, она была старше, [2] и упомянутый годъ выбрала для какой ни будь особенной цѣли. По свѣдѣтельству всѣхъ, видѣвшихъ ее, [3] она имѣла весьма привлекательную наружность, хотя и косила на одинъ глазъ, отличалась быстрымъ умомъ, не лишена была нѣкотораго образованiя, весьма свободно говорила по Нѣмецки и по Французски и немного по Англiйски и Итальянски.

---

[1] Императрица Екатерина, въ письмѣ къ С-Петербутскому Генералъ-Губернатору, Князю А. М. Голицыну, сообщаетъ ему, что Англiйскiй Посланникъ подозрѣваетъ въ ней дочь Пражскаго трактирщика. Англiйскiй Консулъ въ Ливорнѣ, Серъ Джонъ Дикъ, въ послѣдствiи утверждалъ, что Самозванка, какъ ему то положительно извѣстно, была дочь Нюрнбергскаго булочника.

[2] Никто не описываетъ ее столь молодою. Серъ Джонъ Дикъ разсказывалъ, что въ 1774-мъ году она показалась ему имѣющею около тридцати лѣтъ.

[3] Польскаго Посланника въ Римѣ, Маркиза Д'Античи, Аббата Роккатани, наперсника Кардинала Альбани, и Князя А. М. Голицына.

Изъ найденныхъ, при взятіи ея подъ стражу, писемъ, изъ которыхъ ни одно, къ ней относящееся, не писано ранѣе осени 1772-го года, видно, что она уже до этого времени, сначала въ Берлинѣ, а потомъ въ Гентѣ, выдавала себя послѣдовательно то за дѣвицу Франкъ, то за дѣвицу Шель, то за Госпожу Тремуйль.

Изъ Гента она пріѣхала въ Лондонъ, кажется, съ своимъ любовникомъ, молодымъ купеческимъ сыномъ, Вантурсомъ (Vantoers), который бѣжалъ отъ жены и вѣрителей. Онъ принялъ фамилію Барона Эмбса, между тѣмъ какъ сама она называлась Али-Эмете, Принцессой Волдомирской, съ Кавказа. Чтобы укрыться отъ своихъ вѣрителей, Вантурсъ, весною 1772-го года, долженъ былъ оставить Англію; однако, въ исходѣ лѣта, они снова сошлись въ Парижѣ. Къ ихъ обществу присоединился, какъ должно полагать, еще въ Лондонѣ, какой-то Господинъ, называвшійся Барономъ Шенкомъ, вѣроятно, прежній любовникъ Самозванки, которому она въ это время служила орудіемъ для разныхъ обмановъ.

Всѣ они очень роскошно жили въ Парижѣ и вскорѣ успѣли вступить въ сношенія со многими лицами. Прочныя же связи были заключены ими съ богатымъ купцомъ Понсе, съ нѣкоимъ Макке, старымъ развратникомъ Де Мариномъ, Графомъ Рошфоръ Валькуромъ (Гофмаршаломъ Князя Лимбургскаго), и наконецъ съ Гетманомъ Литовскимъ, Михайломъ Огинскимъ. Послѣдній принадлежалъ къ предводителямъ Польской Конфедераціи, которые, по раздѣлѣ ихъ отечества въ 1772-мъ году, домогались за границею, въ особенности же при Французскомъ Дворѣ, возстановленія древнихъ предѣловъ Польши. Онъ нѣкоторое время, кажется, былъ въ весьма короткихъ сношеніяхъ съ Самозванкой, по крайней мѣрѣ, многочисленныя его къ ней записки исполнены любезности и живаго участія, и даже не лишены нѣкотораго довѣрія къ ея разсказамъ о баснословномъ богатствѣ Персидскаго ея дяди. Впрочемъ, можно утвердительно сказать, что Огинскій ни въ это время, ни послѣ, не побуждалъ ее наименоваться дочерью Императрицы Елисаветы Петровны, но отъ него она могла, однако жь, получить первыя свѣдѣнія о Польскихъ дѣлахъ, о Русскомъ Дворѣ и вообще о политическомъ положеніи Сѣверныхъ Государствъ.

Въ началѣ 1773-го года дѣла Али-Эмете находились въ дурномъ положеніи. Вантурсъ, по которому поручителемъ состоялъ Макке, былъ задержанъ за долги. Не смотря на значительныя суммы, получаемыя Принцессою въ займы отъ Понсе, нужда увеличивалась съ каждымъ днемъ. Огинскій, къ которому обращалась Самозванка, не могъ, или не хотѣлъ, болѣе доставать денегъ. Но дѣла устроились, благодаря Шенку. Онъ заставилъ Де Марина усыпить обѣщаніями, какъ Макке, такъ и Понсе, даже выдать послѣднему заемныя росписки. Такимъ образомъ общество ихъ, въ томъ числѣ и Вантурсъ, получило возможность, сперва переѣхать въ окрестности Парижа, а потомъ, въ концѣ Апрѣля, убѣжать въ Германію, [4] при чемъ Де Маринъ, ради собственной безопасности, присоединился къ нимъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ ихъ ожидалъ Графъ Рошфоръ, которому Шенкъ въ Парижѣ столько наговорилъ о мнимыхъ богатствахъ Принцессы, что онъ захотѣлъ на ней жениться. Между тѣмъ Понсе и Макке не замедлили принять свои мѣры. Едва успѣла Али-Эмете расположиться въ Франкфуртской гостинницѣ, какъ Вантурса, по требованію Макке, посадили въ темницу, при чемъ употреблено было даже насиліе. Когда эта постыдная исторія сдѣлалась извѣстною, содержатель гостинницы выгналъ все общество изъ своего дома. Принцесса тщетно требовала удовлетворенія отъ Магистрата, представляя черновыя письма, коими она просила защиты у Русскихъ Посланниковъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Уже Де Марина хотѣли было задержать по требованію Понсе, какъ вдругъ явился спасительнымъ геніемъ Графъ Лимбургскій.

Филиппъ-Фердинандъ, Владѣтельный Графъ Лимбургскій и Стирумскій, Совладѣлецъ Графства Оберштейнъ, ревностный Католикъ, какъ человѣкъ холостой, весьма легкаго поведенія, имѣлъ въ то время 42 года отъ роду. Онъ былъ образованъ, но его умственныя способности были ограничены, а характеръ слабъ. Незадолго предъ этѣмъ, вступивъ на престолъ, по смерти старшаго

---

[4] Для оправданія предъ Огинскимъ приводились крайне важныя дѣла въ Германіи. Онъ еще принужденъ былъ выслать Самозванкѣ бланковый патентъ на чинъ Капитана въ Литовскихъ войскахъ, въ который она потомъ вписала имя Барона Эмбса. Подлинный патентъ, подписанный Огинскимъ, находится при Дѣлѣ (I № 165 и № 145).

брата, онъ, какъ потомокъ Графовъ Шауенбургскихъ, объявилъ притязанія [5] на Герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ, о правѣ владѣть которыми въ то время спорили Кабинеты С.-Петербургскій и Копенгагенскій. Хотя притязанія его повсюду встрѣчали отказъ, тѣмъ не менѣе онъ подписывался на документахъ Герцогомъ этѣхъ земель, не смотря на то, что обыкновенно его называли Княземъ Лимбургскимъ. Онъ жилъ такъ, какъ жили въ то время всѣ мелкіе Имперскіе Князья: имѣлъ Повѣренныхъ по дѣламъ въ Парижѣ и Вѣнѣ (Де Бура и Барона Фонъ Горнштейна), содержалъ войска, раздавалъ, имъ самимъ учрежденные, ордена и велъ тяжбу съ Прусскимъ Королемъ о нарушеніи своихъ державныхъ правъ. [6]

Вскорѣ по прибытіи Князя во Франкфуртъ, Графъ Рошфоръ просилъ у него позволенія переселиться, съ будущею своею супругою, ради безопасности и до полученія ею денегъ изъ Персіи, въ одинъ изъ Княжескихъ замковъ. Князь представился Принцессѣ, былъ обвороженъ ею и, не смотря на предостереженіе банкира Алленца, далъ ей въ займы значительную сумму денегъ, для уплаты ея Франкфуртскихъ долговъ, велѣлъ Де Буру успокоить Понсе и наградилъ Макке орденомъ. Съ симъ послѣднимъ заключили договоръ объ отсрочкѣ. Вантурсъ, въ которомъ не имѣли болѣе надобности, остался до времени въ темницѣ. Де Маринъ, слишкомъ осторожный, чтобы довольствоваться одними обѣщаніями, вступилъ Интендантомъ въ придворный штатъ Принцессы, отправившейся, въ началѣ Іюня, 1773-го года, вмѣстѣ съ Княземъ, въ его владѣнія. Здѣсь она хотѣла дождаться полученія денегъ изъ Персіи, чтобы потомъ пуститься въ обратный путь на Востокъ. Шенкъ остался во Франкфуртѣ, въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ, заставивъ Принцессу вручить ему свои бумаги, за исключеніемъ переписки Огинскаго и нѣкоторыхъ другихъ писемъ. Этѣмъ онъ пріобрѣлъ полную власть надъ Самозванкой, имѣвшей вообще

---

[5] При Дѣлѣ находится рукописная Французская по сему предмету записка (II № 32) и печатная Нѣмецкая (I № 258).

[6] Въ числѣ бумагъ находятся, между прочимъ, и напечатанные Уставы орденовъ, различные документы, за подписаніемъ и приложеніемъ печати Князя, печатные меморіялы, въ доказательство его притязаній на Княжескій титулъ, рукописныя о претензіяхъ на Герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ и печатныя сочиненія противъ Пруссіи (I № 258).

странную привычку сохранять всѣ получаемыя ею письма, хотя бы они ее и выдавали. Таковы были и бумаги, врученныя ею Шенку.

Князь и его спутница, уже во время дороги вступившіе въ самыя короткія отношенія, поселились въ замкѣ Нейсесъ, въ Франконіи. Спустя нѣсколько дней по ихъ прибытіи, Гофмаршалъ былъ посаженъ въ темницу, какъ Государственный преступникъ, гдѣ его держали нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ Принцесса, принявши имя Елеоноры, начала жизнь вполнѣ блестящую и роскошную.

Изрѣдка являлся въ Нейсесъ, по приглашенію Князя, пріятель его, Баронъ Фонъ Горнштейнъ, Конференцъ-Министръ у извѣстнаго друга Езуитовъ, Трирскаго Курфирста, Климента-Вячеслава. Въ скоромъ времени обворожительная незнакомка успѣла плѣнить его такъ, что онъ началъ присылать ей ноты и маленькіе подарки и объявилъ себя Менторомъ новыхъ Калипсо и Телемака. Она съумѣла увѣрить его въ дѣйствительности существованія своихъ Персидскихъ сокровищъ и даже поручила ему покупку для нея значительной поземельной собственности. Еще гораздо болѣе привлекло его къ ней положительное ея обѣщаніе, дать въ займы Князю нужную сумму для выкупа правъ Курфирста на Графство Оберштейнъ. Дѣло это, очень выгодное для Министра и Князя, было немедленно начато, и Принцесса слѣдила за нимъ съ большимъ вниманіемъ, надѣясь, вѣроятно, по внушеніямъ Шенка, выпросить это Графство себѣ въ подарокъ отъ слабаго своего любовника. Около того же времени Де Маринъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы помогать Де Буру при продажѣ Франціи Лотарингскихъ леновъ Князя, который входилъ все болѣе и болѣе въ долги, чтобы удовлетворить мотовству обожаемой имъ Принцессы. Между тѣмъ она, опасаясь, чтобы Князь, во время частыхъ своихъ поѣздокъ въ Кобленцъ, столицу Курфирста, по выкупу Графства Оберштейнъ, не былъ отъ нея отвлеченъ, старалась всѣми мѣрами принудить его къ браку, и съ этою цѣлью вдругъ объявила, будто она получила письмо отъ опекуна, который требуетъ ея возвращенія въ Персію, гдѣ она, конечно, не замедлитъ выйти замужъ. Горнштейнъ, пользовавшійся вполнѣ, какъ казалось, ея довѣренностію, долженъ былъ достать ей на дорогу де-

негъ, которыя она обѣщала возвратить немедленно по пріѣздѣ въ Персію, равно какъ и деньги на уплату сдѣланныхъ ею долговъ на выкупъ заложеннаго Графства Стирумскаго и на пріобрѣтеніе правъ полнаго владѣнія Оберштейномъ. Князь вдался въ обманъ, предложилъ ей руку и, когда она, не смотря на это, все еще настаивала на своемъ отъѣздѣ, готовъ былъ даже отречься отъ престола, въ пользу младшаго брата, и ѣхать съ нею въ Персію. Горнштейнъ, у котораго Князь тогда былъ въ гостяхъ, старался его успокоить. Онъ обратилъ его вниманіе на необходимость имѣть положительныя данныя касательно происхожденія Принцессы, и при этомъ сообщилъ ему нѣкоторые невыгодные слухи, распространившіеся на ея счетъ. Едва вѣсть объ этѣхъ разговорахъ достигла Стирума, куда переселилась Самозванка, для того, чтобы быть ближе къ Кобленцу, какъ она объявила, что опекунъ согласился на болѣе продолжительное пребываніе ея въ Европѣ, и даже разрѣшилъ бракъ ея съ Княземъ. Не смотря на это, Министръ продолжалъ требовать отъ Принцессы свѣдѣтельства объ ея происхожденіи и намекнулъ ей на необходимость принять Римско-Католическую Вѣру. Въ такихъ обстоятельствахъ она, въ письмѣ къ Горнштейну, [7] открыла свои семейныя отношенія, о которыхъ, по ея словамъ, Россія не замедлитъ въ газетахъ дать подробныя поясненія, и выдала себя за владѣтельницу Азова (Dame d'Asow), состоящаго подъ владычествомъ Русской Императрицы, и за единственную наслѣдницу весьма древняго рода Волдомировъ, имуществами котораго, отобранными въ 1749 году и освобожденными отъ задержанія въ 1769 году, она во всякое время можетъ вступить во владѣніе. Ее увезли, по смерти отца, четырехлѣтнимъ ребенкомъ, къ дядѣ въ Персію, откуда она, только полтора года тому назадъ, пріѣхала въ Европу. Обо всемъ этомъ она просила Горнштейна довести до свѣдѣнія Князя. [8]

---

[7] Это письмо отъ 7 Августа, 1773 года (III № 44).

[8] Первое по полученіи этѣхъ свѣдѣній письмо Князя, отъ 24-го Августа, 1773 года (I № 243), имѣло слѣдующій адресъ: «A Son Altesse Serenissime Madame la Princesse Elisabeth de Voldomir»; таковы и всѣ послѣдующіе адресы. Не смотря на новый титулъ Самозванки, Князь, въ задушевныхъ изліяніяхъ, все еще называлъ ее просто Али, а потомъ въ письмахъ, писанныхъ цифрами, Бетти.

Между тѣмъ вѣсти изъ Парижа были для Принцессы крайне непріятны. Понсе, встревоженный сообщеніями Вантурса, все еще продолжавшаго сидѣть въ тюрьмѣ, началъ грозить своей должницѣ, что онъ приметъ противъ нея строжайшія мѣры, которыя не были приведены имъ въ исполненіе только по тому, что Де Маринъ и Де Буръ сообщили ему о скоромъ ея бракосочетаніи съ Нѣмецкимъ Имперскимъ Княземъ, а, можетъ быть, и по тому, что ему былъ обѣщанъ одинъ изъ Княжескихъ орденовъ, которыми, по порученію Принцессы, Де Маринъ, какъ кажется, торговалъ въ Парижѣ. [9] Около этого же времени Самозванка прислала къ Огинскому проектъ лотереи, съ настоятельною просьбою, распространить ее между Парижскими банкирами, и, въ доказательство того, что мысли ея постоянно имъ заняты, записку о Польшѣ, для Версальскаго Кабинета. [10]

Князь зналъ объ ея перепискѣ съ Огинскимъ, но содержаніе оной было ему не извѣстно, а по тому Принцесса, старавшаяся возбудить въ немъ ревность къ Польскому вельможѣ, чтобы тѣмъ заставить его скорѣе на себѣ жениться, беззастѣнчиво увѣряла его, что переписка касается политическихъ дѣлъ, для совѣщанія по которымъ Огинскій намѣренъ въ скоромъ времени посѣтить его. Между тѣмъ дѣло о пріобрѣтеніи правъ на Оберштейнъ подвинулось до того впередъ, что (въ половинѣ Августа) Князь уже могъ туда ѣхать, чтобы показаться своимъ подданнымъ. По этому случаю Принцесса придумала планъ, состоявшій въ томъ, чтобы Князь помѣстилъ ее въ Оберштейнѣ, вмѣстѣ съ Шенкомъ и Де Мариномъ, а самъ, для сохраненія приличія, поселился въ Стирумѣ,

---

[9] Въ это время, вѣроятно, выданы были дипломы на ордена, конфискованые осенью 1858 года въ Парижѣ, по случаю извѣстнаго дѣла о торгѣ орденами, а именно: La croix de l' ordre asiatique, fondé par la Sultane Alina; l'ordre de mérite du Lion de Holstein-Limbourg; les ordres réunis des quatre Empereurs et del' ancienne noblesse. (Independance Belge 1858, Octobre 9). Уставы ордена del' ancienne noblesse находятся при Дѣлѣ.

[10] Въ письмѣ отъ 28 Августа (I № 156) онъ довольно холодно и рѣшительно отказывается отъ всякаго участія въ дѣлѣ по лотерейному проекту и сообщаетъ, что записку передалъ, кому слѣдовало. Уже въ предшествовавшемъ своемъ письмѣ онъ довольно иронически отвѣчаетъ на предложенныя ею денежныя ссуды.

Это предложеніе было отвергнуто Княземъ (24 Августа), который при этомъ, касательно Шенка, замѣтилъ, что ей слѣдовало бы считать за особое счастіе освободиться отъ человѣка, алчности котораго не удовлетворили бы всѣ сокровища Азіи. [11] Отсутствіе доказательствъ о происхожденіи Принцессы и свѣдѣтельства объ ея крещеніи, по тому что она, выдавая себя за владѣтельницу Азова, какъ будто принадлежала къ Греко-Восточной Церкви, служило препятствіемъ къ совершенію брака. Время шло, свѣдѣтельства не доставлялись, а заявленіе Принцессы, что она не можетъ и не намѣрена сочетаться бракомъ, пока отъ Русскаго Двора не будетъ сдѣлано правительственнаго поясненія правъ ея на наслѣдство Князей Волдомирскихъ, мало по малу потеряло всякое значеніе. Тогда Самозванка почувствовала, что надобно покончить дѣло.

Въ письмахъ, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, она, передавая Князю, еще жившему въ Оберштейнѣ, какъ дошедшіе до нея слухи о томъ, будто его хотятъ женить на другой, такъ и о блестящемъ предложеніи, ей сдѣланномъ, замѣчаетъ, что теперь ни что не мѣшаетъ имъ разойтися, тѣмъ болѣе, что признаніе правъ ея со стороны Россіи не можетъ послѣдовать ранѣе заключенія мира съ Турками. Самозванка намѣревалась, какъ видно изъ одного ея письма, окончательно уволить Шенка и Де Марина, прервавъ всѣ прежнія сношенія съ разными лицами, и предоставить свое имущество въ распоряженіе Князя; приложенный вексель въ довольно значительную сумму на имя (вымышленнаго) банкира служилъ какъ бы залогомъ, что это обѣщаніе будетъ непремѣнно приведено ею въ исполненіе. Сверхъ того, она прислала Князю, для его свѣдѣнія, черновое [12] письмо къ своему опекуну, Русскому Вице-Канцлеру, Князю Голицыну. Въ этомъ письмѣ она сообщала ему, какъ о любви своей къ Князю Лимбургскому, такъ и о желаніи вступить съ нимъ въ бракъ; изъявляла сожалѣніе, что тайна, покрывавшая ея происхожденіе, дала поводъ ко многимъ про

---

[11] Слѣдовательно, Князь около этого времени уже догадывался объ обстоятельствахъ прежней жизни своей возлюбленной.

[12] Это черновое письмо и записка сохранились; въ послѣдней Самозванка старается доказать важность, въ особенности для Россіи, сосредоточенія Азіятской торговли на Кавказѣ (III № 5 и II № 45).

нее разсказамъ, и что сдѣланные ею незначительные долги преувеличены, съ цѣлію, чтобы имѣть возможность скорѣе воспользоваться ея сокровищами. Въ заключеніе письма она увѣряла въ неизмѣнности своихъ чувствъ благодарности и привязанности къ Императрицѣ и въ постоянномъ своемъ рвеніи о благѣ Россіи, что вполнѣ можетъ доказать приложенная при письмѣ записка, для объясненія которой она готова сама пріѣхать въ Санктпетербургъ, если бы въ этомъ встрѣтилась надобность.

Въ отвѣтахъ Князя Лимбургскаго на письма Принцессы пламенныя увѣренія въ любви къ ней смѣняются открытымъ сомнѣніемъ во всемъ, ею разсказанномъ; онъ въ нихъ то отказывается отъ ея руки, то грозитъ удалиться въ монастырь, коль скоро она его оставитъ; умоляетъ открыть ему истину, за которую онъ готовъ простить ей все ея прошедшее; проситъ ускорить доставленіемъ свѣдѣтельства о рожденіи, такъ какъ теперешняя ихъ связь лежитъ тяжелымъ камнемъ на его совѣсти и такъ какъ только брачный союзъ, совершенный по обряду Римско-Католической Церкви, можетъ сдѣлать его счастливымъ; наконецъ, совѣтуетъ воздержаться отъ излишнихъ расходовъ, которые уже увлекли его на край погибели и при которыхъ даже ея Персидскихъ сокровищъ было бы недостаточно для обезпеченія будущности ожидаемыхъ маленькихъ Али. Догадки Князя о прошлой жизни его возлюбленной получили новую пищу во Франкфуртѣ (въ началѣ Сентября мѣсяца), гдѣ онъ хлопоталъ о томъ, чтобы не выдавали Вантурса его Гентскимъ заимодавцамъ. Банкиръ Алленцъ прямо намекнулъ ему о Шенкѣ и показалъ письмо отъ Де Марина, изъ котораго можно было видѣть намѣреніе Принцессы уѣхать въ Парижъ, что вновь пробудило въ Князѣ ревность къ Огинскому. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ отъ Принцессы увѣдомленіе, что въ Стирумъ прибылъ Императорскій Фискалъ для наложенія на Графство запрещенія за долги. Дѣло это, впрочемъ, успѣли уладить, при помощи Горштейна, который счелъ долгомъ при этомъ сообщить легковѣрному Князю, что повѣсть о Русскомъ опекунѣ — чистая ложь.

Не смотря на это, Князь черезъ нѣсколько времени былъ вынужденъ, съ одной стороны, плохимъ состояніемъ своихъ финансовъ, а съ другой возобновившимися слухами о прежнемъ без-

нравственномъ поведеніи своей подруги, объявить ей, что долженъ съ нею разстатся на вѣки, Стирумъ предоставить заимодавцамъ и озаботиться сохраненіемъ своему семейству остатковъ имѣнія. На это Принцесса, не отрицая справедливости слуховъ касательно своего прежняго поведенія, сообщила Князю о своей, можетъ быть выдуманной, беременности, въ слѣдствіе чего онъ поклялся ей, что никогда ее не покинетъ, и съ тѣхъ поръ говорилъ всѣмъ, что обѣщалъ на ней жениться. [13] Въ Кобленцѣ, куда онъ прибылъ по своимъ дѣламъ, ему разсказали про одну госпожу, которая своими плутнями, совершенными ею въ послѣдніе годы въ Берлинѣ, Гентѣ и Лондонѣ, сильно себя опозорила. Судя по описанію, госпожа эта имѣла большое сходство съ его подругою. Лишь только Принцесса узнала объ этомъ, какъ немедленно объявила, что важныя дѣла призываютъ ее въ Санктпетербургъ, и письменно просила Князя, а также Горнштейна, достать ей на дорогу денегъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она поручала послѣднему выкупить въ Парижѣ оставленныя ею тамъ драгоцѣнныя вещи. Однако жь Де Маринъ рѣшительно воспротивился этой поѣздкѣ, намекнувъ при томъ весьма ясно на прошлую жизнь Принцессы. Она жаловалась на это Князю, который, не смотря на сомнѣніе въ существованіи Волдомирскаго Княжества и Персидскихъ сокровищъ, и на двусмысленное поведеніе Принцессы, до такой степени былъ ею обвороженъ и до того желалъ удержать ее отъ поѣздки, что самъ указалъ на средства успокоить Де Марина и получить отъ Горнштейна вспоможеніе, возбудивъ самолюбіе и алчность послѣдняго разными обѣщаніями. Въ сихъ видахъ онъ предложилъ ей выдать какого-то Русскаго Князя, находившагося тогда въ Спа, за своего опекуна, и совѣтовалъ объяснить Министру, какъ причину своей болѣзни, дабы онъ не противился болѣе ихъ совмѣстному житію, такъ и намѣреніе въ непродолжительномъ времени присоединиться къ Римско-Католической Церкви, что доставитъ большое удовольствіе ему и Курфирсту, которымъ припишутъ честь обращенія ея къ исповѣдуемой ими Вѣрѣ. [14] Хотя поѣздка въ Санктпетербургъ и не состоялась, однако жь Горнштейнъ ссу-

---

[13] О всемъ этомъ Князь въ послѣдствіи самъ напоминалъ Самозванкѣ (I № 186).

[14] Письма о семъ Князя (I №№ 198 и 221) доказываютъ, что онъ былъ не безполезнымъ участникомъ въ обманахъ Самозванки.

дилъ деньгами Принцессу и дозволилъ Князю перевезти ее въ Оберштейнъ (въ Октябрѣ мѣсяцѣ), и тамъ поселиться съ нею и съ Де Мариномъ, принявшимъ званіе управляющаго ея финансами.

Кажется, что Князь, вмѣстѣ съ клятвою, никогда не покидать возлюбленную, далъ, по случаю ея беременности, [15] обѣщаніе обезпечить за нею пожизненное владѣніе Оберштейнскимъ Графствомъ въ случаѣ, если бы бракъ не состоялся. Правда, при дѣлѣ нѣтъ письменнаго на это доказательства, но на существованіе подобнаго договора встрѣчаются многочисленныя указанія. Во всякомъ случаѣ, уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ слухъ объ этомъ распространился между прислугою. [16] До конца Декабря Князь часто посѣщалъ Оберштейнъ. Въ этѣ пріѣзды Самозванка старалась познакомить его съ тѣмъ, какъ должно пользоваться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни цѣлою системою обмановъ, и при этомъ неоднократно высказывала, что она не только намѣрена, но и въ состояніи, держаться подобной системы до конца. Вообще она пріобрѣла надъ этѣмъ слабымъ человѣкомъ такую власть, что въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ онъ съ ужасомъ вспоминаетъ объ этой системѣ, которой невольно слѣдовалъ. Въ слѣдствіе подчиненія его этѣмъ козпямъ, становится понятнымъ, по чему онъ, 28 Декабря, 1773 года, формальнымъ образомъ уполномочилъ Принцессу [17] вести переговоры съ Русскимъ Вице-Канцлеромъ, Княземъ Голицынымъ, касательно требованій, предъявляемыхъ имъ къ Ольденбургскому Владѣтельному Дому. Но важнѣе всего, по своимъ послѣдствіямъ, былъ слухъ, разнесшійся во время пребыванія его въ Оберштейнѣ, будто Принцесса—дочь покойной Россійской Императрицы Елисаветы, отправленная въ Сибирь шести или семилѣтнею дѣвочкою, оттуда сострадательными людьми вывезенная въ Персію, гдѣ, при дворѣ Шаха, получила

---

15 Со времени прибытія Принцессы въ Оберштейнъ о беременности ея уже болѣе не упоминается.

16 Въ Оберштейнѣ къ Принцессѣ нанялась горничною Франциска Фонъ Мешеде, дочь Прусскаго Капитана, до конца оставшаяся при Самозванкѣ.

17 Въ уполномочіи для имени и фамиліи оставлены чистыя мѣста послѣ титула Принцессы. Видно, что она еще не знала, какое по обстоятельствамъ себѣ присвоить имя (I № 240).

воспитаніе, и потомъ, въ слѣдствіе возникшихъ тамъ безпорядковъ, надѣленная большими сокровищами, въ сопровожденіи многочисленной свиты пріѣхавшая въ Европу. [18]

По всей вѣроятности, эта басня родилась первоначально въ головѣ самой Самозванки не изъ политическихъ цѣлей, а преимущественно какъ средство къ добыванію денегъ, тѣмъ болѣе, что разсказу о Персидскихъ сокровищахъ, принадлежащихъ будто бы Владѣтельницѣ Азова, вѣроятно, уже перестали вѣрить. Въ созданіи этой басни не принимали участія Поляки. Нѣтъ ни какого слѣда, чтобы Самозванка до осени 1773-го года находилась въ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ нихъ, исключая Огинскаго, писавшаго къ ней въ послѣдній разъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ о томъ, что, за неимѣніемъ денегъ, онъ былъ припужденъ выѣхать изъ Парижа въ провинцію. Напротивъ того, Огинскій уклонился отъ участія въ политической интригѣ, затѣянной Самозванкою. Что касается Князя Лимбургскаго, то можно предполагать, что онъ зналъ объ этомъ новомъ обманѣ, но видѣлъ въ немъ, можетъ быть, только средство къ скорѣйшему полученію согласія родственниковъ на его свадьбу съ Принцесою. Уже въ началѣ Генваря, 1774 года, вскорѣ послѣ оставленія имъ Оберштейна, съ дороги въ Аугсбургъ, [19] онъ пишетъ къ Горнштейну, чтобъ Принцесса вспомнила о Лейпцигскихъ корреспонденціяхъ, присовокупляя, что ни чего уже не будетъ болѣе казаться сверхъестественнымъ, какъ скоро узнаютъ о подобныхъ превращеніяхъ. При этомъ онъ привѣтствуетъ ее, какъ самодержавную Государыню Азіи и Европы. Прибавимъ, что въ письмахъ отъ 14 Генваря изъ Бартенштейна, куда заѣхалъ Князь, чтобы посѣтить сестру свою, [20] онъ, мимоходомъ и безъ малѣйшаго удивленія, упоминаетъ о слухахъ, будто бы Принцесса дочь Елисаветы; но въ послѣдствіи (въ пись-

---

[18] Это основано на показаніи Францискп Фонъ Мешеде, заслуживающемъ тѣмъ болѣе довѣрія, что она оказалась весьма ограниченнаго ума (Протоколъ Слѣдственной Коммисіи, стр. 84).

[19] Курфирстъ Трирскій владѣлъ и Аугсбургскимъ Епископствомъ.

[20] Жозефину-Фридерику-Поликсену, бывшую въ супружествѣ за Княземъ Гогенлое-Бартенштейнскимъ.

мѣ изъ Аугсбурга) съ явнымъ испугомъ передаетъ извѣстіе о вскрытіи во Франкфуртѣ письма Шенка.

Горнштейнъ пригласилъ Князя въ Аугсбургъ, какъ для того, чтобы заняться съ нимъ дѣлами, такъ и для того, чтобы положить конецъ соблазнительной его жизни съ Принцессою въ Оберштейнѣ. Вѣроятно, она сама заботилась объ удаленіи своего стараго любовника, который теперь уже не могъ ускользнуть изъ ея сѣтей, а между тѣмъ служилъ помѣхою ея новымъ планамъ. Во всякомъ случаѣ, тайная ея переписка съ Горнштейномъ оправдываетъ это предположеніе. Какъ сей послѣдній, такъ и Князь, очевидно, были слѣпыми и послушными ея орудіями. Во время пребыванія въ Аугсбургѣ они очень часто получали жалобы разныхъ лицъ на самовластіе Принцессы въ Оберштейнѣ, но это ихъ не столько огорчало, сколько извѣстіе, что она посѣщаетъ Протестантскую церковь, между тѣмъ какъ она сама писала, что съ величайшею ревностію занимается изученіемъ догматовъ Католическаго Исповѣданія. Это послужило поводомъ къ неудовольствію, и въ письмахъ Принцессы къ Князю, относящихся къ этому времени, кромѣ требованія дать ей въ займы 100 т. гульденовъ, для начатія, въ товариществѣ съ Огинскимъ, блестящаго предпріятія, и сообщенія, что Оберштейнскій Священникъ обвѣнчаетъ ихъ и безъ свѣдѣтельства о крещеніи, мы встрѣчаемъ снова заявленіе желанія ѣхать въ Персію, для устройства денежныхъ дѣлъ. [21] Горнштейнъ помирилъ Князя съ Принцессою, но при этомъ потребовалъ отъ перваго, чтобы онъ не видѣлся съ нею до свадьбы. Князь далъ согласіе и сообщилъ о томъ Принцессѣ. Впрочемъ, мысль о женитьбѣ на ней такъ сильно овладѣла имъ, что онъ даже готовъ былъ ѣхать съ нею на Востокъ, чтобы скорѣе добыть свѣдѣтельство о крещеніи, и вынудилъ отъ Горнштейна обѣщаніе дать Принцессѣ 1000 гульденовъ, если только она дѣйствительно туда поѣдетъ.

Въ это время въ Пфальцѣ жило много Поляковъ, Конфедератовъ, принадлежавшихъ къ партіи Виленскаго Воеводы, Князя

---

[21] Къ этому же времени относится и выдумка ея о сношеніяхъ съ Лордомъ Мельфордомъ, оставленная, впрочемъ, безъ вниманія, по настоятельному требованію Князя (III № 16).

Карла Радивила [22] Самъ онъ пріѣхалъ лѣтомъ 1772 года въ Прирейнскій край, чтобъ отсюда войти въ ближайшее сношеніе съ Версальскимъ Кабинетомъ. Не принадлежа къ правительственнымъ главамъ Барской Конфедераціи, онъ, однако, болѣе чѣмъ кто либо изъ нихъ старался противодѣйствовать Варшавскому Правительству. До весны 1773 года онъ жилъ въ Мангеймѣ, откуда въ Мартѣ того же года послалъ довѣреннаго своего, Михайла Доманскаго, [23] въ Ландсгутъ, гдѣ собирался Конфедераціонный Генералитетъ для совѣщанія о противодѣйствіи трактату о раздѣлѣ Польши. Мнѣніе Воеводы объ обнародованіи протестующаго Манифеста [24] и о необходимости поддержать низверженіе Станислава Августа, кажется, было принято. Въ Апрѣлѣ 1773 года Радивилъ переѣхалъ въ Страсбургъ. Не смотря на изданный Королемъ Польскимъ Универсалъ, которымъ призывались Конфедераты обратно въ Польшу и обѣщалось имъ прощеніе, Воевода остался вѣренъ Конфедераціи. [25] Въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ небольшую часть осени, Версальскій Кабинетъ изъ подъ руки, кажется, подалъ ему надежду на помощь. По крайней мѣрѣ, немедленно по возвращеніи въ Страсбургъ, онъ послалъ Косаковскаго въ Константинополь, чтобы склонить Порту на сторону Конфедератовъ, и доставить ему денегъ и пашпортъ на проѣздъ въ Турецкій станъ. Вскорѣ послѣ этого Радивилъ получилъ письмо отъ Епископа Масальскаго, приглашавшаго его возвратиться въ Варшаву и ручавшагося за полное прощеніе Короля. Но, въ слѣдствіе совѣщанія съ Французскимъ Министромъ, Герцогомъ Эгильономъ, Воевода отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія, и въ концѣ Декабря отправился изъ Страсбурга въ Венецію, съ намѣреніемъ дождаться здѣсь Фирмана, куда и прибылъ въ концѣ Февраля.

---

[22] Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о Радивилѣ заимствованы изъ книги Котлубая: Galerja Nieświeżska Radziwillowskich. Wilno. 1859 (стр. 494—500).

[23] Михаилъ Доманскій весьма замѣчательная личность въ настоящемъ разсказѣ, другъ Виленскаго Воеводы, былъ въ 1769 году, во время Конфедераціи, Консіліярусомъ Пинской дистрикціи (Konsiliarz Piński).

[24] При дѣлѣ сохранилось нѣсколько экземпляровъ этого Манифеста (II №№ 4, 5).

[25] Французскій переводъ переписки Радивила съ Вельгорскимъ объ этомъ предметѣ находится при Дѣлѣ (III № 41).

Вскорѣ пріѣхала сюда же и Самозванка, которая, какъ мы увидимъ ниже, поѣхала съ Радивиломъ въ Дубровникъ (Рагузу) и признана имъ за Русскую Великую Княжну. Теперь предстоитъ предварительно рѣшить вопросъ: не находились ли они уже въ сношеніяхъ до своей встрѣчи въ Венеціи, и путешествіе ихъ не было ли заранѣе между ними условлено? Отъ этого вопроса находится въ зависимости и слѣдующій: какъ Самозванкѣ пришло въ голову выдать себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны и сдѣлать изъ этого политическую интригу?

Арестованные съ нею, Михаилъ Доманскій и Янъ Чарномскій, показали,[26] что Принцесса, по пріѣздѣ въ Венецію, услыхавъ, что Воевода намѣревается ѣхать въ Константинополь, куда и она сбиралась, пожелала совершить это путешествіе подъ его покровительствомъ. Сама же она увѣряла,[27] что пріѣхала въ Венецію по денежнымъ дѣламъ и искала знакомства съ Радивиломъ только для того, чтобы онъ помогъ ея вѣрному слугѣ безопасно добраться до Персіи. Такимъ образомъ этѣ показанія существенно противорѣчатъ между собою. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что Доманскій говорилъ, будто Радивилъ въ Дубровникѣ поручалъ Секретарю своему, чрезъ посредство Бернатовича, собрать ближайшія свѣдѣнія объ иностранной Принцессѣ. Если бы можно было вполнѣ положиться на показаніе Доманскаго, въ такомъ случаѣ изъ него слѣдовало бы заключить, что, какъ онъ самъ, такъ и Радивилъ, познакомились съ Самозванкой только въ Венеціи; что только здѣсь узнали о ея притязаніяхъ на званіе Русской Великой Княжны, и что вся эта политическая интрига родилась въ ея головѣ, или въ головѣ ея сообщника, Шенка, а Радивилъ лишь только помогъ ей. Но этому противорѣчатъ слѣдующія обстоятельства: Самозванка въ теченіи зимы 1773 и 74 года, живя въ Оберштейнѣ, имѣла любовную интригу съ молодымъ человѣкомъ, котораго называли Мосбахскимъ незнакомцемъ. Этотъ незнакомецъ былъ Полякъ не слишкомъ знатнаго происхожденія, жившій потомъ съ Радивиломъ и Самозванкою

---

[26] Показаніе Доманскаго на стр. 75 и слѣд. Протокола Слѣдственной Коммисіи, а показаніе Чарномскаго на стр. 67 и слѣд.

[27] Показаніе Самозванки на стр. 51-й Протокола Слѣдственной Коммисіи.

въ Дубровникѣ, гдѣ его близкія отношенія къ ней не только продолжались, но даже огласились. Слухи о томъ, а также и о прежней Оберштейнской его интригѣ, дошли изъ Дубровника и до Князя Лимбургскаго. Самозванка сама призналась ему въ этой связи, тѣмъ болѣе, что, какъ кажется, эта связь должна была окончиться бракомъ, которому помѣшалъ Радивилъ.[28] Кто же могъ быть этотъ Полякъ? Доманскій, проживавшій въ Прирейнскомъ краѣ зиму 1773 и 4 годовъ и назначенный въ Венеціи Радивиломъ для сопровожденія Самозванки на корабль, самъ сознался въ Петербургѣ, что, страстно полюбивъ Принцессу, онъ для нея оставилъ Радивила, когда послѣдній изъ Дубровника возвратился въ Венецію, и даже соглашался на вѣчное тюремное заключеніе, лишь бы ихъ обвѣнчали. Если предположить, что Мосбахскій незнакомецъ и любовникъ Самозванки въ Дубровникѣ не былъ Доманскій, то тогда непремѣнно нашелся бы какой ни будь слѣдъ объ этомъ лицѣ въ показаніяхъ его и Чарномскаго. Конечно, въ темницѣ Самозванка не хотѣла и слышать о немъ, называла его неучемъ, не знающимъ ни одного языка, и при очной ставкѣ говорила съ нимъ только по Итальянски; но Доманскій, столь долго жившій съ Радивиломъ во Франціи и Германіи и исполнявшій его различныя порученія, вѣроятно, лучше говорилъ по Французски и по Нѣмецки, чѣмъ по Итальянски. Впрочемъ, они оба старались, къ взаимной выгодѣ, скрыть свое знакомство въ Германіи, чтобы, такимъ образомъ, встрѣча Радивила съ Принцессой въ Венеціи не могла показаться подготовленною на Рейнѣ. Вся система защиты Самозванки состояла въ отрицаніи заранѣе обдуманнаго и заключеннаго союза съ Радивиломъ, а Доманскій очень хорошо зналъ, что Слѣдственной Коммисіи всего важнѣе получить свѣдѣніе о зачинщикахъ и помощникахъ, которые не были бы ею пощажены.[29] Слѣдующія данныя почти несомнѣнно доказываютъ

---

[28] Всѣ этѣ обстоятельства явствуютъ изъ двухъ писемъ Князя Лимбургскаго къ Самозванкѣ, отъ 30 Октября, 1774 года (I № 235), и отъ 20-го Декабря того же года (III № 20).

[29] Должно имѣть въ виду и то, что Доманскій, приближенный, даже другъ Воеводы, долженъ былъ скрывать всякое предварительное соглашеніе Самозванки съ Радивиломъ, дабы не подвергнуть сего послѣдняго гнѣву Императрицы, милости которой онъ, по заключеніи мира, долженъ былъ снискивать.

существованіе предварительнаго соглашенія. Въ одномъ, написанномъ цифрами, письмѣ Князь Лимбургскій увѣдомлялъ свою любовницу, что такъ какъ онъ не согласился принять Воеводу въ Оберштейнѣ, то послѣдній избралъ мѣстомъ своего жительства Цвейбрюккенъ, гдѣ живетъ Докторъ, проведшій долгое время въ Польшѣ и пользующійся большимъ довѣріемъ ипохондрика Радивила, и гдѣ ожидаетъ прибытія Воеводы его довѣренное лицо. [30] Письмо это, какъ кажется, ясно указываетъ, что свиданіе должно было состояться въ Оберштейнѣ, согласно плану, предварительно составленному лицами, заинтересованными въ дѣлѣ. Сверхъ того, сохранилась еще записка Радивила къ Самозванкѣ, въ которой онъ называетъ ее «призванною Провидѣніемъ для спасенія Польши» и назначаетъ для свиданія съ нею нанятый имъ нежилой домъ, по тому что не желаетъ возбудить подозрѣніе въ публикѣ своимъ появленіемъ у нея въ Польскомъ костюмѣ. [31] Самозванка же, въ показаніи своемъ, данномъ Петербургѣ, относительно этой записки объявила, что Радивилъ назначилъ ей первое свиданіе въ Венеціи, въ пустомъ домѣ одного Сенатора, и что намековъ его на Польшу она тогда не поняла. Но противъ этого можно замѣтить, что во время ея пріѣзда въ Венецію, Радивилъ уже жилъ тамъ, по крайней мѣрѣ, два мѣсяца, со многими другими Поляками, [32] такъ что національный костюмъ ихъ уже не могъ болѣе бросаться въ глаза и привлекать на себя вниманіе. При томъ для Самозванки приготовленъ былъ въ Венеціи домъ Французскаго Резидента, [33] что могло быть устроено только Радивиломъ. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно то, что Самозванка, немедленно по отъѣздѣ изъ Оберштейна (въ Маѣ 1774 года), писала Горнштейну, что дѣла ея идутъ

---

[30] Письмо (I № 177) къ сожалѣнію, безъ числа. Князь въ то же время пишетъ, что ему дали знать изъ Вѣны, что взглядъ Императора на его притязанія измѣнился, такъ что дѣла его (Князя) примутъ очень благопріятный оборотъ, какъ скоро подтвердится слухъ о разрывѣ Швеціи съ Даніею.

[31] Записка эта уцѣлѣла (I № 112).

[32] Уже въ первыхъ числахъ Апрѣля 1774 года многіе Поляки (между прочимъ и Пулавскій) отправились изъ Венеціи въ Дубровникъ, чтобы оттуда ѣхать въ Константинополь (Journal historique de Génève,) (1774 г., стр. 329, 456).

[33] Это явствуетъ изъ одного письма Князя Лимбургскаго къ Самозванкѣ (I № 190).

хорошо, о чемъ Князь Лимбургскій, вѣроятно, уже извѣщенъ депешей Радивила. [34] Кромѣ того, по показанію Францискі Мешеде, [35] Радивилъ былъ у Принцессы на второй день по пріѣздѣ ея въ Венецію, а на третій день уже пріѣхалъ къ ней съ своею сестрою, Графинею Моравскою. Изъ всего этого можно съ вѣроятностію, кажется, заключить, что путешествіе Самозванки въ Венецію было слѣдствіемъ предварительнаго соглашенія между ею и Радивиломъ и что Доманскій велъ все дѣло. Но посредствомъ кого послѣдній вошелъ съ нею въ сношенія? Между привезенными въ Петербургъ арестантами находился нѣкто Іосифъ Рихтеръ изъ Познани. Этотъ Рихтеръ, до Апрѣля 1773 года, былъ въ числѣ слугъ Огинскаго, зналъ его сношенія съ Самозванкой и, вѣроятно, черезъ его посредство Доманскій, къ которому онъ поступилъ уже въ Германіи въ услуженіе, познакомился съ нею. Что же касается вопроса: сама ли Самозванка, для политической интриги, изобрѣла басню, будто она дочь Императрицы Елисаветы, или же кто либо другой, то этотъ вопросъ трудно разрѣшить не только положительно, но даже и съ нѣкоторою вѣроятностію. Выше уже замѣчено, что на Огинскаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать подозрѣніе въ сочиненіи этой басни. Еще въ Августѣ 1773 года Самозванка объявила, что владѣетъ имѣ-Азовомъ. Съ половины Октября она жила въ Оберштейнѣ подъ пемъ Принцессы Елисаветы Володомирской. Въ Декабрѣ уже разнесся здѣсь слухъ, будто Принцесса — дочь Русской Императрицы того же имени, и Князь Лимбургскій не только зналъ объ этомъ слухѣ, но еще содѣйствовалъ къ его распространенію. Слѣдовательно, изобрѣтеніе этой выдумки относится къ поздней осени 1773-го года. Около этого времени, можетъ быть, началось и знакомство Самозванки съ Доманскимъ, тѣмъ болѣе, что она въ это время путешествовала по Пфальцу и была въ Мангеймѣ. Доманскій въ крѣпости признался, что еще съ 1769-го года онъ узналъ отъ Русскаго Офицера о слухѣ, что Императрица Елисавета Петровна имѣла дочь, о чемъ и могъ передать Самозванкѣ.

---

[34] Это разсказывалъ Горнштейнъ въ письмѣ къ Князю Лимбургскому (I № 172).

[35] Показаніе Францискі Мешеде на стр. 84 и слѣд. Протокола Слѣдственной Коммиссіи.

Въ головѣ послѣдней, узнавшей объ этомъ обстоятельствѣ, легко могла родиться мысль воспользоваться имъ для новыхъ обмановъ, по тому что, какъ было выше замѣчено, изъ басенъ о сокровищахъ Принцессы Володомирской, владѣтельницы Азова, становилось уже довольно трудно что ни будь извлечь. Вѣрилъ ли, или не вѣрилъ, Князь этѣмъ слухамъ, рѣшить трудно, но, во всякомъ случаѣ, онъ могъ ими воспользоваться, чтобы расположить своихъ родственниковъ въ пользу брака его съ Принцессою. Шенкъ, вѣроятно, былъ посвященъ въ тайну и старался о распространеніи выдумки. Въ началѣ Генваря 1774 года она уже была извѣстна въ Бартенштейнѣ. Доманскій, узнавъ, что прекрасная Оберштейнская Принцесса дочь Императрицы Елисаветы, долженъ былъ, съ одной стороны, увѣдомить о томъ Радивила, а съ другой разсказать Самозванкѣ о намѣреніяхъ Воеводы возобновить борьбу съ Россіею при помощи Турціи. Въ то же время газеты разгласили о подвигахъ Пугачова, которому удалось выдать себя за Петра III-го и произвести значительные безпорядки. Князь Лимбургскій часто бывалъ въ Мангеймѣ. Здѣсь онъ могъ легко познакомиться съ Поляками, по тому что повѣренный его, Курфиртскій Совѣтникъ Мобюсонъ, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ жившаго при дворѣ Курфирста, Князя Іеронима Радивила и гувернера его, Бернатовича. Воевода, по дорогѣ изъ Страсбурга въ Венецію, конечно, посѣтилъ брата въ Мангеймѣ. Въ это время (въ концѣ Декабря, 1773, или въ Генварѣ 1774 года) онъ могъ имѣть свиданіе съ Самозванкой въ Цвейбрюккенѣ. Намѣреніе Самозванки играть политическую роль уже было въ то время задумано, такъ какъ Радивилъ величалъ ее спасительницею Польши. Сама ли она напала на эту мысль, внушилъ ли ее ей Доманскій, самъ собою, или по наученію Радивила, это, вѣроятно, навсегда останется тайною. Но, во всякомъ случаѣ, Князь Лимбургскій въ то время еще ни чего не зналъ объ этомъ намѣреніи, хотя невольно способствовалъ этому свиданію, давая своей любовницѣ полномочіе вести переговоры съ Русскимъ Вице-Канцлеромъ о его притязаніяхъ на Гольштейнъ.

Кажется, между Самозванкой и Воеводой было рѣшено снова привлечь Огинскаго въ Конфедерацію, по тому что въ Генварѣ и Февралѣ 1774 года она нѣсколько разъ писала къ нему,

приглашая его въ Оберштейнъ, при чемъ таинственно намекала на нѣчто важное для будущности Польши. 1-го Марта онъ отвѣчалъ изъ Парижа. [36] куда только что возвратился изъ провинціи, что не понимаетъ заключающихся въ ея письмахъ намековъ, и не можетъ, къ сожалѣнію, предпринять путешествіе въ Германію, не навлекая на себя подозрѣнія въ политическихъ интригахъ. Отвѣтъ на другое письмо ея, исполненное кокетства, попалъ въ руки Князя Лимбургскаго, о которомъ Огинскій упоминалъ въ выраженіяхъ не очень лестныхъ.

Это письмо снова возбудило ревность въ несчастномъ любовникѣ, тѣмъ болѣе, что изъ Оберштейна онъ давно не получалъ ни какихъ писемъ. Къ тому же, по извѣстіямъ изъ Парижа, Макке опять затѣвалъ предъявить свои требованія. На упреки Князя Принцесса возражала намеками на извѣстныя ей отношенія его къ одной женщинѣ, имѣвшей даже отъ него нѣсколькихъ дѣтей, и успѣла успокоить его на счетъ Огинскаго. При этомъ она прямо объявила ему о невозможности отдѣлиться отъ Шенка, вѣроятно, опять требовавшаго денегъ, такъ какъ у него въ рукахъ всѣ ея прежнія бумаги, по содержанію коихъ она можетъ подвергнуться большимъ непріятностямъ, и что, во всякомъ случаѣ, она намѣрена до конца слѣдовать принятой ею системѣ. Въ этомъ же письмѣ, написанномъ, какъ надо полагать, во второй половинѣ Марта, она въ первый разъ намекнула на то, что надѣется, съ помощію Поляковъ, играть политическую роль. Отвѣтъ Князя изъ Бартенштейна, отъ 30-го Марта, наполненъ сильными упреками. Упомянувъ о томъ, что она, въ слѣдствіе своей безразсудности, погубила себя, довѣрившись людямъ, подобнымъ Шенку, и разорила его, единственнаго человѣка, который никогда ее не покинетъ, онъ, далѣе въ своемъ письмѣ, спрашиваетъ ее, за чѣмъ въ настоящее время она опять запутываетъ себя въ какіе-то таинственные замыслы? Вообще изъ его письма видно, что онъ вовсе не принималъ живаго участія въ ея новыхъ предпріятіяхъ, и что ему не было ни какого дѣла ни до Персіи, ни до Россіи; онъ заботился лишь о ней одной, и готовъ былъ забыть все, если бы она довѣрилась ему безусловно, и только въ случаѣ, когда

[36] Письмо находится при дѣлѣ (I № 140).

бы она предпочла упорно держаться своей системы, онъ требовалъ, чтобы она оставила Оберштейнъ до его пріѣзда. [37]

Но очаровательницѣ не трудно было вновь привлечь въ свои сѣти этого слабаго человѣка, какъ скоро онъ пріѣхалъ въ Оберштейнъ. Вѣроятно, Князь въ Мангеймѣ получилъ положительныя свѣдѣнія о политическихъ сношеніяхъ Радивила съ его возлюбленной, и по тому началъ вѣрить Русскому ея происхожденію. Еще болѣе онъ убѣдился въ этомъ, когда Принцесса сообщила ему, что Княгиня Сангушко [38] увѣдомила ее, будто Французскій Король (Людовикъ XV) одобрилъ ея намѣреніе отправиться съ Радивиломъ, чрезъ Венецію, въ Турцію, дабы оттуда предъявить свои права на Россійскую Корону [39] и, посредствомъ новой революціи въ Польшѣ и продолжающейся войны Турокъ съ Русскими, низвергнуть съ престола Екатерину. [40] О надеждахъ ихъ на Пугачова Князь Лимбургскій узналъ, кажется, уже въ послѣдствіи. Во всякомъ случаѣ, онъ дозволилъ ей пригласить Огинскаго, отъ его имени, въ Оберштейнъ, между тѣмъ какъ самъ отправился къ сестрѣ въ Бартенштейнъ, чтобъ приготовить свое семейство къ предстоящему бракосочетанію его съ знаменитой иностранной Принцессою.

---

[37] Письмо Князя отъ 30-го Марта повторяетъ все, что она ему писала (I № 164).

[38] При дѣлѣ находится присланный, будто бы Княгинею Сангушко, списокъ мѣстъ, занятыхъ Пугачовымъ (III № 26). Бабка Радивила была урожденная Сангушко, по этому онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ этому роду. Во всякомъ случаѣ, ссылка на Княгиню Сангушко доказываетъ, что Самозванка въ это время уже имѣла подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ, существовавшихъ между Поляками. Какимъ же образомъ могли сдѣлаться извѣстными ей въ Оберштейнѣ этѣ обстоятельства, если не чрезъ Поляка, принадлежавшаго къ Радивиловской партіи?

[39] Едва ли Версальскій Кабинетъ въ чемъ ни будь благопріятствовалъ продѣлкамъ Самозванки, особенно когда Огинскій и Вельгорскій, жившіе при Дворѣ, не имѣли ни какихъ свѣдѣній объ ея предпріятіи. Однако жь, этотъ Кабинетъ, безъ всякаго сомнѣнія. зналъ и поощрялъ помыслы самого Радивила и другихъ Поляковъ, отправлявшихся въ Константинополь.

[40] Этѣ обстоятельства явствуютъ изъ письма Князя Лимбургскаго отъ 17 Мая къ Самозванкѣ, въ которомъ онъ разсказываетъ свою бесѣду съ агентомъ Огинскаго (II № 185).

Въ Бартенштейнѣ, кромѣ довѣрительнаго письма, написаннаго съ цѣлью успокоить въ немъ возбужденное чувство ревности, [41] получено было имъ официяльное, въ которомъ Принцесса извѣщала его, что, будучи готова принесть ему въ жертву блестящую свою будущность, она въ настоящее время намѣрена предпринять небольшое путешествіе, для устраненія послѣднихъ препятствій къ ихъ брачному союзу. Познакомиться съ его родными она желаетъ уже послѣ того, когда сдѣлается его женою и когда будутъ возвращены всѣ уплаченныя имъ за нее деньги. Въ отвѣтъ на послѣднее Князь написалъ Принцессѣ такое же официяльное письмо, исполненное самаго искренняго чувства: въ немъ, между прочимъ, онъ доказывалъ, что, не имѣя возможности вознаградить часть рода человѣческаго (должно быть, Русскихъ) за потерю такой прекраснѣйшей Принцессы, онъ не можетъ принять подобной съ ея стороны жертвы. По этой перепискѣ, о которой, вѣроятно, они предварительно и тайно уговорились, оба они съѣхались въ Нейсесѣ, и въ первыхъ числахъ Мая опять были въ Оберштейнѣ, гдѣ условились относительно устройства ихъ будущности и приготовленія къ путешествію. Князь не только досталъ Принцессѣ, впрочемъ, съ большимъ трудомъ, на дорогу денегъ, но и открылъ ей кредитъ у, находившагося еще въ Аугсбургѣ, Министра Горнштейна, и даже передалъ ей деньги, назначенныя для собственной поѣздки въ Вѣну. За это она обѣщала сама въ послѣдствіи съѣздить въ Вѣну, и заставила его выдать ей полномочіе вести при Дворѣ Императора переговоры касательно притязаній Князя на владѣніе Шлезвигомъ и Гольштейномъ. Князь, сверхъ того, долженъ былъ выдать ей свѣдѣтельство въ томъ, что Де Маринъ, [43] бывшій въ это время

---

[41] Дѣло шло о какомъ-то молодомъ незнакомцѣ, который нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Оберштейнъ во время отсутствія Князя, вмѣстѣ съ Господиномъ Фонъ Линденбахъ; надобно полагать, что это воображаемая фамилія, подъ которой скрывался Берпатовичъ, Мобюсонъ, или какой ни будь другой повѣренный Радивила. Молодой человѣкъ былъ, вѣроятно, Іеронимъ Радивилъ, или, можетъ быть, Доманскій.

[42] Оба документа при дѣлѣ (I № 166 и 128), равно какъ и проектъ о знаменитыхъ гранильныхъ фабрикахъ агата въ Оберштейнѣ. Самозванка ускорила, должно быть, отъѣздомъ для того, чтобы воспользоваться отлучкою Де Марина.

въ отсутствіи, вполнѣ предоставилъ на ея благоусмотрѣніе уплату своихъ требованій. Самозванка, 9-го Мая, письменно простилась съ Огинскимъ, и при этомъ довольно ясно намекнула ему какъ о своемъ рожденіи, такъ и о своихъ планахъ, предлагая соединиться съ нею и Радивиломъ въ Венеціи, для совмѣстнаго путешествія въ Константинополь. Въ то же самое время она препроводила къ нему проектъ займа, къ принятію котораго онъ долженъ былъ побудить Парижскихъ банкировъ. Въ Константинополѣ, судя по ея письму, она надѣялась найти навѣрное свои Персидскія деньги, но до тѣхъ поръ, для осуществленія ея предпріятія, ей крайне нужны значительныя суммы. 13 Мая Принцесса, въ сопровожденіи Князя, выѣхала изъ Оберштейна. Въ Цвейбрюккенѣ они разстались: Принцесса поѣхала въ Аугсбургъ, чтобъ видѣться съ Горнштейномъ, а Князь возвратился въ Оберштейнъ.

Здѣсь онъ засталъ агента Огинскаго, посланнаго имъ 9 Мая, до полученія письма отъ Принцессы, чтобы окончательно разъяснить таинственные намеки, ею сдѣланные. Агентъ Бернгарди, наставникъ дѣтей Графа Вельгорскаго, шурина Огинскаго, былъ крайне удивленъ, когда Князь объяснилъ ему положеніе дѣлъ, о которомъ оба лица, уполномочившія его, не имѣли ни малѣйшаго понятія. Положительность, съ которою Князь сослался на депешу Княгини Сангушко, убѣдила Бернгарди въ истинѣ всего писаннаго, и онъ обѣщалъ тотчасъ же возвратиться въ Парижъ, чтобы, съ помощію Вельгорскаго, побудить, черезъ чуръ осторожнаго и лѣниваго, Огинскаго къ немедленному отъѣзду въ Венецію, если только Французскій Король еще не умеръ отъ тяжкой своей болѣзни. [43] Въ случаѣ же кончины Короля, необходимо было выждать, какое направленіе приметъ политика его преемника. Князь приписывалъ успѣхъ своихъ переговоровъ съ Бернгарди, страстнымъ поклонникомъ Короля Прусскаго, особенно обѣщанію, что Принцесса присоединится къ политикѣ сего послѣдняго и нисколько не сопротивится расширенію границъ Пруссіи къ востоку посредствомъ сношеній съ Пугачовымъ, [44] стараясь, между

---

[43] Король скончался 10 Мая, на другой день послѣ отъѣзда Бернгарди изъ Парижа.

[44] Оба политика не знали, кажется, что въ то время звѣзда Пугачова уже начала гаснуть.

тѣмъ, отвлечь вниманіе Австрійцевъ Турецкими дѣлами, а вниманіе Русскихъ Шведскими. Бернгарди уѣхалъ въ Парижъ 16-го Мая, и тогда же увѣдомленіе объ этѣхъ переговорахъ было послано Принцессѣ въ Аугсбургъ. [45]

Изъ Вирцбурга Принцесса отправила впередъ къ Горнштейну курьера, чтобы при пріѣздѣ своемъ найти нужныя ей деньги. Встревоженный Министръ бросился къ Князю, и умолялъ его не впутываться въ замыслы Принцессы, слѣдуя за ней въ Венецію. 20 Мая Горнштейнъ, не желая возбуждать общаго вниманія въ городѣ, съѣхался съ Принцессою въ Зусмарсгаузенѣ. Здѣсь онъ настоятельно отклонялъ ее отъ дальнѣйшаго преслѣдованія ея замысловъ и, кажется, съ успѣхомъ; по крайней мѣрѣ, она обѣщала послѣдовать его совѣту, пробыть въ Венеціи самое короткое время и потомъ или возвратиться къ нему, или проѣхать въ Вѣну, для устройства дѣлъ Князя. Министръ выдалъ ей на счетъ Князя 200 червонцевъ, за которыми она и отправилась въ Бриксенъ. Не мало былъ удивленъ Горнштейнъ, когда, спустя нѣсколько дней, онъ получилъ два письма: одно отъ Князя, съ просьбою доставить его по надписи Принцессѣ Елисаветѣ Всероссійской, а другое отъ Принцессы, съ просьбою доставить оное ея супругу. [46] Горнштейнъ немедленно написалъ къ ней, обращая ея вниманіе на множество противорѣчій, встрѣчающихся какъ въ прежнемъ, такъ и теперешнемъ, ея поведеніи. Однако это не помѣшало ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣщать ей всякую, зависящую отъ его положенія, помощь, равно какъ и убѣждать ее непремѣнно выбрать въ Венеціи хорошаго Римско-Католическаго Священника, которому она могла бы вполнѣ довѣриться. Принцесса, употребивъ небольшую хитрость, сама вызвала такой совѣтъ. Она написала ему изъ Бриксена, что будучи принуждена остаться въ Венеціи долѣе, нежели предполагала, намѣрена воспользоваться своимъ пребываніемъ тамъ для основательнаго изученія догматовъ Римско-Католической Вѣры.

Хотя Князь Лимбургскій былъ посвященъ въ замыслы Самозванки, но въ его характерѣ не было надлежащей послѣдова-

---

[45] Это письмо, отъ 17-го Мая, приведено уже выше сего.

[46] Этѣ обстоятельства явствуютъ изъ писемъ Горнштейна къ Самозванкѣ (I № 168) и Князя Лимбургскаго къ ней (I № 202).

тельности и твердости. Съ одной стороны, онъ приходилъ въ отчаяніе, что разстался съ ней, а съ другой не зналъ, что дѣлать, когда Де Маринъ пріѣхалъ и не засталъ своей должницы, а Понсе началъ преслѣдовать Де Марина. Хотя онъ въ это время началъ надѣяться на успѣхъ своихъ переговоровъ съ Бернгарди, по тому что получилъ, вѣроятно, изъ Мапгейма, извѣстіе о томъ, что новый Король Французскій выгодно отозвался о предпріятіи Радивила, [47] однако письмо Огинскаго, отъ 22 Мая, [48] разрушило окончательно надежду на сего послѣдняго. Онъ отказался отъ всякаго участія въ замыслахъ Принцессы, конечно, не безъ изящныхъ фразъ о великомъ поприщѣ, открывающемся предъ ней, и весьма саркастически извинился, что не можетъ содѣйствовать успѣшному ходу порученнаго ему займа. Это письмо поколебало въ Князѣ довѣріе къ предпріятію Принцессы, особенно когда въ то же время газеты сообщили нехорошія извѣстія о Пугачевѣ. [49] По этому онъ немедленно написалъ письмо къ своей возлюбленной, въ которомъ умолялъ ее возвратиться въ Оберштейнъ и отказаться навсегда отъ своихъ сумасбродныхъ замысловъ и требовалъ, чтобы она отнюдь не выдавала себя за его жену. Въ довершеніе бѣдствій, обрушившихся на Князя, въ Вѣнѣ его тяжба была проиграна и всѣ безъ исключенія имѣнія подверглись секвестру, а перехваченное письмо послужило доказательствомъ, что Принцесса вошла въ новыя сдѣлки съ Макке, теперешнимъ Княжескимъ Маіоромъ и кавалеромъ. Но и это все не излѣчило Князя отъ его ослѣпленія: онъ не только не разорвалъ съ нею связи, но, напротивъ, просилъ Министра Горнштейна выслать къ ней 200 червонцевъ, о чемъ увѣдомилъ ее письмомъ, въ которомъ, между разными совѣтами, упрекнулъ ее въ томъ, что она разстроила его состояніе. [50]

---

[47] Письмо Князя Лимбургскаго къ Самозванкѣ (I № 200).

[48] Оно уцѣлѣло (I № 131).

[49] Когда по газетамъ звѣзда Пугачова закатилась, то въ Князѣ возбудилось желаніе соединиться вновь съ предметомъ его страсти.

[50] Письмо Князя къ Самозванкѣ отъ 8 Іюня (I № 82).

Въ послѣднихъ числахъ Мая мѣсяца Принцеса съ свитою [51] прибыла въ Венецію подъ именемъ Графини Пиннебергъ, и съ этѣхъ поръ она уже постоянно носила это имя, вѣроятно изъ желанія возбудить догадки, будто подъ этѣмъ чужимъ именемъ скрывается супруга Герцога Шлезвигъ-Гольштейнскаго. [52] Для нея было приготовлено помѣщеніе въ домѣ Французскаго Резидента. На третій день послѣ ея пріѣзда Радивилъ былъ у нея съ посѣщеніе, которое она ему вскорѣ отдала въ жилищѣ сестры его. Послѣ того они часто видѣлись для тайныхъ переговоровъ, и Радивилъ обыкновенно являлся къ ней въ сопровожденіи только Секретаря Микошты. [53] Когда разспрашивали сего послѣдняго о таинственной иностранкѣ, онъ подъ тайной объяснялъ, что она дочь Императрицы Елисаветы и пріѣхала сюда изъ Германіи, чтобы, подъ покровительствомъ Радивила, проѣхать въ Константинополь. [54] Надобно полагать, что объ этомъ узнали многіе изъ Поляковъ, собравшихся въ Венецію, и изъ Французскихъ Офицеровъ, находившихся тамъ же, чтобы, вмѣстѣ съ Воеводой, отправиться на помощь Туркамъ. Сама Самозванка какъ будто хлопотала о распространеніи этого слуха: вмѣсто того, чтобъ жить скромно, она тотчасъ же начала вести роскошную жизнь и искать новыхъ знакомствъ. Къ числу ихъ принадлежали, кромѣ двухъ Капитановъ изъ Варварійскихъ владѣній Порты,

---

[51] Въ Бриксенѣ присоединились къ ней, кажется, еще разныя лица, быть можетъ, также и Доманскій. Полковникъ Баронъ Кнорръ, назначенный Княжескимъ Резидентомъ въ Венецію, былъ Гофмаршаломъ Самозванки.

[52] Пиннебергъ — Графство въ Гольштиніи.

[53] Такъ, кажется, слѣдуетъ читать весьма нечетко написанную фамилію.

[54] Доманскій при допросѣ утверждалъ, что онъ выманилъ эту тайну у Секретаря, когда частыя посѣщенія Радивила подстрекнули его любопытство. Но это утвержденіе его точно также лишено всякаго правдоподобія, какъ и другое, будто Радивилъ намѣревался поѣхать въ Константинополь единственно для исходатайствованія себѣ прощенія по случаю заключенія мира. Этому противорѣчитъ во первыхъ, то, что Радивилъ стоялъ въ главѣ цѣлой толпы Польскихъ и Французскихъ Офицеровъ, съ которыми хотѣлъ идти на помощь Туркамъ; во вторыхъ, что онъ принялъ участіе въ преступныхъ замыслахъ Самозванки, выдавшей себя за наслѣдницу Россійскаго Престола; и въ третьихъ, переписка его съ Радзишевскимъ, о которой мы скажемъ ниже.

Гассана и Мехемета, Англичанинъ Монтегю,[55] чудакъ, бывшій долго на Востокѣ, Графъ Пржездецкій, Староста Пинскій, и Янъ Чарномскій,[56] одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ Генеральной Конфедераціи и главы ея, Графа Потоцкаго. Этотъ Чарномскій въ Венеціи присоединился къ Воеводѣ Виленскому, чтобъ, подъ его покровительствомъ, безопасно доѣхать до Турціи. Между знакомыми Самозванки слѣдуетъ упомянуть еще банкира Мартинелли, который, однако, съ Итальянской хитростію съумѣлъ охранять свою кассу отъ ея притязаній. Впрочемъ, точно такая же неудача, кажется, была ей и у прочихъ банкировъ, хотя она не переставала повторять баснословные разсказы о богатыхъ ломкахъ агата, находящихся въ принадлежащемъ будто бы ей Графствѣ Оберштейнъ. Лишь одинъ Венеціянскій банкъ рѣшился дать ей въ ссуду двѣсти червонцевъ. Въ такихъ обстоятельствахъ надлежало снова просить денегъ у Министра Горнштейна. При этомъ случаѣ Самозванка въ первый разъ сообщила ему о своемъ домогательствѣ на престолъ, что дало ей возможность указать на блестящее положеніе, ожидающее ее въ Россіи. За истощеніемъ денежныхъ средствъ, Графиня Пиннебергъ не противилась болѣе ускоренію своего отъѣзда изъ Венеціи. Баронъ Кнорръ остался здѣсь для устройства ея денежныхъ дѣлъ и веденія переписки. Быть можетъ, онъ же разыгрывалъ въ Почтамтѣ роль Господина

---

[55] Эдуардъ Вортли Монтегю былъ сынъ извѣстной писательницы Леди Мери, дочери Герцога Кингстонскаго; онъ умеръ въ Венеціи въ 1776 году.

[56] Уже въ 1768 году Чарномскій былъ въ перепискѣ съ Бенеславскимъ, Красинскимъ и Потоцкимъ; въ 1769 году перешелъ съ Конфедератами черезъ Австрійскую границу и посланъ былъ Потоцкимъ съ просьбою о помощи къ Сераскиру и Крымскому Хану. Въ Парижѣ онъ опять сошелся съ Потоцкимъ и Красинскимъ и отправился въ Турцію въ качествѣ официяльнаго ихъ агента. Въ Февралѣ 1774 года онъ былъ въ Веронѣ у Потоцкаго, а въ Маѣ сей послѣдній и Путкаммеръ уполномочили его къ тому, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ Каленскимъ, официяльнымъ агентомъ Конфедераціи въ Турецкомъ станѣ, побуждалъ Турокъ къ поданію помощи Полякамъ, и чтобы посовѣтывался объ этомъ съ Радивиломъ. Потоцкій самъ его проводилъ до Венеціи и вручилъ ему, на имя Султана и Верховнаго Визиря, формальныя письма Конфедераціи, подписанныя 15 Апрѣля, 1774 года, Красинскимъ и Пацомъ, а отъ себя рекомендательное къ Верховному Визирю письмо, равно какъ различные Манифесты и другія бумаги, находящіяся всѣ при дѣлѣ (I №№ 3—66, II №№ 6, 34, 37, 38, 42).

Крымова, знатнаго Персіянина, котораго Самозванка съ начала зимы начала выдавать за вышепомянутаго своего опекуна, а теперь велѣла на его имя доставлять всѣ письма, приходившія изъ Германіи и Парижа.

16 Іюня Радивилъ съ своимъ обществомъ сѣлъ на суда Капитановъ Мехемета и Гассана, чтобы плыть въ Корфу. Доманскій заѣхалъ за Графинею Пинпебергъ, и Радивилъ, котораго сопровождали его сестра и дядя, встрѣтилъ ее на кораблѣ съ большими почестями. Присутствовавшимъ при этомъ Полякамъ и Французамъ, на ихъ вопросы о Графинѣ, было сообщено за тайну, что она—Русская Принцесса, родившаяся отъ тайнаго брака Императрицы Елисаветы, и что въ настоящее время, при помощи Турокъ и Поляковъ, намѣрена принять сама предводительство надъ своими многочисленными приверженцами въ Россіи. Съ тѣхъ поръ всѣ оказывали ей уваженіе, должное Русской Великой Княжнѣ, хотя и называли ее Графинею. Дядя и сестра Радивила возвратились на кораблѣ Гассана изъ Корфу въ Венецію, откуда намѣревались предпринять дальнѣйшее путешествіе въ Польшу. Прочее же общество, за противными вѣтрами, затруднявшими плаваніе, только въ послѣднихъ числахъ Іюня прибыло въ Дубровникъ. По просьбѣ Радивила, Французскій Консулъ Дериво уступилъ Графинѣ Пинпебергъ свой домъ, сдѣлавшійся нѣкоторымъ образомъ главной квартирой Польско-Французской Экспедиціи, такъ какъ Воевода ежедневно обѣдалъ съ знатнѣйшими членами своей свиты у Графини, которой давалъ нужныя на хозяйство деньги. [57]

Въ Дубровникѣ Графиня нашла письма изъ Германіи. Князь Лимбургскій въ открытомъ письмѣ писалъ, что онъ явится по первому вызову, присланному къ нему Радивиломъ чрезъ Турецкаго Посла въ Вѣнѣ. Въ довѣрительномъ же письмѣ, исполненномъ пламенной любви, онъ объявлялъ Графинѣ, что ни какъ не въ состояніи слѣдовать за нею и умолялъ ее избѣгать новыхъ сумасбродныхъ предпріятій. Графиня, чрезъ Гассана, которымъ, кажется, уже вполнѣ располагала, отправила письмо, отъ 1 Іюня, въ Венецію, для доставленія Князю. Она въ немъ передавала самыя блестящія

---

[57] Такъ показали Чарномскій и Франциска Мешеде.

надежды и уговаривала его пріѣхать какъ можно скорѣе, по тому что курьеръ Радивила, которой долженъ доставить имъ необходимые къ путешествію въ Константинополь Фирманы, уже посланъ за ними. Далѣе она писала, что Воевода у ея ногъ, [58] а какъ скоро они будутъ въ Турецкомъ станѣ, то и Огинскій не замедлитъ къ ней присоединиться. Князь тотчасъ же отвѣтилъ, что онъ не въ состояніи пріѣхать и не можетъ прислать къ ней ни требуемаго груза агата, ни поваровъ, по тому что она, вѣроятно, уже оставила Дубровникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ее просилъ: не полагаться слишкомъ на Огинскаго, представить въ Константинополѣ въ надлежащемъ видѣ притязанія его на Шлезвигъ и Гольштейнъ и, ради Бога, не выдавать себя за его жену. Между тѣмъ, планъ Самозванки уже созрѣлъ. 10-го Іюля она написала къ Министру Горнштейну, что, надѣясь на помощь его, какъ мужа Государственнаго и Католика, намѣрена скинуть съ себя теперь покрывало, тѣмъ болѣе, что старались уже распространить слухъ о ея смерти; что прежде всего она намѣрена склонить на свою сторону флотъ, стоящій въ Ливорнѣ, и распорядиться такъ, чтобы объ ней заговорили въ газетахъ, между тѣмъ какъ Порта Оттоманская обнародуетъ ея Манифесты. Въ Константинополѣ она останется не на долго, дабы скорѣе стать въ главѣ своего народа и быть провозглашенною Государыней. Всѣ извѣстія газетъ о предстоящемъ въ скоромъ времени мирѣ—[59] чистая выдумка: миръ заключенъ будетъ тогда только, когда удовлетворятъ ея требованія, вполнѣ согласныя съ выгодами Турціи. Духовныя завѣщанія ея дѣда и матери несомнѣнно даютъ ей право требовать владычества надъ народомъ, который ее къ себѣ призываетъ. [60] Здѣсь Самозванка въ первый разъ упомянула о документахъ, на которыхъ

---

[58] Сэръ Джонъ Дикъ позднѣе разсказывалъ, будто Самозванка въ Дубровникѣ сдѣлалась любовницей Радивила, но въ доказательство этого нѣтъ ни какихъ положительныхъ данныхъ.

[59] Именно въ это время побѣды, одержанныя Русскими, поставили Турокъ въ крайне затруднительное положеніе, что и было причиною слуховъ о заключеніи мира.

[60] Весьма странно, что при изслѣдованіи дѣла такъ мало обратили вниманія на это замѣчательное письмо, которое вчернѣ отъ начала до конца писано рукою Самозванки и находится при дѣлѣ (III № 6).

хотѣла основывать свои притязанія и которые она въ послѣдствіи не рѣдко сообщала лицамъ, отъ коихъ ожидала помощи. Документы сіи, сохранившіеся въ собственноручныхъ ея рукописяхъ, суть слѣдующіе: 1) Духоввое завѣщаніе Петра Великаго о престолонаслѣдіи; [61] 2) Духовное завѣщаніе Императрицы Екатерины I, [62] и 3) Духовное завѣщаніе Императрицы Елисаветы. [63] Въ немъ Императрица назначаетъ наслѣдницею престола дочь свою, Елисавету, сначала подъ опекою Петра, Принца Ольденбургскаго, при чемъ излагаетъ правила, по которымъ слѣдуетъ управлять Государствомъ. На сколько Радивилъ участвовалъ въ составленіи этѣхъ документовъ, опредѣлить трудно. Даже не видно, вѣрилъ, ли онъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ, баснѣ о томъ, что Приицесса—дочь Императрицы Елисаветы. Но, во всякомъ случаѣ, въ Венеціи и вскорѣ по прибытіи въ Дубровникъ, онъ несомнѣнно долженъ былъ пособлять ей въ роли, которую она начала играть. Утвердительно можно сказать, что этѣ документы составлены не одною Самозванкой; по крайней мѣрѣ, Духовное завѣщаніе Императрицы написано лицомъ, знавшимъ Французскій языкъ лучше ея. Документы сіи, по видимому, не были писаны въ Оберштейнѣ, ибо почеркъ переводовъ не имѣетъ ни какого сходства съ почеркомъ Князя Лимбургскаго и лицъ, составлявшихъ его общество; по этому, кажется, можно заключить, что списки съ документовъ, вѣроятно, сдѣланы Доманскимъ, или Чарномскимъ. [64] Почеркъ ихъ извѣстенъ по даннымъ ими при допросѣ письменнымъ показаніямъ,

---

[61] При этомъ должно замѣтить, что въ дѣлѣ нѣтъ копіи, отправленныхъ Самозванкой въ Ливорно къ Графу Орлову. Духовное завѣщаніе Петра Великаго существуетъ въ двухъ экземплярахъ (II № 31 и № 29), написанныхъ рукою Самозванки.

[62] Копія съ Французскаго перевода (II № 29) написана съ начала до конца рукою Самозванки.

[63] При дѣлѣ находятся: экземпляръ Духовнаго завѣщанія Императрицы Елисаветы (IV № 7), писанный Самозванкою, и копія съ него, писанная не ея рукою (II № 35), но имѣющая на оборотѣ надпись, сдѣланную ею: «Testament d'Elisabeth, Princesse Impériale de toutes les Russies.»

[64] Слѣдственная Коммисія ни обратила ни какого вниманія на отличіе почерковъ и вообще сдѣлала важную ошибку въ томъ, что упомянутыхъ Поляковъ приняла за простыхъ бродягъ.

конечно, онъ не имѣетъ сходства съ почеркомъ копіи, но это еще не опровергаетъ сказаннаго. Для этѣхъ двухъ Поляковъ искаженіе своего почерка представлялось важнѣйшимъ условіемъ спасенія, по тому что они должны были опасаться, чтобы, въ числѣ бумагъ Самозванки, не нашлись бумаги, писанныя ими. Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что письмо Самозванки къ Гамильтону изъ Рима, о которомъ мы скажемъ ниже, писано гораздо лучшимъ слогомъ, чѣмъ все, положительно писанное ею самою; слѣдовательно, она, вѣроятно, въ Римѣ имѣла особаго редактора, что едва ли не доказываетъ и отсутствія при дѣлѣ черноваго этого письма, между тѣмъ какъ Самозванка сохраняла всѣ безъ исключенія черновыя письма свои къ знатнымъ лицамъ.

Курьеръ, посланный Радивиломъ въ Константинополь, въ то время еще не возвратился. Въ Дубровникѣ не имѣлось ни какихъ достовѣрныхъ извѣстій съ театра войны; Французскіе и Польскіе Офицеры свиты Радивила питали самыя блестящія надежды. [65] Обѣды Графини Пиннебергъ служили средоточіемъ для ея общества, и она охотно сообщала гостямъ всѣ подробности своей превратной жизни. Вотъ существенное изъ ея разсказовъ о себѣ. До девятаго года она находилась при матери своей, Императрицѣ Елисаветѣ; по смерти ея отправлена была въ Сибирь, откуда черезъ годъ спасена и доставлена въ домъ Разумовскаго, гдѣ ее хотѣли было отравить; послѣ этого Разумовскій отослалъ ее къ родственнику своему, Шаху Персидскому, который въ день, когда ей минуло 17 лѣтъ, открылъ ей тайну ея рожденія и предложилъ свою руку, съ условіемъ отречься отъ Православной Вѣры. Когда она этому воспротивилась, то Шахъ, надѣливъ ее большимъ богатствомъ, отправилъ въ Европу, подъ покровительствомъ знаменитаго Гали. Въ мужской одеждѣ она проѣхала Россію, познакомилась въ Петербургѣ съ нѣкоторыми знатными друзьями ея отца, въ Берлинѣ весьма хорошо была принята Королемъ и снова назвалась Принцессою. По смерти Гали она жила въ Лондонѣ и Парижѣ, и наконецъ покупкою пріобрѣла въ Германіи

---

[65] Въ какой-то корреспонденціи изъ Неаполя, отъ 4 Августа, много говорится о великихъ почестяхъ, оказанныхъ Польскимъ Княземъ неизвѣстной Принцессѣ въ Дубровникѣ (Gazette d'Utrecht 1774, № 68).

Графство Оберштейнъ.[66] Разсказъ этотъ показался Французскимъ Офицерамъ до того страннымъ, что одни изъ нихъ писали въ Парижъ, а другіе даже въ Лондонъ и Берлинъ, чтобы убѣдиться въ его достовѣрности.

Не извѣстно, наскучила ли Радивилу эта комедія, Самозванка ли повела себя уже слишкомъ неосторожно, или, быть можетъ, Воевода началъ отчаяваться въ успѣхѣ своего предпріятія, только 23 Іюля Самозванка, въ письмѣ къ Князю Лимбургскому, жаловалась на совершенную перемѣну къ ней Радивила. По разнымъ намекамъ въ ея письмѣ, можно предполагать, что онъ воспрепятствовалъ обнародованію выше упомянутыхъ документовъ, по крайней мѣрѣ, въ газетахъ они напечатаны не были. Въ этомъ письмѣ она выразила еще большую самонадѣянность и сообщила, что, вѣроятно, въ скоромъ времени отправится въ Константинополь и присоединится къ Турецкой арміи. Послѣдняя находилась въ довольно жалкомъ положеніи уже въ то время, когда агентъ Радивила, Радзишевскій, 13 Іюля, писалъ къ Воеводѣ изъ Адріянополя, слѣдовательно, не за долго до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.[67] По донесенію агента, Полякамъ въ Турецкомъ станѣ было очень плохо, и Французскій Дворъ, на который они возлагали всю свою надежду, предпочелъ, напротивъ, быть посредникомъ въ заключеніи мира. Фирманъ еще не былъ изготовленъ, а по тому нельзя было и хлопотать о выдачѣ Радивилу и находящимся при немъ Оттоманскою Портою какого либо пособія деньгами, или жизненными припасами. Должно полагать, что это письмо не было сообщено всѣмъ приверженцамъ Воеводы они все еще надѣялись, что можно побудить Турокъ къ новымъ усиліямъ. Но если вообще у сообщниковъ Радивила недоставало денегъ, то Самозванка лишена была всѣхъ средствъ. Кнорръ и Монтегю, по ея порученію, обратились къ банкиру Мартинелли

---

[66] При допросѣ Доманскій разсказалъ содержаніе разговоровъ Самозванки.

[67] Письмо Радзишевскаго находится при дѣлѣ въ Французскомъ переводѣ (II № 30), въ которомъ почеркъ очень похожъ на почеркъ, встрѣчающійся въ другихъ документахъ, но съ тою только разницею, что онъ не отличается тщательностію. Это письмо, очень любопытное, разоблачаетъ намѣренія Поляковъ въ Турціи, а также доказываетъ разногласіе, существовавшее между Радивиломъ и Потоцкимъ.

и представили ему даже письмо Принцессы къ Министру Горнштейну, отъ котораго она требовала 1500 червонцевъ; но банкиръ остался непоколебимъ и далъ Кнорру въ займы только 12 червонцевъ, на которые онъ совершилъ поѣздку въ Оберштейнъ, чтобы достать тамъ денегъ. Староста Пинскій, [68] будучи признателенъ за примиреніе его съ Огинскимъ, соглашался ссудить Принцессу деньгами, но только тогда, когда она сама обратится къ нему съ просьбою Столь непріятное для Принцессы извѣстіе привезено было въ Дубровникъ Гассаномъ во второй половинѣ Августа, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ успѣхахъ Русскаго оружія.

Между тѣмъ Князь Лимбургскій жилъ уединенно въ Оберштейнѣ; разлука съ возлюбленною приводила его въ отчаяніе; долгое ея молчаніе и сумасбродные замыслы его сокрушали. Одному ему было извѣстно, гдѣ она находилась. Даже Де Маринъ не зналъ объ этомъ, по тому что Министръ Горнштейнъ отказался пересылать письма, писанныя на имя Самозванки. Но вскорѣ пріѣздомъ, сперва ГерцогаЛарошъ-Фуко, а потомъ Графа Бюсси, были возвращены снова жизнь и надежда владѣтелю Оберштейна: по ихъ словамъ, будущность Принцессы, на основаніи слуховъ, дошедшихъ до Парижскихъ гостиныхъ изъ Дубровника, представлялась въ самомъ блестящемъ видѣ. [69] Впрочемъ, все это продолжалось не долго; извѣстіе о заключеніи мира уничтожило всѣ надежды. Мобюсонъ писалъ, что письма Радивила вскрыты въ Австріи, въ слѣдствіе чего онъ, вѣроятно, принужденъ будетъ оставить Дубровникъ. По соглашенію Парижскихъ гостей съ Княземъ, было предложено Радивилу скрыться, вмѣстѣ съ Принцессою, въ Оберштейнѣ, соединиться съ Огинскимъ и, такимъ образомъ, выждать болѣе благопріятнаго времени. Въ это время Мобюсонъ и Князь вели переговоры о предполагаемомъ бракѣ младшаго брата Воеводы съ Принцессою Гогенлое-Бартенштейнскою, [70] и о промѣнѣ Стирума на помѣстья въ Польшѣ, въ слѣд-

---

[68] Графъ Пржездецкій.

[69] Такъ писалъ къ Самозванкѣ Де Маринъ (III № 4).

[70] Этотъ бракъ не состоялся. Іеронимъ Радивилъ въ 1776 году женился на Принцессѣ Турнъ и Таксисъ.

ствіе чего родъ Радивиловъ пріобрѣлъ бы въ Германіи права гражданства, чего они давно желали. Сообщая этотъ планъ своей подругѣ, Князь настоятельно приглашалъ ее тотчасъ же возвратиться. [71]

Еще до полученія этого письма, Самозванка положительно узнала о заключеніи мира и старалась теперь открытымъ объявленіемъ своихъ притязаній на Россійскій престолъ воспрепятствовать его утвержденію. Курьеръ Радивила долженъ былъ взять съ собой письмо ея къ Султану, отъ 24 Августа, 1774 года, въ которомъ она провозглашаетъ себя дочерью Императрицы Елисаветы, [72] и наслѣдницею престола послѣ нея, разсказываетъ о своей молодости и проситъ Султана снабдить ее и Радивила Фирманомъ. Союзъ, предложенный ею Оттоманской Портѣ, долженъ былъ также служить къ возстановленію прежнихъ предѣловъ Польши. Къ этому союзу хотѣла она склонить Швецію уступкою ей нѣкоторыхъ незначительныхъ крѣпостей. Наконецъ, указаніемъ на побѣды своихъ приверженцевъ въ Россіи и на то, что съ ея стороны уже сдѣлано воззваніе къ Русскому флоту, стоящему въ Ливорно, она доказывала Султану необходимость возобновить войну. Копія съ этого письма была послана на имя Верховнаго Визиря, при очень привѣтливомъ письмѣ [73] и съ просьбою доставить ее сыну Разумовскаго, Monsieur de Puhaczew, [74] которому просила оказывать всякую помощь. Радивилъ, узнавъ о содержаніи этѣхъ писемъ, хотя и обѣщалъ доставить ихъ, но не отправилъ по назначенію. [75]

---

[71] Письмо Князя (I № 190).

[72] Черновое письмо и списокъ съ него (II №№ 3 и 43) сохранились; оба написаны рукою Самозванки, которая въ нихъ подписалась: «De Votre Majésté Impériale la fidèle amie et voisine Elisabeth».

[73] Это письмо находится въ рукахъ Аполлинарія Контскаго. Оно только подписано Самозванкою, а писано тою же, рукою, которою писаны вышеупомянутые списки. Правописаніе Puhaczew (вмѣсто Pougatchew) (IX) указываетъ на сочинителя Поляка. — А правописаніе Bouhachew (№ VII—VIII) на Нѣмца. О. Б.

[74] Такимъ образомъ Самозванка, вѣроятно, хотѣла обратить на себя вниманіе Пугачова. О прямыхъ между ними сношеніяхъ нѣтъ ни какихъ указаній.

[75] Такъ показалъ Доманскій.

Это доказываетъ, что въ концѣ Августа Радивилъ уже отказался отъ вмѣшательства въ этѣ происки, и что помощниками Самозванки въ это время были, вѣроятно, лишь Чарномскій и Доманскій, и не по порученію Радивила.

Намѣреніе Самозванки, обратиться съ воззваніемъ къ Русскому флоту въ Ливорно, не было пустымъ выраженіемъ. Одновременно съ письмами къ Султану и Верховному Визирю Гассанъ получилъ отъ нея пакетъ для доставленія въ Венецію Господину Монтегю. Въ письмѣ къ сему послѣднему она просила его, приложенныя бумаги немедленно переслать въ Ливорно къ Графу Орлову и достать ей денегъ. Монтегю взялся исполнить порученіе, но денегъ достать не могъ, и въ отвѣтѣ своемъ совѣтовалъ ей быть осторожною съ Французскими Офицерами, изъявившими желаніе принять участіе въ экспедиціи Радивила, присовокупляя, что Французскій Резидентъ въ Венеціи осмѣлился отозваться о ней, какъ кажется, по приказанію своего Двора, весьма страннымъ образомъ.[76] Бумаги были отправлены на имя Орлова, получившаго ихъ, вѣроятно, еще до истеченія Сентября мѣсяца, и состояли изъ письма Самозванки, изъ списка съ Духовнаго завѣщанія Императрицы Елисаветы и изъ проекта Манифеста отъ имени «Елисаветы II, Божіею милостію, Княжны Россійской».[77] Въ письмѣ къ Графу Орлову Самозванка выразила, что блистательные успѣхи народнаго возстанія, затѣяннаго братомъ ея, называющимся нынѣ Пугачовымъ, ободряютъ ее, какъ законную наслѣдницу престола, къ предъявленію своихъ правъ, тѣмъ болѣе, что покровительство Султана обезпечиваетъ ея безопасность и что многіе Монархи оказываютъ ей содѣйствіе. За тѣмъ она сообщала Графу, что имѣетъ огромное число приверженцевъ въ

---

[76] Письмо Монтегю (I № 104).

[77] Черновое письмо къ Орлову (II № 15), писанное и исправленное во многихъ мѣстахъ рукою Самозванки, ровно какъ и копія (IV № 24), снятая съ него въ Римѣ для Кардинала Альбани, находятся при Дѣлѣ; мѣсто и время, гдѣ и когда писано письмо, не означены ни въ черновомъ, ни въ спискѣ. Проектъ Манифеста (II № 14) находится только въ спискѣ, писанномъ не извѣстно кѣмъ; на оборотѣ его Самозванка собственноручно написала: «Copie du Manifeste, qu'a envoyé la Princesse Elisabeth à Monsieur le Comte Orlow à Livourne».

народѣ, уже давно страдающемъ подъ тяжкимъ игомъ честолюбивой женщины, славолюбіе которой не знаетъ предѣловъ; что если бы онъ желалъ перейти на ея сторону, то пусть издастъ Манифестъ на основаніи приложеннаго проекта, и наконецъ, что она сама готова пріѣхать въ Ливорно, если онъ признаетъ это нужнымъ Подлинное Духовное завѣщаніе, прибавляла она, отдано на сохраненіе въ вѣрныя руки; въ немъ, по особенной причинѣ, не упомянуто объ ея братѣ (въ семъ письмѣ она, по видимому, разумѣетъ подъ этѣмъ именемъ Пугачова). Въ заключеніе она обѣщала Графу свое покровительство, величайшія почести и даже нѣжнѣйшую благодарность.

По отсутствію данныхъ, вопросъ о томъ, зналъ ли Орловъ о намѣреніяхъ Самозванки до полученія сего письма, остается не рѣшеннымъ; но онъ положительно до того времени и послѣ, до Генваря 1775 года, не былъ съ ней ни въ какихъ посредственныхъ, или непосредственныхъ, сношеніяхъ. Это доказывается уже тѣмъ, что Самозванка ни разу не упомянула о таковыхъ сношеніяхъ Аббату Роккатани (наперснику Кардинала Альбани). 26 Сентября и 7 Октября, 1774 года, Графъ донесъ Императрицѣ, что подозрѣніе его, не принимаютъ ли какого либо участія въ Пугачовскомъ возстаніи Французы, еще болѣе подверждается полученнымъ имъ письмомъ безъ подписи, которое онъ и препровождаетъ вмѣстѣ съ приложеніями. Слогъ его нѣсколько напоминаетъ воззванія Пугачова. Такъ какъ этѣмъ письмомъ, быть можетъ, хотѣли испытать его вѣрность къ Государынѣ, то по этому онъ и не отвѣчалъ на него, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разувѣрить всѣхъ въ существованіи таковой особы. Далѣе онъ пишетъ, что уже послалъ повѣреннаго (Графа Войновича) въ Паросъ; ибо узналъ, будто тамъ, на Англійскомъ кораблѣ, находится госпожа, которая объявила, что ждетъ его прибытія. Если онъ замѣтитъ въ этой особѣ что либо сомнительное, то постарается заманить ее на корабли въ Ливорно и отослать прямо въ Кронштадтъ. [78] Въ Дѣлѣ нѣтъ ни какихъ указаній на то, были ли приняты Орловымъ какія либо другія мѣры къ розысканію той, которая отправила къ нему упомянутое письмо.

---

[78] Пять подлинныхъ писемъ Орлова къ Императрицѣ о Самозванкѣ намъ извѣст-

Между тѣмъ Самозванка съ нетерпѣніемъ ожидала въ Дубровникѣ извѣстій отъ Орлова и отвѣта Султана. До сего времени (до начала Сентября) она жила довольно дружно съ Радивиломъ и Французскими Офицерами, а также съ Консулами, Французскимъ Дериво и Неаполитанскимъ: всѣ они еще обходились съ нею, какъ съ Принцессою. Но денежныя средства общества мало по малу совершенно истощились. Монтегю, къ которому Самозванка обратилась съ просьбою о помощи, учтиво отказалъ ей, сообщилъ при этомъ дурныя вѣсти, пришедшія изъ Константинополя, и намекнулъ на предположеніе Старосты Пинскаго, что Радивилъ, расточительности котораго онъ не надивится, вѣроятно, въ скоромъ времени возвратится въ Венецію. Съ тѣмъ вмѣстѣ Монтегю вновь совѣтовалъ Принцессѣ обратиться съ просьбою о деньгахъ къ Пинскому Старостѣ, такъ какъ она едва ли можетъ разсчитывать на пособіе отъ Князя Лимбургскаго, прибавивъ, что онъ ручается за успѣхъ. [79] Такое стѣсненное положеніе побудило Самозванку только къ новымъ выдумкамъ, чтобы посредствомъ ихъ пріобрѣсти возможность отправиться въ Константинополь. 11 Сентября она написала второе письмо къ Султану, стараясь отклонить его отъ утвержденія мира и прося о намедленной присылкѣ Фирмана, къ чему присовокупила свои разнаго рода политическія соображенія. [80] Радивилъ, кажется, отказалъ Принцессѣ отправить это письмо, при чемъ она узнала, что и первое также не было послано. Въ слѣдствіе сего произошла сильная ссора, и Принцесса нѣсколько дней сряду находилась въ такомъ отчаяніи, что

ны; изъ нихъ четыре находятся въ подлинникахъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а послѣднее въ Дѣлѣ. При Дѣлѣ нѣтъ подлинниковъ препровожденнаго Орловымъ письма безъ подписи съ приложеніями, а только Русскіе переводы. Судя по письму Орлова отъ 26 Сентября стараго счисленія, Императрица не упоминала о Самозванкѣ въ письмахъ своихъ отъ 24 Іюля и 23 Августа ст. сч. Надобно думать, что Государыня въ то время не имѣла еще ни какихъ свѣдѣній о ней, иначе она бы навѣрное дала Орлову въ этомъ отношеніи какіе либо наказы.

[79] Въ этомъ письмѣ отъ 11 Сентября (I № 126) Монтегю уже ясно говоритъ о ея намѣреніяхъ, о помощи Султана и о надеждѣ видѣть ее на престолѣ.

[80] Черновое письмо, написанное рукою Самозванки (III № 8), сохранилось, равно какъ и списки съ него.

наконецъ Воевода уступилъ и послалъ курьера съ обоими письмами; но Графу Косаковскому, своему корресподенту въ Константинополѣ, на имя котораго надписанъ былъ пакетъ, приказалъ оставить ихъ у себя. [81] Несогласіе между Радивиломъ и Самозванкою росло съ каждымъ днемъ. Не мало содѣйствовало къ его усиленію еще и то обстоятельство, что все болѣе и болѣе стали распространяться слухи о любовныхъ связахъ Принцессы, и что Французскіе Офицеры получили о ней отъ своихъ корресподентовъ неудовлетворительныя извѣстія. Но, не смотря на это, Радивилъ и окружающія его лица все еще продолжали, для наружнаго вида, оказывать Русской Княжнѣ глубочайшее почтеніе. Маіоръ Русской службы, прибывшій, на обратномъ пути, изъ Черногоріи въ Ливорно, сообщилъ Графу Орлову, [82] что въ Дубровникѣ ему угрожала величайшая опасность послѣ того, какъ онъ рѣшился заявить, что Принцесса должна быть какая ни будь искательница приключеній.

Принцесса около этого времени получила письмо отъ Кнорра изъ Аугсбурга. Изъ него она увидѣла, что Министръ Горнштейнъ не хочетъ болѣе имѣть съ нею ни какого дѣла, и что въ Оберштейнѣ носятся о ней весьма неблагопріятные слухи, происшедшіе въ слѣдствіе распространенія писемъ изъ Дубровника о любовныхъ связяхъ Принцессы. Вѣроятно, она уже нашла невозможнымъ убѣдить въ ихъ ложности Князя Лимбургскаго, а по тому и рѣшилась сознаться во всемъ и написать къ нему послѣ двухмѣсячнаго молчанія. Въ письмѣ, отъ 21 Сентября, [83] она сильно жалова-

---

[81] Переданный здѣсь разсказъ объ удержаніи Радивиломъ писемъ основанъ на показаніи Доманскаго, утверждавшаго будто самъ Воевода сообщилъ ему объ этомъ.

[82] Время пребыванія этого Офицера въ Дубровникѣ не видно изъ письма Орлова отъ 23 Декабря. Но такъ какъ онъ въ немъ уже говоритъ о послѣдствіяхъ мѣръ, принятыхъ по полученіи этѣхъ извѣстій, въ письмѣ же отъ 26 Сентября не упоминаетъ еще о Маіорѣ, то, вѣроятно, сей послѣдній видѣлъ Принцессу въ Дубровникѣ въ концѣ Сентября, или въ началѣ Октября.

[83] Письма этого нѣтъ, какъ и вообще всѣхъ писемъ къ Князю, но содержаніе ихъ извѣстно намъ изъ отвѣтовъ Князя, который почти всегда касался въ нихъ подробностей, заключавшихся въ ея письмахъ. Здѣсь идетъ рѣчь о письмѣ Князя, посланномъ въ концѣ Декабря, въ отвѣтъ на письмо Самозванки

лась на рѣзкое обращеніе съ нею Радивила и увѣряла Князя въ блистательныхъ успѣхахъ, ожидающихъ ее въ Турціи и Россіи, и посылала къ нему открытыя письма съ просьбою отправить ихъ къ Королю Шведскому и къ брату Россійскаго Канцлера. Съ тѣмъ вмѣстѣ она просила у него нѣсколько подписанныхъ имъ патентовъ на ордена для разныхъ лицъ, [84] между прочимъ, для одного молодаго человѣка, который, хотя не знатнаго происхожденія, но находится въ близкихъ къ ней отношеніяхъ, вызванныхъ страстною ея натурою. Вѣроятно, этотъ молодой человѣкъ былъ названъ въ ея письмѣ, до насъ не дошедшемъ. [85] Судя по всѣмъ даннымъ, мы имѣемъ право предполагать, что это былъ Доманскій. Вполнѣ полагаясь на слова Князя, который клялся, что никогда не оставитъ ее, она къ признанію своему присоединила просьбу о денежномъ пособіи для путешествія въ Константинополь. Письмо это она отправила въ Вѣну на имя Повѣреннаго въ дѣлахъ Князя, Барона Горнштейна, которому сообщила при этомъ свои странныя мысли объ Европейской политикѣ.

Въ концѣ Сентября Радивилъ послалъ Чарномскаго къ Потоцкому въ Верону, вѣроятно, для примиренія съ Конфедераціею и полученія чрезъ то денегъ, а, быть можетъ, и для прекращенія пронырствъ Каленскаго, который, какъ казалось, воспрепятствовалъ выдачѣ Фирмана. [86] Самозванка, пользуясь отправленіемъ Чарном-

---

отъ 21 Сентября, отправленномъ чрезъ Вѣну и полученномъ имъ только въ Декабрѣ (III № 20).

[84] Именно названы были: Монтегю и Графъ Бранковичъ, пріѣзжавшій нѣсколько разъ въ Дубровникъ.

[85] Это можно заключить изъ письма Князя, посланнаго въ Декабрѣ мѣсяцѣ, въ которомъ онъ сообщаетъ Самозванкѣ, что отъ земляковъ Мосбахскаго незнакомца, находящихся въ Пфальцѣ, узналъ, что сей Господинъ вовсе не знатнаго происхожденія. По разнымъ намекамъ, сдѣланнымъ Княземъ, видно, что Самозванка писала ему о своемъ желаніи выйти замужъ за этого молодаго человѣка и что Радивилъ этому противился. Во всякомъ случаѣ, Князь въ Октябрѣ уже получилъ извѣстіе объ ея любовной связи и желаніи выйти замужъ, какъ это оказывается изъ письма его отъ 30 Октября (I № 235).

[86] Странно, что, не смотря на отправленіе въ Константинополь нѣсколькихъ курьеровъ, Чарномскій не отослалъ туда ни писемъ, врученныхъ ему Потоцкимъ въ

скаго, поручила ему и Монтегю, общими силами, достать ей денегъ подъ залогъ Оберштейнскихъ ломокъ агата и добиться ссуды у Мартинелли и Старосты Пинскаго. Чарномскій порученіе къ Потоцкому выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ, и получилъ отъ него 12 Октября письма къ Верховному Визирю и Каленскому, [87] а также рекомендательное письмо къ Принцессѣ. [88] Мартинелли на отрѣзъ отказалъ ссудить деньгами, по тому что онъ не имѣлъ ни какихъ свѣдѣній ни о Баронѣ Горнштейнѣ, ни о Кноррѣ, ни о Князѣ Лимбургскомъ. Венеціянскій Банкъ требовалъ уплаты прежняго долга. Только Староста Пинскій, къ которому она на этотъ разъ сама написала, выслалъ ей 300 червонцевъ и просилъ доставить, по возможности скорѣе, документы на Оберштейнъ, такъ какъ онъ нашелъ Генуезца, который согласился дать въ займы деньги подъ вѣрный залогъ. [89]

9 Октября Самозванка писала въ С.-Петербургъ къ Графу Панину письмо, которымъ, по всему вѣроятію, желала скрыть слѣды своего мѣстопребыванія, ибо въ немъ указывала на то, что въ Кобленцѣ можно узнать ея адресъ. Въ это письмѣ [90] она

Маѣ, ни тѣхъ, которыя онъ получилъ отъ него въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Всѣ эти бумаги находятся при дѣлѣ, и по тому очень удивительно, что Слѣдственная Коммиссія повѣрила показаніямъ Чарномскаго, будто Радивилъ послалъ его въ Верону единственно для полученія съ Потоцкаго частнаго долга. Не подлежитъ также сомнѣнію, что Чарномскій просилъ о назначеніи его, вмѣсто Каленскаго, агентомъ Конфедераціи въ Турціи (I № 3).

87 Письмо къ Визирю (I № 45) отъ 12 Октября, письмо же къ Каленскому (I № 5), отъ 4 Октября, 1774 года.

88 Письмо къ Самозванкѣ (I № 87) отъ 12 Октября.

89 Письмо Графа Пржездецкаго къ Самозванкѣ (I № 109) отъ 16 Октября, 1774 года.

90 Не извѣстно, было ли отправлено и получено это письмо; черновое, писанное все рукою Самозванки, находится при дѣлѣ (II № 27). Не мѣшаетъ упомянуть здѣсь о разсказахъ, ходившихъ въ послѣдствіи въ Римѣ, будто Дубровницкій Сенатъ тайно предписалъ Повѣренному своему въ Петербургѣ обратить вниманіе Графа Панина на мнимую дочь Императрицы Елисаветы, и тѣмъ отчасти ослабить неблаговидные толки по поводу пребыванія ея въ Дубровникѣ; Панинъ же, которому, вѣроятно, все это уже было извѣстно, отвѣтилъ, какъ говорили, на это сообщеніе одною презрительной улыбкой (Изъ письма аббата Роккатани, отъ 15 Генваря, 1775 года).

указываетъ на запутанныя обстоятельства того времени, снова изъявляетъ готовность пріѣхать въ Петербургъ, если бъ онъ сохранилъ этотъ пріѣздъ въ тайнѣ и поручился за личную ея безопасность; заявляетъ, что до тѣхъ поръ, пока будетъ жива, не перестанетъ стоять за право свое на престолъ; но о мирѣ умалчиваетъ, по тому что Графъ не такъ знакомъ съ политическими обстоятельствами, какъ она. По возвращеніи Чарномскаго, въ исходѣ Октября, недостатокъ въ деньгахъ сталъ уже сильно дѣйствовать на расположеніе духа общества, собравшагося въ Дубровникѣ подъ начальствомъ Радивила. Французскіе Офицеры становились съ каждымъ днемъ болѣе нетерпѣливыми и дерзкими, даже въ присутствіи Принцессы. Воевода, сознавая теперь все безумство своего предпріятія, болѣе и болѣе удалялся отъ нея, что особенно сдѣлалось замѣтнымъ съ того времени, когда курьеръ его привезъ изъ Адріанополя извѣстіе объ окончательномъ подписаніи, мирнаго договора, въ слѣдствіе чего должны были исчезнуть всѣ мечты. Въ это время Самозванка, все еще ожидавшая отвѣта изъ Константинополя, узнала, вѣроятно, отъ Доманскаго, что Косаковскій, по приказанію Радивила, утаилъ письма ея къ Султану. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого былъ окончательный разрывъ ея съ Воеводой, который теперь располагался возвратиться въ Венецію, тогда какъ она хотѣла, или, вѣрнѣе сказать, принуждена была искать другого пути къ осуществленію своихъ плановъ. Итакъ она рѣшилась прежде всего поѣхать въ Южную Италію, или въ Римъ, съ цѣлію принять Католическую Вѣру, извлечь изъ того всевозможную для себя пользу и какимъ ни будь образомъ попасть оттуда въ Константинополь. Къ Монтегю писала [91] она, что намѣрена достать себѣ Неаполитанскій пашпортъ и съ нимъ пробраться въ Турцію; что заключеніе мира съ Россіею — чистая ложь, и что приверженцы ея въ Россіи, за которыхъ она готова жертвовать своею жизнію, одержали вездѣ побѣды. Радивилъ, прибавила она, одинъ виновенъ въ продолжительномъ и безполезномъ пребываніи ея въ Дубровникѣ, которое привело ихъ всѣхъ на край погибели. Письмо оканчивается сообщеніемъ, что ей необходимо занять отъ 3 до 4,000 червонцевъ,

---

[91] Черновое письмо, написанное съ начала до конца Самозванкою, находится пр. дѣлѣ (II № 28).

которые она обѣщаетъ заплатить черезъ три мѣсяца. Къ Князю Лимбургскому писала она, напротивъ, чтобъ онъ или съѣхался съ ней въ Италіи, или велѣлъ прислать ей денегъ чрезъ Гайльо, такъ какъ она имѣетъ теперь непоколебимое намѣреніе предпринять путешествіе въ Азію. [92]

Въ то же время отошли отъ Радивила и присоединились къ ней: Эксъ-Езуитъ Ганецкій, бывшій до того однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Воеводы и имѣвшій обширное знакомство въ Римѣ; Доманскій, находившійся уже нѣсколько лѣтъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Радивилу, и наконецъ Чарномскій. Ганецкій, въ качествѣ спутника знатной госпожи, желающей принять Католическую Вѣру, хотѣлъ, какъ кажется, обратить въ Римѣ на себя общее вниманіе; Чарномскій, быть можетъ, дѣйствительно надѣялся отправиться съ нею въ Константинополь, или же былъ ея заимодавцемъ, а Доманскій слѣдовалъ за нею, по тому что страстно былъ въ нее влюбленъ. [93]

---

[92] Это явствуетъ изъ уцѣлѣвшаго отрывка отвѣта самаго Гайльо (III № 24).

[93] Показанія Чарномскаго и Доманскаго при допросѣ о причинахъ, которыя побуждали ихъ слѣдовать за Самозванкою въ Италію, во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ лишь признанія Доманскаго въ страстной къ ней любви, кажутся лишенными всякаго вѣроятія. Не возможно, чтобы Чарномскій, движимый одною только дружбою къ своему товарищу и желаніемъ видѣть Римъ, могъ забыть всѣ данныя ему отъ Конфедераціи порученія и поѣхать въ слѣдъ за искательницею приключеній, имѣя въ своемъ портфелѣ официяльныя письма, тѣмъ болѣе, что тогда же, какъ самъ онъ говоритъ, пересталъ безусловно вѣрить Русской Княжнѣ, и что Французскій Консулъ въ послѣднее время предостерегалъ его отъ нея. Онъ могъ бы и съ Радивиломъ поѣхать въ Италію, прямо къ своему покровителю, Потоцкому. Остается только предполагать, не надѣялся ли онъ, при помощи Самозванки, попасть какъ ни будь въ Константинополь, и не выманила ли она у него деньги, врученныя ему Конфедераціею, что объяснило бы, по чему онъ изъ Рима не поѣхалъ прямо въ Верону. А этѣ деньги могли быть тѣ самыя, которыя Доманскій, какъ увѣрялъ, занялъ въ Дубровникѣ для Самозванки. Точно также невѣроятно показаніе Доманскаго о томъ, что его будто бы побудило ѣхать съ нею въ Римъ любопытство и то обстоятельство, что она состояла ему должною значительныя суммы, которыя онъ отчасти самъ ей далъ въ займы, отчасти досталъ, поручившись за нее въ Дубровникѣ; изъ другихъ же его показаній мы знаемъ, что онъ надѣялся совершить съ нею на ея счетъ путешествіе въ Римъ.

Но прежде, чѣмъ займемся дальнѣйшими похожденіями Самозванки, намъ слѣдуетъ обратиться къ Князю Лимбургскому. Послѣ письма, написаннаго къ нему Принцессою 23 Іюля, онъ болѣе не получалъ отъ нея писемъ. Его отчаяніе значительно возросло, когда Министръ Горнштейнъ объявилъ, что отказывается отъ всякихъ съ нею сношеній, такъ какъ она предалась самымъ безумнымъ замысламъ; отъ всѣхъ, отъ кого можетъ, требуетъ денегъ и даже печатаетъ свои письма Княжескою печатью. Къ тому же начали приходить въ Оберштейнъ со всѣхъ сторонъ, и, какъ кажется, также со стороны Французскаго Правительства, запросы на счетъ таинственной незнакомки. Наконецъ, въ газетахъ появились изъ Дубровника разнородныя статьи и были получены частныя извѣстія о любовныхъ похожденіяхъ Принцессы и о желаніи ея выйти замужъ. Въ это же время Горнштейнъ, повѣренный въ дѣлахъ Князя, въ письмѣ къ нему изъ Вѣны, описывая роскошную жизнь Самозванки въ Дубровникѣ, доносилъ, что она прислала къ нему, на имя Шведскаго Короля, письмо, котораго онъ, однако жь не отправилъ. Все это наконецъ вывело Князя изъ терпѣнія: 30 Октября написалъ онъ къ бывшей своей возлюбленной письмо, въ которомъ, напомнивъ ей о всѣхъ ея продѣлкахъ, обвиняетъ въ томъ, что она совершенно разстроила его состояніе, навлекла на него презрѣніе всей Европы, по тому что прежнія его близкія отношенія къ ней сдѣлались всѣмъ извѣстными, и заставила Версальскій Кабинетъ публично отречься отъ всякаго участія въ ея дѣйствіяхъ. Далѣе онъ пишетъ, что ему представлялись весьма выгодныя партіи, на которыя онъ, по причинѣ своей связи съ нею, не могъ изъявлять ни согласія, ни отказа, и что до него дошли слухи, будто она съ кѣмъ-то въ связи и даже располагаетъ выйти замужъ. Онъ ни сколько не думаетъ мѣшать ея счастію, если желанія ея согласны только съ честію. Впрочемъ, если она готова отказаться отъ своего прошлаго и никогда болѣе не станетъ упоминать ни о Персіи, ни о Пугачовѣ, ни о прочихъ такого же рода глупостяхъ, то еще есть время вернуться къ нему. [94]

---

[94] Письмо Князя къ Самозванкѣ (I № 235).

Отъѣздъ въ Римъ.

Это письмо уже не застало Самозванки. Въ началѣ Ноября Радивилъ со свитою отправился въ Венецію, она же, [95] съ Неаполитанскимъ пашпортомъ на имя Графини Пиннебергъ, въ сопровожденіи трехъ Поляковъ, чрезъ четыре дня отплыла на фелукѣ Гассана въ Барлетту, на Неаполитанскомъ берегу, а оттуда тотчасъ же поѣхала въ Неаполь. Неизвѣстно, была ли поѣздка въ Константинополь отложена на время, или окончательно, только Самозванка съумѣла отъ Англійскаго Посланника въ Неаполѣ, извѣстнаго Сера Вильяма Гамильтона, [96] достать для себя и своихъ спутниковъ пашпортъ въ Римъ, съ которымъ, 6 Декабря, и прибыла туда. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Папскую столицу, благодаря Ганецкому, сдѣлавшемуся теперь ея Гофмейстеромъ, распространилась новость о пріѣздѣ Русской Княжны, сохраняющей строжайшее инкогнито. Сначала она жила очень скромно, выѣзжала только въ каретѣ съ поднятыми стеклами, ни къ кому не ѣздила и къ себѣ также никого не принимала, кромѣ нѣкоторыхъ Поляковъ, въ числѣ которыхъ находились бывшіе Езуиты, Воловичъ и Монсовичъ (Вонсовичъ?), Дворяне Липовскій и Станишевскій, крайне въ нее влюбленный, [97] и Докторъ Саличетти. Но потомъ она повела жизнь довольно роскошную, такъ какъ довѣріе, которымъ пользовался Ганецкій, служило достаточнымъ ручательствомъ для ея вѣрителей. Впрочемъ, вскорѣ Самозванка начала нуждаться въ средствахъ. Вспомнивъ о скоромъ доставленіи Гамильтономъ пашпорта, она рѣшилась обратиться къ нему, и 21 Декабря написала ему длинное письмо, [98] въ которомъ передала исторію сво-

---

95 Изъ прислуги, взятой изъ Оберштейна, осталась при ней одна Франциска Мешеде; прочіе же слуги отошли отъ нея.

96 При дѣлѣ находится записка Министра Таннучи изъ Казерты, отъ 1 Декабря, къ Гамильтону съ просьбою сообщить ему имена лицъ, для которыхъ онъ требуетъ паспорты (II № 36).

97 Эти два Дворянина были, по всему вѣроятію, Чарномскій и Доманскій, которые постоянно окружали Самозванку. Роккатани, посѣщавшій столько разъ Принцессу, никогда о нихъ не упоминаетъ, но говоритъ очень часто о Липовскомъ и Станишевскомъ, и въ особенности о послѣднемъ.

98 Письмо находится при дѣлѣ, но только въ копіи, подлинникъ же былъ препро-

ихъ похожденій. Изъ этого письма видно, что Пугачовъ уже не назывался ею братомъ, а Козацкимъ мальчикомъ, привезеннымъ Разумовскимъ въ Петербургъ и взятымъ потомъ въ пажи къ Императрицѣ, которая послала его, для окончанія военнаго образованія, въ Берлинъ, по возвращеніи откуда онъ принялъ предводительство надъ сборищами недовольныхъ. Приверженцы Принцессы, какъ сказано въ письмѣ, совѣтовали ей, для успѣха ея дѣла, лично вести переговоры въ Константинополѣ, въ слѣдствіе чего она изъ Венеціи, гдѣ нашла себѣ въ Лордѣ Монтегю друга и отца, отправилась съ Радивиломъ въ Дубровникъ, и оттуда написала два (приложенныя въ копіяхъ) письма къ Султану. Недостатокъ денегъ принудилъ Воеводу возвратиться въ Венецію, а ее отправиться въ Италію, откуда она хотѣла найти случай проѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ, по тому что не въ состояніи переносить морскихъ путешествій. Въ Римѣ дошло до нея достовѣрное извѣстіе, что мирный договоръ не утвержденъ; здѣсь же она получила письмо отъ Пугачова, который извѣщалъ ее о своихъ удачныхъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ какъ газеты распространили ложный слухъ о взятіи его въ плѣнъ.[99] Въ настоящее же время она, для достиженія своихъ цѣлей, нуждается въ 7000 червонцахъ, которые и проситъ Гамильтона дать ей въ займы, подъ залогъ Графства Оберштейнъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она просила у него рекомендательныхъ писемъ къ Англійскимъ Посланникамъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ, и пашпортъ на имя Госпожи Вальмоденъ, или другой какой ни будь Ганноверской подданной.

Это письмо послужило для нея гибелью, по тому что Гамильтонъ препроводилъ его, чрезъ посредство Англійскаго Консула въ Ливорно, Сера Джона Дика, къ Графу Орлову, открывшему такимъ образомъ настоящее мѣстопребываніе Самозванки. Графъ, находившійся тогда въ Пизѣ, какъ только узналъ отъ вышеупомянутаго Русскаго Маіора, что мнимая дочь Императрицы Елиса-

---

вожденъ Графомъ Орловымъ къ Императрицѣ. Слогъ письма доказываетъ, что его сочиняла не сама Самозванка, а кто ни будь другой. Этому, кажется, служитъ доказательствомъ отсутствіе черноваго между ея бумагами. Кто же могъ быть сочинителемъ его письма (II, № 21)? По всему вѣроятію, или Чарномскій, или Доманскій, но не Ганецкій, который не понималъ по Французски.

[99] Пугачовъ былъ пойманъ уже въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

веты находится въ Добровникѣ, послалъ тотчасъ же туда агента, Славянина, разузнать о госпожѣ, съ которою Орловъ будто бы былъ прежде въ любовной связи. [100] Спустя нѣкоторое время онъ отправилъ въ Дубровникъ одного изъ своихъ Офицеровъ, уволеннаго имъ съ этою цѣлію въ отставку, и поручилъ ему вступить на службу къ Радивилу, или къ самой Самозванкѣ, для собранія вѣрнѣйшихъ свѣдѣній. Между тѣмъ курьеръ привезъ Орлову собственноручное повелѣніе Императрицы, отъ 12-го Ноября стар. счисл., захватить Самозванку, во что бы то ни стало. [101] Вскорѣ послѣ этого Графъ Войновичъ возвратился съ извѣстіемъ, что таинственная госпожа въ Паросѣ уполномочена была Султаномъ подкупить Графа Орлова, который, донося обо всемъ этомъ Императрицѣ, 23-го Декабря, обѣщалъ, что употребитъ всѣ старанія къ исполненію ея приказанія, хотя бы даже принужденъ былъ для этого самъ ѣхать въ Дубровникъ.

Въ Германіи также полагали, что Самозванка все еще находится въ Дубровникѣ, какъ это видно изъ отрывковъ разныхъ писемъ, писанныхъ Княземъ Лимбургскимъ и Гайльо вскорѣ по полученіи письма Самозванки, отъ 21 Сентября, а именно 20 и 23 Декабря, [102] и адресованныхъ: «À Son Altesse, Madame la Princesse Elisabeth, à Raguse.» Въ нихъ Князь отказывался отъ всѣхъ своихъ правъ на прежнюю любовницу, такъ какъ она теперь надѣялась найти счастіе съ другимъ, но обѣщалъ сохранить къ ней непоколебимую дружбу, вполнѣ увѣренный, что она его не опозоритъ. Вмѣстѣ съ этѣмъ, однако, онъ нашелъ нужнымъ передать ей, что газеты дозволяютъ себѣ довольно унизительныя и постыдныя выраженія объ ея сношеніяхъ съ Мосбахскимъ незнаком-

---

[100] Этотъ агентъ потомъ пропалъ безъ вѣсти; такъ писалъ Орловъ отъ 23 Декабря.

[101] Серъ Джонъ Дикъ въ послѣдствіи разсказывалъ, будто бы Орловъ сообщилъ ему полученное имъ предписаніе Императрицы, развѣдать Самозванку въ Дубровникѣ и требовать ея выдачи отъ тамошняго Сената, а въ случаѣ отказа — бомбардировать городъ. — Объ отношеніи Графа А. Г. Орлова къ Дубровнику и пребыванію въ немъ Радивила съ его Поляками и Самозванкой, смотри показаніе одного современника въ «Матеріялахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузской Республикой,» помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1865 года (кн. 3, стр 161 — 163). О. Б.

[102] Письма этѣ находятся при дѣлѣ (III № 20).

цемъ, о которомъ онъ узналъ отъ его же земляковъ, находящихся въ Пфальцѣ впрочемъ, онъ готовъ допустить, что и въ низшихъ сословіяхъ общества можно встрѣтить людей, заслуживающихъ уваженія. Такъ какъ любимецъ ея врядъ ли владѣетъ доказательствами Дворянства, нужными для пожалованія его большимъ крестомъ ордена «de l'ancienne noblesse», то онъ намѣренъ дать ему другой орденъ, освободивъ его отъ платежа установленной пошлины въ 300 червонцевъ; это можетъ служить ей доказательствомъ, что онъ желаетъ остаться ея другомъ. Хотя его со всѣхъ сторонъ уговаривали жениться, но онъ этѣмъ совѣтамъ не послѣдовалъ. Это письмо, очевидно, писано подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія: за выраженіями спокойными и отчасти ироническими слѣдуютъ другія, исполненныя страсти; мысли въ иныхъ мѣстахъ остаются не досказанными и замѣняются точками; но Князь не могъ вполнѣ обуздать своей досады, и намекнулъ ей, что счастіе зависитъ не отъ высокаго званія, а отъ непорочной жизни. Послѣ того, объясняя, что ему равнодушны принятыя ею различныя наименованія и похожденія ея, онъ присовокупляетъ, что, пока живъ, никогда не перестанетъ ее любить. Другое письмо, писанное, по порученію Князя, Гайльо, содержитъ въ себѣ одни только упреки въ ея безуміи, необыкновенномъ легкомысліи и неосторожности въ перепискѣ, которая могла быть прочтена и послужить поводомъ къ ея обвиненію какъ со стороны Поляковъ, такъ и со стороны властей, а по тому онъ умолялъ ее скорѣе пріискать себѣ надежное убѣжище въ Италіи, или Германіи. Она можетъ всегда разсчитывать на участіе Князя и возвратиться къ нему, какъ къ отцу, но ни въ какомъ случаѣ не должна ждать отъ него денегъ, по тому что предполагаемый обмѣнъ Стирума на помѣстья въ Польшѣ и брачный союзъ съ Радивиломъ не состоялись, вѣроятно, въ слѣдствіе разнесшихся слуховъ о прежнихъ его отношеніяхъ къ ней. Въ заключеніи письма Гайльо прибавилъ отъ себя, что недостатокъ денегъ и множество дѣлъ воспрепятствовали ему присоединиться къ ней, согласно съ ея желаніемъ. Этѣмъ письмомъ прекратилась переписка Князя съ Самозванкою, но отъ Гайльо она получила отвѣтъ на послѣднее письмо ея изъ Дубровника, въ которомъ онъ упоминаетъ, между прочимъ, о томъ, что изъ Франкфуртскихъ газетъ узнали о пріѣздѣ ея въ Римъ, гдѣ она, вѣроятно, приметъ

Католическую Вѣру. [103] Этѣ письма были посланы на имя Монтегю, къ которому, равно какъ и къ Старостѣ Пинскому, Самозванка обратилась за деньгами, кажется въ Генварѣ 1775 года. Но Монтегю, вѣроятно, предостереженный Гамильтономъ, въ отвѣтѣ своемъ, отъ 21 Генваря, отказалъ ей на отрѣзъ и, препроводивъ къ ней вышеупомянутыя письма, прибавилъ при томъ, что Староста Пинскій оставилъ Венецію, не простившись съ нимъ.

Въ зиму съ 1774 на 1775 годъ Римъ былъ въ большомъ волненіи; не смотря на то, что Папа Климентъ XIV умеръ еще въ Сентябрѣ, преемникъ его не былъ еще избранъ Конклавомъ. Происки, вызванныя смертію Папы, много помѣшали Самозванкѣ. Объ ней вскорѣ позабыли, между тѣмъ какъ нужда ея въ деньгахъ все возрастала. Она обратилась съ просьбою о ссудѣ къ Графу Ланьяско, Куртрирскому Резиденту, ссылаясь на свои сношенія съ Министромъ Горнштейномъ и Княземъ Лимбургскимъ, но получила отъ него только пятьдесятъ червонцевъ. Офиціяльное принятіе Римско-Католической Вѣры также не обѣщало особенно выгодныхъ послѣдствій, безъ вмѣшательства въ это дѣло Папы, или, по крайней мѣрѣ, кого либо изъ Кардиналовъ. Наибольшимъ вліяніемъ въ Священной Коллегіи пользовался въ это время Кардиналъ-Деканъ Альбани; по этому Самозванка и рѣшилась войти съ нимъ въ сношеніе. 1 Генваря, 1775 года, Ганецкому удалось пробраться къ окну Кардинала Альбани въ Конклавѣ и передать записку Принцессы Елисаветы, въ которой она извѣщала его о своемъ пріѣздѣ. Его отослали къ Аббату Роккатани, [104] который, получивъ черезъ два дня отъ Полиціи свѣдѣнія объ иностранкѣ, явился къ ней на вечеръ по приглашенію. Когда Ганецкій и Станишевскій, представившіе его Принцессѣ, удалились, между ними начался живой разговоръ о политикѣ,

---

103 Отрывокъ этого письма находится при дѣлѣ (III № 24).

104 Обильнымъ источникомъ для времени пребыванія Самозванки въ Римѣ служатъ донесенія этого наперсника Кардинала Альбани, которыя онъ разъ и два раза въ недѣлю посылалъ къ Канонику Гиджіотти въ Варшаву, равно какъ и письма Самозванки къ нему и Кардиналу; на связкѣ этѣхъ писемъ Аббатъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: «Romanzo della Principessa Elisabeta di Moscowia.» При дѣлѣ находятся письма Кардинала къ Самозванкѣ, писанныя Аббатомъ, и нѣкоторыя черновыя письма Самозванки къ нимъ.

объ Езуитахъ, о которыхъ она отозвалась не слишкомъ благосклонно, и преимущественно о Польскихъ дѣлахъ. [105] Принцесса на вопросъ Аббата: «Сколько времени она намѣрена остаться въ Римѣ?» отвѣчала, что, хотя и желала бы лично познакомиться съ Кардиналомъ Альбани, будущимъ, по вѣроятію, преемникомъ Папы Климента XIV, но опасается, чтобы медленность Конклава и состояніе здоровья не заставили ее поспѣшить отъѣздомъ. Роккатани былъ обвороженъ ея умомъ и пріемами; то же самое онъ услышалъ отъ Саличетти, съ которымъ встрѣтился въ передней и который сообщилъ ему, что здоровье Принцессы очень разстроено. Не смотря на это, Аббата все еще преслѣдовала мысль, не кроются ли тутъ виды на карманъ Кардинала, такъ какъ онъ узналъ, что банкиръ Беллони, у котораго Русская Княжна хотѣла занять подъ вексель значительную сумму денегъ, потребовалъ прежде всего надежнаго поручителя. Но его окончательно сбило съ толку показаніе Патера Ліадея, служившаго нѣкогда въ Русской арміи, который утверждалъ, что не разъ встрѣчалъ въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ супругу Принца Ольденбуртскаго, двоюроднаго брата Петра III-го, которую Принцесса напоминаетъ своимъ сходствомъ. Между тѣмъ Самозванка, въ письмѣ къ Кардиналу, спрашивала его, можетъ ли она во всемъ довѣриться Аббату, по тому что ея затруднительное и опасное положеніе требуетъ самой строгой тайны. Пріѣздъ ея можетъ быть весьма важенъ для Римскаго Двора, по тому что ей суждено нѣкогда носить вѣнецъ, назначенный ей свыше для благоденствія Церкви и счастія многочисленныхъ отдаленныхъ народовъ. По всему этому она именно и нашла необходимымъ для себя посовѣтоваться съ Кардиналомъ. Альбани, любопытство котораго было сильно возбуждено всѣмъ этѣмъ, въ запискѣ къ ней, сочиненной самимъ Аббатомъ Роккатани, отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ полнаго довѣрія.

6-го Генваря, вечеромъ, Роккатани лично передалъ записку Принцессѣ, которая, по словамъ Станишевскаго и Саличетти, весь день лежала въ слѣдствіе кашля и сильныхъ лихорадочныхъ припадковъ. На другое утро, когда онъ опять явился къ ней, она

---

[105] Альбани былъ Кардиналомъ-Протекторомъ Польши.

объявила ему, что рѣшилась отправиться, чрезъ Польшу и Россію, въ Константинополь. Въ Варшавѣ намѣревалась она, не смотря на свое строгое инкогнито, лично увидать Короля, а въ Россіи, гдѣ только что умеръ самый лучшій ея Намѣстникъ, она возметъ съ собой часть войска для конвоя. Если только она останется въ живыхъ, то Польша должна быть возстановлена въ продолженіе шести мѣсяцевъ, а Екатерина можетъ быть очень довольна, ежели оставятъ ей Прибалтійскій край съ С.-Петербургомъ. Она не считаетъ себя виновною въ томъ, что Радивилъ не помирился съ Королемъ, между тѣмъ какъ ей вполнѣ удалось помирить съ нимъ Огинскаго. [106] Этотъ разговоръ обворожилъ Аббата Роккатани до такой степени, что Альбани долженъ былъ самъ обратить его вниманіе на несообразности въ ея разсказѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдительно просилъ его сохранять строжайшую осторожность и скромность, такъ какъ не слѣдуетъ употреблять во зло довѣріе женщины. Но это не удерживало Аббата: въ своихъ донесеніяхъ въ Варшаву онъ разсказалъ все, что узналъ. При свиданіи Роккатани съ Принцессою, 8 Генваря, она вручила ему, для свѣдѣнія, списки съ писемъ къ Графу Орлову и Султану и открытое письмо къ Кардиналу. Въ послѣднемъ, послѣ многихъ комплиментовъ талантамъ и мудрости Альбани, она выразила свое соболѣзнованіе о несчастномъ положеніи Польши, которое уже давно было бы улучшено, если бы не были разстроены ея планы въ Дубровникѣ. Лишь только удалось бы ей въ то время осуществить свои желанія и одержать побѣду, она тотчасъ же вошла бы въ сношеніе съ Римскимъ Дворомъ, а въ послѣдствіи приложила бы все стараніе, чтобы убѣдить свой народъ подчиниться Папскому престолу. Только Кардиналу Альбани она рѣшилась довѣрить эту завѣтную тайну. Ему надлежитъ принять въ уваженіе то опасное положеніе, въ которомъ она находится, и понять, сколько она нуждается въ его совѣтѣ и помощи. Къ сожалѣнію, именно въ настоящую минуту, когда она принуждена во что бы то ни стало возвратиться въ Россію, у нея совершенно недостаетъ средствъ для путешествія. Однако же, она не теряетъ еще послѣдней надежды и утѣшаетъ себя мыслію,

---

[106] Огинскій, дѣйствительно, возвратился уже въ Польшу, но, разумѣется, безъ посредничества Самозванки.

что Альбани будетъ избранъ Папою. Роккатани, прочтя письмо, въ присутствіи Принцессы, ни чего въ немъ не понялъ, тѣмъ болѣе, что еще только наканунѣ узналъ изъ весьма вѣрныхъ источниковъ, съ одной стороны, что Графъ Панинъ осмѣялъ предостереженіе Дубровничанъ, а съ другой, что Радивилъ и его дядя оказывали этой госпожѣ почести, какія только оказываютъ вѣрноподданные. На вопросъ Аббата Принцессѣ, какого она мнѣнія о Панинѣ и братьяхъ Орловыхъ, она отвѣчала, что Панинъ человѣкъ съ большими достоинствами, обязанъ своимъ положеніемъ ея матери, но что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, не можетъ перейти на ея сторону; на Орловыхъ же, людей низкаго происхожденія и вообще мало уважаемыхъ, опасно полагаться. При дальнѣйшемъ разговорѣ она сообщила Аббату, что уже велѣла флоту приблизиться къ Ливорно; что надѣется сдѣлать заемъ, съ помощію своего пріятеля Монтегю; что въ скоромъ времени намѣрена распустить весь свой придворный штатъ, по тому что не считаетъ себя безопасною среди этѣхъ Поляковъ, [107] которые питаютъ вражду другъ къ другу, такъ какъ одни изъ нихъ приверженцы Радивила, а другіе Потоцкаго; наконецъ, что послѣдняго она навѣрное надѣется склонить на сторону Короля, лишь только пріѣдетъ въ Верону. Когда Аббатъ донесъ о семъ Кардиналу, то онъ, 9 Генваря, выразилъ въ письмѣ къ Принцессѣ, до

---

[107] Она неоднократно жаловалась Аббату Роккатани па лица своего придворнаго штата, за исключеніемъ Станишевскаго, котораго всегда очень хвалила, не смотря на его молодость, неопытность и страстное увлеченіе. Однажды Станишевскій, бывъ у Аббата, заговорилъ объ умѣ, любезности и красотѣ Принцессы, равно объ ея богатствѣ и связяхъ, увѣряя при томъ, будто бы онъ ей обѣщалъ сопровождать ее повсюду. При семъ онъ далъ почувствовать Аббату, что надѣется со временемъ играть важную роль, но въ то же время выразилъ желаніе предварительно посовѣтоваться о своемъ положеніи съ Кардиналомъ-Деканомъ. Аббатъ отклонилъ это требованіе именемъ Альбани и обратилъ вниманіе молодаго человѣка на опасность, которой онъ можетъ подвергнуться, идя по этому пути, а также на неудовольствіе Короля. Хотя Станишевскій не хотѣлъ отказываться отъ намѣренія неразрывно связать свою судьбу съ судьбою Принцессы, однако сказалъ, что рѣшился уѣхать въ Неаполь, дабы отвлечь отъ себя подозрѣніе другихъ Поляковъ. Разговоръ этотъ внушилъ хитрому Аббату мысль, что не скрывается ли тутъ попытка ославить Кардинала. Все это подтверждаетъ предположеніе, что Станишевскій и Доманскій были одно и то же лице.

какой степени его занимаетъ сказанное ею о Польшѣ и Римско-Католической Церкви, и присовокупилъ при этомъ желаніе, чтобы Провидѣніе руководило ее въ благихъ намѣреніяхъ, если только правда на ея сторонѣ.

11-го Генваря Аббатъ снова былъ приглашенъ къ Принцессѣ, которая на этотъ разъ показала ему письма Министра Горнштейна и Герцога Гольштейнскаго (Князя Лимбургскаго) касательно брака ея съ послѣднимъ, при чемъ замѣтила, что ей поставляютъ условіемъ переходъ въ Католичество, что равносильно отреченію отъ Россійскаго престола. Когда за тѣмъ хитрый Итальянецъ, по видимому, старался избѣгать намека на Герцогскій орденъ большаго креста, то бесѣда вскорѣ прекратилась; впрочемъ, ему былъ обѣщанъ противень съ Завѣщанія Императрицы Елисаветы Петровны. 14 Генваря онъ получилъ переписанное Завѣщаніе съ письменною просьбой передать его Кардиналу, при чемъ ему подана была надежда на полученіе значительной награды. Самому же Кардиналу Принцесса писала, что рѣшилась избрать дорогу черезъ Польшу и Кіевъ для того, чтобы имѣть возможность немедленно отправить стоящія у этого города войска на помощь Станиславу Августу. Какъ будто совершенно случайно, она упомянула въ письмѣ о надеждѣ получить отъ Посланника Курфирста Трирскаго въ заемъ шесть, или семь, тысячъ червонцевъ, и при этомъ просила, чтобы, въ случаѣ свиданія съ нимъ, Кардиналъ замолвилъ слово въ ея пользу. Между тѣмъ Принцесса искала знакомства съ Маркизомъ Д'Античи, Польскимъ Резидентомъ при Папскомъ Дворѣ. [108] Сначала онъ уклонялся отъ знакомства съ нею, ссылаясь на офиціяльное свое положеніе, но наконецъ долженъ былъ уступить и назначилъ ей свиданіе на 16-е число въ S. Maria degli Angeli. Роккатани, чтобы сберечь деньги Альбани, много содѣйствовалъ какъ этому знакомству, такъ и знакомству Принцессы съ Графомъ Ланьяско. Маркизъ былъ пораженъ умомъ и любезностью молодой иностранки, которая передала ему повѣсть о судьбѣ своей, съ извѣстными намъ подробностями, и просила

---

108 Подлинныя и черновыя письма Принцессы къ Д'Античи и его отвѣты на нихъ сохранились вмѣстѣ съ подлиннымъ донесеніемъ Маркиза 11 Февраля, 1775 года, къ вышеупомянутому Канонику Гиджіотти въ Варшавѣ.

снабдить ее рекомендательнымъ письмомъ къ Королю Польскому, съ которымъ ей, при проѣздѣ черезъ Варшаву, необходимо будетъ переговорить по весьма важнымъ для него дѣламъ. Д'Античи, впрочемъ, не обольстился ея разсказами, но указалъ всю мечтательность и вмѣстѣ несбыточность ея плановъ, увѣщевая ее при томъ не сообщать ихъ ни кому и искать, какъ возможно поспѣшнѣе, вѣрнаго убѣжища. Тотъ же совѣтъ повторилъ онъ письменно 19 Генваря, въ слѣдствіе письма Самозванки, наполненнаго блистательнѣйшими политическими соображеніями.

Въ началѣ Генваря Офицеръ, посланный Орловымъ въ Дубровниковъ, возвратился съ извѣстіемъ, что Самозванка уже отправилась моремъ въ Южную Италію. Въ слѣдъ за симъ онъ получилъ, черезъ посредство Гамильтона, свѣдѣніе о временномъ ея мѣстопребываніи. Орловъ немедленно отправилъ въ Римъ Адъютанта своего, Ивана Христинка, съ порученіемъ найти Самозванку, познакомиться съ нею и уговорить ее пріѣхать въ Пизу. Въ то же время онъ просилъ Англійскаго Консула въ Ливорно, Сера Джона Дикъ, съ которымъ былъ коротко знакомъ, дѣйствовать на нее въ этомъ же смыслѣ посредствомъ своихъ Римскихъ агентовъ, и преимущественно черезъ банкира Женкинса. Гамильтону же на его письмо Орловъ отвѣчалъ, что обратившаяся къ нему госпожа должна быть съумасшедшая, и что, во всякомъ случаѣ, было бы хорошо, если бы онъ посовѣтовалъ ей отправиться въ Пизу, по тому что ему крайне любопытно повидаться съ нею.[109] Около 18 Генваря Христинекъ, кажется, уже былъ въ Римѣ. Вскорѣ Принцесса узнала, что какой-то таинственный незнакомецъ постоянно бродитъ около ея дома, собираетъ свѣдѣнія и говоритъ о ней съ величайшимъ участіемъ и крайнею почтительностью. Съ безпокойствомъ разсказала она о томъ Аббату, подозрѣвая въ незнакомцѣ Русскаго агента, и просила Кардинала подробно разузнать объ этомъ. Роккатани, однако жь, выразилъ мнѣніе, что Кардиналу неприлично вмѣшиваться въ такое дѣло и посовѣтовалъ ей обратиться къ Трирскому Резиденту. Послѣдній между тѣмъ, 18 же Генваря, только что отказалъ Принцессѣ въ деньгахъ. Изъ сопровождавшихъ отказъ увѣреній въ благодарности можно вывести почти положительное заключеніе, что ему былъ

---

[109] Донесеніе Орлова объ этѣхъ распоряженіяхъ помѣчено $^{5}/_{16}$ Генваря, 1775 года.

данъ орденъ. Вообще только торговлею орденами объясняется, какимъ образомъ Принцесса съ своимъ обществомъ могла существовать въ Римѣ. 22 Генваря она опять пригласила къ себѣ Аббата, долго бесѣдовала съ нимъ о важныхъ политическихъ извѣстіяхъ, полученныхъ ею отъ разныхъ Кабинетовъ, и заключила разговоръ желаніемъ, чтобы онъ распололожилъ Д'Античи къ большей откровенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, что приметъ сама Русскаго и постарается его разгадать. Роккатани одобрилъ все, въ особенности же сближеніе съ Д'Античи и Ланьяско, по тому что при самомъ приходѣ узналъ, какъ о дурномъ состояніи денежныхъ средствъ Принцессы, такъ и о томъ, что Ганецкій скрывается отъ одного изъ своихъ вѣрителей. При уходѣ Самозванка вручила ему письмо къ Альбани, въ которомъ предлагала Кардиналу, на случай, если онъ не надѣется быть избраннымъ Папою, склонять голоса въ пользу Курфирста Трирскаго. Новыя старанія Принцессы завлечь Ланьяско и Д'Античи въ свои сѣти были также безплодны, какъ и первыя. 24 Генваря Роккатани принесъ отрицательный отвѣтъ Альбани на предложеніе Принцессы, которая при этомъ случаѣ жаловалась Аббату на крайній недостатокъ въ деньгахъ и на то, что Ганецкій совершенно отдалъ ее въ руки ростовщиковъ. [110] Но Аббатъ безъ обиняковъ объявилъ ей, что требуемыхъ ею шести, или семи, тысячъ червонныхъ она не получитъ ни отъ одного банкира. Не взирая на свое стѣсненное положеніе, Самозванка, впрочемъ, отвергла предложенія Женкинса, извѣстившаго ее, что Графъ Орловъ поручилъ ему освѣдомиться о Графинѣ Пиннебергъ и открыть ей довѣренность на полученіе денегъ, если она еще находится въ Римѣ. Но одновременно съ этѣмъ она допустила къ себѣ Христинка, который выдавалъ себя за Лейтенанта Русскаго флота. Онъ много ей говорилъ о живѣйшемъ участіи къ ней Орлова, въ слѣдствіе чего Принцесса потребовала, чтобы Графъ высказался яснѣе. Уже 27 Генваря Христинекъ писалъ ей, что онъ только что получилъ отъ своего Начальника письмо, о которомъ нужно переговорить на словахъ, по чему и проситъ пріема Ея Свѣтлости. [111] Самозванка

---

110 Передъ своимъ отъѣздомъ она прогнала Ганецкаго, который кромѣ того, какъ увѣряла она, вмѣстѣ съ Воловичемъ, распространялъ о ней дурные слухи.

111 Письмо Христинка, на Нѣмецкомъ языкѣ, сохранилось (I, № 101).

долго не рѣшалась вступать въ сношенія съ Орловымъ; принудить къ тому могла ее только самая безвыходная нужда. Она снова написала къ Альбани, умоляя его дозволить Роккатани занять для нея 1,000 червонцевъ. Уклончивый отвѣтъ Кардинала, присланный чрезъ Аббата, ускорилъ ея рѣшимость, особенно когда вѣрители начали принимать полицейскія мѣры. 31 Генваря она дала знать Кардиналу, что деньги ей болѣе не нужны, въ слѣдствіе совершенно измѣнившихся обстоятельствъ. Черезъ 10 дней она сбирается оставить Римъ, а за тѣмъ вскорѣ и суету свѣта, и ожидаетъ только писемъ и векселей изъ Венеціи. Увѣренная въ его благорасположеніи, она проситъ только о томъ, чтобы онъ ее благословилъ и возвратилъ врученные ему акты. Роккатани отвѣчалъ на слѣдующій же день, по порученію Кардинала, что послѣдній очень жалѣетъ о неудачѣ лично познакомиться съ столь достойною Принцессою, и что бумаги, для большей вѣрности, имъ сожжены. Послѣднее, какъ это видно изъ донесенія Аббата въ Варшаву, было чистая выдумка. Послѣ наведенныхъ справокъ онъ узналъ, что Принцесса дѣйствительно думаетъ объ отъѣздѣ. Это сказалъ ему Станишевскій, объявивъ при томъ, что рѣшился всюду слѣдовать за нею. Между тѣмъ Принцесса только что склонилась на убѣжденіе Христинка написать Орлову съ курьеромъ [112] и сообщить ему, что письмо его къ Лейтенанту даетъ ей смѣлость ѣхать въ Пизу и предать съ полною увѣренностью свою судьбу въ его руки. Въ этомъ же письмѣ она, между прочимъ, писала, что желаніе блага Россіи въ ней столь искренно, что ни что не остановитъ ее въ исполненіи лежащихъ на ней обязанностей, и что она недѣль черезъ шесть ожидаетъ значительныя денежныя суммы; но такъ какъ скорое свиданіе ихъ въ Пизѣ необходимо, то по этому проситъ Графа прислать ей 2,000 червонцевъ.

Вечеромъ, 3 Февраля, Аббатъ, явившись къ Принцессѣ, нашелъ ее въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Изъ разговора съ нею онъ узналъ, что отреченіе ея отъ свѣта еще не рѣшено положительно; что она черезъ Д'Античи дала знать Королю Польскому о скоромъ отъѣздѣ изъ Рима; что на дняхъ, по совѣту

---

[112] Черновое письмо сохранилось (III № 34).

Графа Орлова, оставитъ фамилію Графини Пиннебергъ, подъ которою скрывалась; что ея дѣла вездѣ принимаютъ самый счастливый оборотъ, и по сему ей предстоитъ возможность удовлетворить корыстолюбивыхъ Римскихъ капиталистовъ, такъ много ее обманывавшихъ; что Аббатъ можетъ разсчитывать на блистательнѣйшее доказательство ея благодарности, но предварительно долженъ принять на себя исполненіе нѣсколькихъ порученій, которыя ему будутъ даны предъ ея отъѣздомъ. 5 Февраля она письменно простилась съ Д'Античи, котораго много благодарила за совѣты, побудившіе ее удалиться въ одно изъ своихъ Нѣмецкихъ помѣстій и жить тамъ въ одиночествѣ. Съ Альбани она хотѣла проститься непремѣнно лично и требовала, чтобы Роккатани провелъ ее переодѣтою въ Конклавъ. Аббатъ тщетно отговаривалъ ее отъ исполненія этого намѣренія; 8 Февраля она положила идти туда, для засвѣдѣтельствованія благодарности Кардиналу и для полученія отъ него наставленій. Въ письмѣ своемъ къ нему, она увѣдомляла его, что отъ Женкинса получила 2,000 червонцевъ, что уже успѣла устроить всѣ свои дѣла и что, по совѣту Орлова, вѣроятно, останется въ Пизѣ. Всѣ долги дѣйствительно были заплачены, даже Ланьяско и Венеціянскому Банку; по словамъ Д'Античи, на это было употреблено 11,000 червонцевъ. Когда вечеромъ, 8 Февраля, явился Роккатани къ Принцессѣ, ему сказали, что она лежитъ въ сильной лихорадкѣ; то же онъ услышалъ и въ слѣдующій день. Но 10 вечеромъ она приняла его, чтобы проститься, при чемъ сдѣлала ему нѣсколько богатыхъ подарковъ. Она разсчитывала пробыть въ Пизѣ около 6 недѣль, и отдѣлаться тамъ отъ остальной своей Польской свиты. Къ Кардиналу она послала еще прощальную записку, съ обѣщаніемъ постоянно увѣдомлять его о своихъ дѣйствіяхъ.

Утромъ 11 Февраля Принцесса уѣхала съ своею свитою въ двухъ экипажахъ, раздавъ богатую милостыню нищимъ, собравшимся у Церкви San Carlo. Въ Римѣ долго говорили о столь внезапномъ отъѣздѣ таинственной незнакомки. Знали, что она избрала дорогу въ Тоскану и что Русскій Офицеръ, Христинекъ, поѣхалъ въ слѣдъ за нею. Никто не могъ понять, какъ она, выдававшая себя за притязательницу на Русскій престолъ, могла сойтись съ Графомъ Орловымъ, и по тому нѣкоторые думали, что

она — бывшая его любовница, возвращающаяся отъ Радивила къ своему прежнему любовнику. Впрочемъ, были и такіе, которые находили, что Орловъ очень ловко интриговалъ, чтобы приманить къ себѣ простодушную иностранку.[113]

15 Февраля Самозванка прибыла въ Пизу подъ именемъ Графини Силинской. Орловъ, приказавшій нанять для нея домъ, посѣщалъ ее ежедневно, обращался съ нею съ величайщею заботливостью въ присутствіи другихъ, почти съ вѣрноподданническимъ почтеніемъ; даже съ Доманскимъ и Чарномскимъ былъ особенно любезенъ. Онъ сопровождалъ незнакомую всѣмъ госпожу на гулянья въ открытомъ экипажѣ, показывалъ ей достопримѣчательности города, вывозилъ ее въ оперу. Словомъ, спустя нѣсколько дней, въ Пизѣ заговорили, что онъ разошелся съ женщиной, доселѣ считавшейся его любовницей.[114] Дѣйствительно, Орловъ притворился страстно влюбленнымъ въ прекрасную иностранку и просилъ ея даже руки.[115] Она очень благосклонно выслушала это признаніе, приняла его портретъ, но сказала, что къ рѣшительному шагу приступать еще не время, что ея настоящее не позволяетъ ей о томъ и думать, но что если она когда либо достигнетъ принадлежащаго ей званія, то непремѣнно соединится съ нимъ бракомъ. Хотя съ того времени Принцесса и стала болѣе довѣрять Графу, но послѣднему не удалось вполнѣ проникнуть ея тайнъ. Она разсказала ему только уже извѣстную намъ повѣсть,[116] упомянула, что открыла свое настоящее положе-

---

113 Этотъ и другіе слухи находятся въ донесеніяхъ Роккатани и Д'Античи Канонику Гиджіотти.

114 Все это находится въ Итальянскомъ письмѣ, отъ 15 Марта, 1775 года, изъ Пизы, найденномъ въ бумагахъ Роккатани.

115 Серъ Джонъ Дикъ разсказывалъ въ послѣдствіи, что Самозванка сдѣлалась любовницей Орлова, который продолжалъ оказывать ей особенное вниманіе и въ первый день пребыванія ея на Адмиральскомъ кораблѣ; что прежде она уже была любовницей Радивила, а еще ранѣе въ Лондонѣ вела распутную жизнь. Этѣ показанія относительно Радивила и Орлова ни на чемъ положительномъ не основаны.

116 О Пугачовѣ она, кажется, на этотъ разъ не упомянула, хотя, можетъ быть, и не знала, что онъ уже казненъ.

ніе Королю Прусскому, подружилась съ многими Имперскими Князьями, преимущественно же съ Курфирстомъ Трирскимъ и Герцогомъ Гольштейнскимъ, а въ Парижѣ дозволяла Министрамъ, съ коими познакомилась, догадываться о дѣйствительномъ своемъ происхожденіи; что Вѣнскій Кабинетъ ей кажется подозрительнымъ, но что она можетъ совершенно положиться на Пруссію и Швецію; что съ Польской Конфедераціей находится въ лучшихъ отношеніяхъ; что теперь она сбирается въ Константинополь, куда уже послала напередъ довѣренное лице. [117] Не взирая на этѣ намеки о своемъ происхожденіи, Принцесса, кажется, не требовала еще отъ Орлова, чтобы онъ съ флотомъ перешелъ на ея сторону, хотя, по видимому, она безусловно вѣрила его преданности. Въ Дѣлѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы она питала уже надежду на успѣхъ такого рѣшительнаго предпріятія, а по всему вѣроятію она надѣялась только завлечь Орлова въ свои сѣти и выпрашивать у него денегъ, сколько возможно будетъ. Дабы окончательно убѣдить Принцессу въ ея совершенной безопасности и въ ея вліяніи на Орлова, Христинекъ утромъ того дня, въ который совершено было роковое для нея путешествіе въ Ливорно, явился къ ней съ просьбою выхлопотать ему у Графа производство въ Полковники. Самозванка немедленно написала объ этомъ Орлову. [118] Послѣдній предложилъ проводить ее до Ливорно, гдѣ обѣщалъ показать Русскій линейный корабль и морскіе маневры. Чарномскій и Доманскій тоже были приглашены [119] и съ ними поѣхалъ Христинекъ. Въ Ливорно все общество остановилось въ домѣ Англійскаго Консула, [120] который, будучи заранѣе пред-

---

117 Такъ Орловъ увѣдомлялъ Императрицу 23 Февраля.

118 Письмо это, отъ 22 Февраля, не находится при Дѣлѣ, хотя Князь Голицынъ получилъ его 14 Іюня отъ Графа Орлова въ запечатанномъ конвертѣ съ нѣкоторыми другими бумагами. Впрочемъ, Князь сдѣлалъ извлеченіе изъ всѣхъ этѣхъ бумагъ.

119 Такъ какъ ночь должно было провести въ Ливорно, то по этому горничная Принцессы, Франциска Мешеде, а также камердинеры: Маркезини и Кальтфингеръ, сопутствовали Самозванкѣ на Адмиральскій корабль.

120 Кастера, въ своемъ сочиненіи, обвиняетъ Сера Джона Дикъ, что онъ при этомъ случаѣ велъ себя не соотвѣтственно своему званію, противъ чего онъ не счелъ нужнымъ оправдываться. Въ послѣдствіи онъ разсказывалъ, что около 11 ча-

упреждень, угостилъ Графа съ его свитою обѣдомъ, послѣ котораго, на шлюпкѣ Графа, отправились на Адмиральскій корабль, гдѣ Контръ-Адмиралъ Грейгъ принялъ общество съ изъявленіями глубокаго почитанія; весь флотъ салютовалъ прибывшимъ гостямъ.

Прибытіе на Адмиральскій корабль.

По осмотрѣ корабля подали угощеніе и начались маневры. Принцесса смотрѣла на послѣдніе съ такимъ увлеченіемъ, что не замѣтила, какъ Орловъ и Грейгъ исчезли. Вдругъ Капитанъ Гвардіи Литвиновъ подошелъ къ ней съ вооруженными людьми, потребовалъ сабли у обоихъ Поляковъ, шпагу у Христинка и объявилъ ихъ и Принцессу подъ стражей. Тщетно спрашивали они о причинѣ такого насилія, тщетно требовали, чтобы позвали къ нимъ Орлова. Литвиновъ сослался на приказаніе Адмирала и намекнулъ, что и Графъ арестованъ и находится подъ надлежащимъ присмотромъ. [121] Самозванка отведена была въ одну изъ каютъ Адмиральскаго корабля вмѣстѣ съ горничною; Итальянецъ камердинеръ оставленъ ей для услугъ. Чарномскій и Доманскій съ камердинеромъ Кальтфингеромъ, а также, какъ кажется, Христинекъ, перевезены были на другой корабль. Въ Пизѣ между тѣмъ захватили всѣ вещи и бумаги общества и отправили ихъ вмѣстѣ съ остальною прислугою, [122] тоже на корабли.

Опомнившись въ своей каютѣ отъ такой неожиданности, Самозванка написала Грейгу дерзкое письмо, требуя отчета въ совершенномъ противъ нея насиліи. Адмиралъ велѣлъ отвѣчать на

совъ присланъ былъ къ нему ординарецъ отъ Орлова съ извѣщеніемъ, что къ обѣду пріѣдетъ Графъ съ обществомъ. Графъ, по пріѣздѣ, представилъ сопровождаемую имъ госпожу, впрочемъ, не называя ее по фамиліи, какъ Леди Дикъ, такъ и другой госпожѣ (Адмиральшѣ Грейгъ). Консулу лице госпожи показалось знакомымъ, и онъ ее спросилъ: «Говоритъ ли она по Англійски?» на что она отвѣчала: «Конечно, но мало.» Послѣ обѣда Орловъ предложилъ Леди Дикъ и другой госпожѣ (женѣ Грейга) ѣхать на корабль, отъ чего онѣ, однако жь, отказались; за тѣмъ Графъ, съ сопровождавшими его лицами, сѣлъ въ лодку.

[121] Показаніе Чарномскаго при допросѣ объ арестѣ отличается особенною полнотою.

[122] Рихтеръ, Лабенскій и Анчіотти.

словахъ, что онъ долженъ былъ повиноваться высшей власти. За тѣмъ она написала Орлову, выражая ему свое удивленіе, за чѣмъ онъ, неоднократно увѣрявшій ее въ своей вѣрности и преданности до гроба, не замѣтно удалился отъ нея именно въ то время, когда приготовлялись ее взять подъ стражу; что ей будетъ утѣшеніемъ, если онъ самъ придетъ разъяснить ей случившееся; что она готова на все; что постоянно сохранитъ къ нему свои чувства, не взирая даже на то, отнялъ ли онъ у нея навсегда свободу и счастіе, или еще имѣетъ возможность и желаніе освободить ее изъ столь ужаснаго положенія. [123] Тѣмъ же тайнымъ путемъ, какимъ было отправлено письмо Самозванки къ Орлову, получила она на слѣдующій день [124] отвѣтъ отъ него на Нѣмецкомъ языкѣ. Онъ писалъ, что онъ глубоко огорченъ отъ одной мысли, что она могла считать его виновникомъ своего несчастія, которое вмѣстѣ съ нею постигло и его; что, при пріѣздѣ его на корабль, Грейгъ предупреждалъ его и совѣтовалъ тотчасъ же сѣсть на лодку и искать вѣрнаго убѣжища; но онъ опоздалъ; близъ пристани окружили его шлюпки, посланныя въ догоню, принудили сойти на Русскій корабль, Капитанъ котораго, съ слезами на глазахъ, задержалъ его. Онъ еще не теряетъ надежды освободиться, по тому что Офицеры ему преданы и старый пріятель Грейгъ, конечно, будетъ по возможности снисходителенъ. При этомъ онъ проситъ обожаемаго друга успокоиться и беречь здоровье и увѣряетъ, что лишь только освободится, какъ тотчасъ же найдетъ ее, гдѣ бы то ни было, и съумѣетъ спасти. [125] Несчастная, кажется, въ самомъ дѣлѣ почерпнула въ этомъ письмѣ и надежду

---

[123] Обоихъ писемъ Самозванки при Дѣлѣ не находится, хотя они и были въ числѣ бумагъ, которыя Голицынъ получилъ въ Іюнѣ и изъ которыхъ онъ сдѣлалъ извлеченіе.

[124] Серъ Джонъ Дикъ разсказывалъ, что Орловъ приходилъ къ нему, рано утромъ 23 Февраля, крайне взволнованный и разстроенный, въ слѣдствіе дурно проведенной ночи, и просилъ самой занимательной книжки изъ его библіотеки для развлеченія его спутницы, оставшейся на кораблѣ.

[125] Письмо это находится при Дѣлѣ (см. Прилож. X). Оно, конечно, написано самимъ Орловымъ, по тому что Самозванка знала его почеркъ. Нѣмецкій языкъ столь же неправиленъ, сколько неизященъ.

и утѣшеніе. Эскадра Грейга 24 Февраля снялась съ якоря и оставила Ливорнскій рейдъ.

Христинекъ, остававшійся, для устраненія подозрѣній, подъ стражей въ теченіе 24 часовъ, отправился послѣ того сухимъ путемъ съ донесеніемъ Орлова къ Императрицѣ. Графъ начинаетъ свое письмо $^{25}/_{14}$ Февраля радостнымъ извѣстіемъ, что ему удалось поймать плутовку живою, которая, съ своею свитой, сидитъ теперь плѣнницею на кораблѣ; Грейгу приказано соблюдать глубокую тайну, не допускать ни какихъ сношеній между плѣнницей и людьми экипажа, удалять въ пристаняхъ всякое покушеніе къ перепискѣ, или бѣгству, и сдать ее въ Кронштадтѣ тому лицу, которое явится съ собственноручнымъ повелѣніемъ Императрицы. При Самозванкѣ онъ оставилъ только горничную и камердинера и дозволилъ посѣщать ее Доктору. При всемъ стараніи онъ не могъ узнать, кто она дѣйствительно, но изъ бумагъ легко будетъ усмотрѣть, въ какомъ отношеніи она находилась къ Конфедераціи; [126] онъ подозрѣваетъ въ сношеніяхъ съ нею одного Русскаго путешественника, по сходству его почерка съ нѣкоторыми не подписанными письмами. [127] Для исполненія воли Государыни, онъ долженъ былъ притвориться очень влюбленнымъ въ Самозванку. При этомъ онъ вспоминаетъ Шмидтшу [128] и свое счастіе на невѣстъ. У плѣнницы найдутъ его портретъ, что въ Россіи его врагамъ можетъ дать поводъ взвести на него обвиненіе, и Нѣмецкое письмо, написанное послѣ ея задержанія, для отклоненія отъ себя подозрѣнія въ участіи; къ сему Орловъ присовокупилъ,

---

[126] Кажется, что и Орловъ отчасти находился въ томъ же заблужденіи, какъ позже Слѣдственная Коммиссія, полагая, что письма Конфедераціи принадлежатъ Принцессѣ, а не Чарномскому.

[127] Орловъ, кажется, подозрѣвалъ Ивана Ивановича Шувалова; по крайней мѣрѣ, при Дѣлѣ находятся двѣ записки Шувалова самаго незначительнаго содержанія, изъ Флоренціи, 6 Октября, 1772 г., изъ Рима 21 Генваря, 1773 г., вѣроятно, для сравненія почерка, имѣющаго дѣйствительно нѣкоторое сходство съ почеркомъ Князя Лимбургскаго. Этѣ записки находились, вмѣстѣ съ третьею, въ бумагахъ, полученныхъ въ Іюнѣ Голицынымъ отъ Орлова.

[128] Неизвѣстно, на кого намекалъ здѣсь Орловъ. Одна Г-жа Шмидтъ была въ 1756 году надзирательницей за живущими при Дворѣ фрейлинами. Здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь о ней, или объ ея дочери.

что Самозванка убѣждена въ его арестованіи. За симъ Графъ представляетъ на особое милостивое воззрѣніе Государыни Христинка, который изустно передастъ всѣ подробности о дѣлѣ. Документы онъ послалъ съ Грейгомъ, а не съ Христинкомъ, по тому что послѣдній можетъ быть убитъ и ограбленъ приверженцами злодѣйки. Этѣхъ приверженцевъ Орловъ очень боялся, [129] даже для себя самаго, особенно же Езуитовъ. Онъ имѣлъ намѣреніе (объяснялъ онъ далѣе) постараться, чтобы общественное мнѣніе въ Пизѣ не было возбуждено задержаніемъ Самозванки. [130] Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предувѣдомлялъ Государыню, что, быть можетъ, для спасенія жизни, принужденъ будетъ сдать команду и поспѣшить въ Петербургъ. Христинекъ, вѣроятно, прибылъ въ Москву во второй половинѣ Марта, по тому что Государыня только 22 Марта [131] благодарила Орлова и написала къ Князю Голицыну, С.-Петербургскому Генералъ-Губернатору, что Самозванка, выдающая себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны, задержана на эскадрѣ, съ которою Грейгъ придетъ въ Ревель, или Кронштадтъ, какъ скоро то дозволитъ ледъ. Въ первомъ случаѣ слѣдуетъ позаботиться въ Ревелѣ о приготовленіи надежнаго темничнаго помѣщенія, во второмъ же случаѣ посадить арестантовъ въ Петропавловскую крѣпость. Бумаги, которыя доставитъ Грейгъ, Императрица повелѣла внимательно разсмотрѣть и донести ей, особенно о томъ, кто виною всему дѣлу; Ей досто-

---

129 Орловъ говоритъ въ письмѣ, что свита Самозванки состояла изъ 60 человѣкъ, изъ которыхъ часть оставлена ею въ Римѣ, часть же, по его убѣжденію, отпущена въ Пизѣ. Это явное, можетъ быть, даже преднамѣренное, преувеличеніе. Въ Римѣ Самозванка не имѣла столько людей, а при отъѣздѣ они всѣ помѣстились въ каретѣ да въ коляскѣ. Орловъ, кажется, искалъ благовиднаго повода для возвращенія въ Россію, въ случаѣ нужды, безъ повелѣнія Императрицы.

130 Достовѣрныхъ свѣдѣній о впечатлѣніи, произведенномъ этѣмъ дѣломъ въ Тосканѣ, мы не имѣемъ. Въ письмѣ изъ Пизы, отъ 15 Марта, 1775 г., сохраненномъ Роккатани, упоминается о слухѣ, что плѣнница будто была умерщвлена на кораблѣ. Извѣстный Нѣмецкій писатель Архенгольцъ разсказываетъ, что онъ прибылъ въ Ливорно нѣсколько дней послѣ отплытія эскадры и еще засталъ весь городъ въ волненіи по случаю сего происшествія, которымъ былъ особенно раздраженъ Тосканскій Дворъ (Engeland und Italien. Leipzig, 1787, IV, стр. 157, 158).

131 Съ этого мѣста приводимыя числа считаются по старому счисленію.

вѣрно извѣстно, что злодѣйка выдавала себя за сестру Пугачова. Грейгъ, кажется, послалъ бумаги впередъ съ курьеромъ изъ Кадикса, или Плимута, по тому что извлеченіе Голицына [132] изъ важнѣйшихъ документовъ помѣчено 19 Апрѣля, а эскадра пришла въ Кронштадтъ 11 Мая.

Во время плаванія эскадры, до самаго Англійскаго берега, Самозванка была спокойна и находилась, кажется, въ твердой увѣренности съ помощью Орлова освободиться въ какой либо Англійской пристани. Но, не получая ни какихъ отъ него писемъ, узнавъ, что и отъ Англійскихъ береговъ снимутся для перехода въ Кронштадтъ, можетъ быть, даже и о томъ, что Орловъ спокойно продолжаетъ пребывать въ Пизѣ, она ясно увидала, съ какимъ легкомысліемъ вдалась въ обманъ. Сильный порывъ бѣшенства и отчаянія кончился столь продолжительнымъ обморокомъ, что боялись за самую ея жизнь. Когда же пришла въ себя и ее вынесли на палубу, то она хотѣла броситься въ, стоявшую у Адмиральскаго корабля, Англійскую шлюпку. Съ тѣхъ поръ за нею нуженъ былъ самый зоркій и строгій присмотръ, по тому что она нѣсколько разъ пыталась кинуться въ море, или другимъ образомъ лишить себя жизни. Грейгъ, 18 Апрѣля, изъ Зунда, извѣщавшій о томъ Орлова, увѣрялъ, что никогда не исполнялъ болѣе тяжелаго порученія и что онъ оставилъ Англійскій берегъ ранѣе, чѣмъ предполагалъ, отчасти по тому, что нѣкоторыя лица, пріѣзжавшія осматривать его корабль, знали, какъ онъ могъ замѣтить, объ арестанткѣ. [133]

11-го Мая, какъ уже сказано, эскадра прибыла въ Кронштадтъ. Грейгъ медлилъ выдачею Самозванки, пока ему не принесли собственноручный приказъ Императрицы (изъ села Коломенскаго, отъ 16 Мая). Вмѣстѣ съ этѣмъ и Голицынъ получилъ наказъ, по которому, 24 Мая вечеромъ, Капитанъ Гвардіи

---

[132] Въ этомъ извлеченіи Манифесты Конфедераціи противъ раздѣла Польши, подлинныя письма Конфедераціи къ Султану и Визирю, Турецкіе пашпорты ея агентамъ, многія Польскія письма,—все признается доказательствами сношеній Самозванки съ Конфедераціею.

[133] Донесенія Грейга не сохранились: свѣдѣнія этѣ заимствованы изъ письма Орлова къ Императрицѣ $^{11}/_{22}$ Мая, изъ Пизы.

Александръ Толстой, давшій клятвенное обѣщаніе вѣчно молчать объ этомъ дѣлѣ, выѣхалъ, съ командой Преображенскаго полка, на яхтѣ въ Кронштадтъ, и 26 Мая, утромъ, въ 2 часа, сдалъ арестантовъ въ Петропавловскую крѣпость. Главный Комендантъ, Андрей Чернышевъ, принялъ ихъ и размѣстилъ въ равелинѣ по разнымъ казематамъ. Еще въ то же утро, по приказанію Голицына, слуга Доманскаго, Кальтфингеръ, потомъ Чарномскій, Доманскій [134] и Франциска Фонъ Мешеде, были допрошены. Каждому изъ нихъ было объявлено передъ допросомъ, что уже извѣстны многія обстоятельства ихъ жизни и, слѣдовательно, всякая ложь будетъ совершенно безполезна; что всѣ средства будутъ употреблены для дознанія сокровеннѣйшихъ ихъ тайнъ, и что только безусловная откровенность можетъ заслужить имъ снисхожденіе и помилованіе. Изъ этѣхъ показаній приведемъ только то, о чемъ не было упомянуто въ предшествовавшемъ разсказѣ.

Кальтфингеръ [135] объявилъ, что поступилъ въ услуженіе къ Доманскому въ Дубровникѣ, куда прибылъ съ однимъ Французскимъ Офицеромъ. Изъ Дубровника онъ съ Доманскимъ пріѣхалъ въ Римъ. Здѣсь его Господина посѣщало много Поляковъ. Принцесса часто бывала больна, такъ что къ ней ежедневно являлся Докторъ. Когда общество выѣзжало изъ Рима, онъ хотѣлъ было остаться тамъ, но Принцесса уговорила его слѣдовать за нею.

Чарномскій признался, что онъ, вмѣстѣ съ Каленскимъ, былъ въ 1772 году посланъ Потоцкимъ въ Турецкій станъ, чтобы развѣдать, нельзя ли оттуда получить помощь; по передачѣ Потоцкому отвѣта Великаго Визиря, онъ немедленно поступилъ на службу къ Радивилу. Такимъ образомъ онъ скрылъ, что Конфедерація, весною 1775 года, довѣрила ему доставленіе новыхъ писемъ къ Султану и Великому Визирю, что онъ просилъ назна-

---

[134] Показанія этѣхъ трехъ лицъ сохранились; они написаны собственноручно и подписаны ими. Русскій переводъ обоихъ Польскихъ показаній тоже подписанъ ими.

[135] Странно, что Рихтеръ (другой камердинеръ Доманскаго), прежде бывшій въ услуженіи у Огинскаго, именно въ пору его знакомства съ Самозванкою, можетъ быть, сопровождавшій послѣднюю въ Германію, не былъ допрошенъ обстоятельно.

чить себя офиціяльномъ агентомъ Конфедераціи на мѣсто Каленскаго, и что сближеніе съ Радивиломъ было только средствомъ безопасно достичь Константинополя. Точно также онъ ложно показалъ, что путешествіе его изъ Дубровника къ Потоцкому имѣло цѣлью будто бы требованіе уплаты частнаго долга. Упомянувъ о сношеніяхъ съ Монтегю и Мартинелли, онъ умолчалъ о Старостѣ Пинскомъ, о посылкѣ имъ денегъ къ Принцессѣ и о томъ, что Потоцкій писалъ къ нему, 6 Генваря, 1775 года, о возвращеніи ввѣренной ему переписки Конфедераціи съ Турецкими властями. [136] По увѣренію Чарномскаго, Радивилъ на кораблѣ сказалъ своимъ спутникамъ, что Принцесса — дочь покойной Императрицы Елисаветы Петровны, чему повѣрили какъ онъ, такъ и другіе. Консулы Французскій и Неаполитанскій не разъ обѣдали у нея въ Дубровникѣ и обращались съ нею въ первое время, какъ съ Принцессой. Когда Радивилъ возвратился въ Венецію, онъ и Доманскій рѣшили посѣтить Римъ и Неаполь. По этому они охотно приняли предложеніе Принцессы сопутствовать ей на ея счетъ, черезъ Неаполь и Римъ, въ Германію. Въ Римѣ сію госпожу, вскорѣ по прибытіи, начали признавать Русскою Княжною и обращались съ нею очень почтительно. Посланникъ Курфирста Трирскаго нѣсколько разъ былъ у нея, а Польскій Резидентъ велъ съ нею переписку и на адресахъ давалъ ей титулъ Принцессы. По случаю истощенія денежныхъ средствъ Самозванки, онъ и Доманскій просили уволить ихъ, съ цѣлью отыскать Потоцкаго и возвратиться въ Польшу, но она взяла съ нихъ обѣщаніе проводить ее до Оберштейна. Разсказавъ потомъ о прибытіи Христнека и о полученіи Принцессою денегъ, Чарномскій прибавилъ, что она сообщила ему и Доманскому, что Орловъ обѣщалъ помочь ей во всемъ, и что она по этому собирается къ нему въ Пизу, гдѣ заплатитъ Доманскому и отпуститъ ихъ обоихъ. Въ заключеніе Чарномскій передалъ подробности путешествія и задержанія.

Доманскій, при допросѣ, не сказалъ ни чего о своемъ пребываніи въ Германіи, а началъ прямо съ Венеціи. Иностранная госпожа пріѣхала туда, узнавъ изъ газетъ, что Радивилъ отправляется въ Констанинополь, куда собиралась и она. Радивилъ, поручая

[136] Въ Петербургѣ думали, что эта переписка была довѣрена не ему, а Самозванкѣ.

ему проводить ее на корабль, сказалъ, что это—дочь Императрицы Елисаветы, чему онъ повѣрилъ, тѣмъ болѣе, что еще въ 1769 году слышалъ отъ состоявшаго въ Русской службѣ Адъютанта Графа Паца, будто покойная Императрица была съ кѣмъ-то въ тайномъ бракѣ. Изъ Добровника Радивилъ писалъ въ Мангеймъ къ Бернатовичу, прося его доставить точнѣйшія свѣдѣнія о Принцессѣ, и отъ него узналъ, что она принадлежитъ къ знатному роду и обладаетъ замѣчательными способностями. Французскіе Офицеры, сопровождавшіе Радивила, которымъ она разсказывала свою жизнь, писали въ тѣ мѣста, гдѣ она, по ея разсказамъ, бывала, и свѣдѣнія, ими полученныя, состояли въ томъ, что черезъ этѣ мѣста проѣзжала какая-то Принцесса Елисавета. Радивилъ мало по малу началъ сомнѣваться въ истинѣ ея разсказовъ, отдалился отъ нея и, какъ ему самому признался, утаилъ ея письма къ Султану. Когда Радивилъ возвратился въ Венецію, онъ съ Чарномскимъ тѣмъ охотнѣе согласились на предложеніе Принцессы слѣдовать за нею въ Италію, что это путешествіе соотвѣтствовало ихъ желанію. Кромѣ того, онъ лично долженъ былъ согласиться на предложеніе и по тому, что онъ ожидалъ отъ Принцессы уплаты 800 червонцевъ, изъ которыхъ 300 принадлежали ему, а 500 были заняты имъ для нея въ Дубровникѣ. Когда Французскій Консулъ предостерегалъ Чарномскаго не слишкомъ довѣряться Принцессѣ, онъ, по совѣщанію съ своимъ другомъ, просилъ ее быть вполнѣ откровенною, обѣщая, во всякомъ случаѣ, слѣдовать за нею, кто бы она ни была. Но она съ гнѣвомъ отвергнула подозрѣніе въ принятіи ложнаго имени. Тогда онъ, подъ вліяніемъ ея обворожительнаго обращенія и ума, уговорилъ Чарномскаго проводить ее хотя до Рима, гдѣ она намѣревалась остаться дней восемь. Стѣсненныя денежныя обстоятельства Принцессы породили въ немъ новое подозрѣніе, но на его неоднократные вопросы о дѣйствительномъ ея званіи, она постоянно отвѣчала, что она дочь — Императрицы Елисаветы. Получивъ деньги отъ Орлова, она заплатила и взятые имъ въ займы для нея въ Дубровникѣ 500 червонцевъ. Любопытство его видѣть, чѣмъ кончатся этѣ запутанныя обстоятельства, и страстная привязанность къ Принцессѣ заставили его остаться при ней и уговорить къ тому же друга своего Чарномскаго. Когда спросили Чарномскаго объ обстоятельствахъ, переданныхъ о немъ Доманскимъ, онъ подтвер-

дилъ все, имъ сказанное, извиняясь слабою памятью въ томъ, что онъ этого прежде не показалъ.

Изъ показаній Франциски Мешеде видно, что Принцесса постоянно держала себя въ отношеніи къ прислугѣ крайне осторожно и таинственно: только тогда, когда садилась въ карету, она указывала мѣсто, куда слѣдуетъ ѣхать. Деньги у нея были всегда, но Франциска никогда не видала, отъ кого она ихъ получала. О беременности Принцессы осенью 1774 года Франциска не упомянула. Кромѣ того показала, что хотя госпожа ея часто бывала въ Католической церкви, но въ Католичество не переходила.

Допросы.

Еще до пріѣзда задержанныхъ, Князь Голицынъ составилъ вопросные пункты Самозванкѣ. [137] Цѣлью его было узнать, кто внушилъ ей мысль выдать себя за дочь Императрицы Елисаветы Петровны, и съ кѣмъ она по этому поводу была въ сношеніи. Первый допросъ былъ 26 Мая. Когда Голицынъ вошелъ къ арестанткѣ, она въ сильномъ волненіи спросила его, по какому праву и по какой причинѣ съ ней такъ жестоко обходятся? Онъ отвѣчалъ на это строго и увѣщевалъ ее дать прямые и неуклончивые отвѣты на всѣ вопросы, которые ей предложатся. За тѣмъ начался допросъ: вопросные пункты предлагались на Французскомъ языкѣ, а отвѣты Самозванки записывались по Русски. Изъ нихъ составилась цѣлая историческая повѣсть, [138] подписанная ею, послѣ сдѣланнаго ей изустнаго перевода записанныхъ отвѣтовъ, именемъ: «Елисавета.» Вотъ содержаніе сихъ отвѣтовъ:

Зовутъ ее Елисаветой, отъ роду ей 23 года, откуда и кто ея родители, не знаетъ. Въ Килѣ, гдѣ провела дѣтство у одной Г-жи Пере или Перонъ, крещена по Греко-Восточному Обряду,

---

[137] Секретаремъ къ Князю Голицыну былъ назначенъ Коллежскій Ассессоръ Василій Ушаковъ.

[138] Протокола допроса, равно какъ и Протоколовъ о допросахъ прочихъ арестантовъ, въ дѣлѣ не находится, но всѣ изложенныя здѣсь подробности заключаются въ донесеніяхъ Князя Голицына и приложеніяхъ къ нимъ, сохранившихся въ Дѣлѣ.

при комъ и кѣмъ, ей не извѣстно. Ее постоянно утѣшали скорымъ пріѣздомъ родитетей. 9-ти лѣтъ отъ роду, три незнакомца привезли ее и няньку Катерину, родомъ изъ Голштиніи, сухимъ путемъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь ей сказали, что ее повезутъ къ родителямъ въ Москву, а вмѣсто того отвезли на Персидскую границу и помѣстили у образованной старушки, которая говорила, что она сослана сюда по повелѣнію Петра III-го. [139] Эта старушка жила въ домикѣ, который стоялъ одиноко и находился вблизи стана кочующаго племени. Въ теченіе 15 мѣсячнаго своего здѣсь пребыванія она часто хворала, въ слѣдствіе даннаго ей будто яда. Отъ няньки она узнала нѣсколько туземныхъ словъ, похожихъ на Русскія; здѣсь она начала учиться Русскому языку, но въ послѣдствіи его забыла. Съ помощью одного Татарина, ей и нянькѣ наконецъ удалось бѣжать въ Багдадъ. Здѣсь принялъ ихъ богатый Персіянинъ Гаметъ, къ которому нянька имѣла рекомендацію. Годъ спустя, другъ его, Князь Гали, перевезъ ее въ Испагань, гдѣ она получила блистательное образованіе, подъ руководствомъ Француза Jean Fournier. Гали часто говорилъ ей, что она — дочь покойной Русской Императрицы, о чемъ ей повторяли и другіе. Когда, въ 1769 году, въ Персіи возникли безпорядки, Гали рѣшился удалиться въ Европу, и взялъ ее съ собою. Хотя она и просила не ѣздить чрезъ Россію, гдѣ ей могла угрожать опасность, однако онъ привезъ ее сначала въ Астрахань, гдѣ, вмѣсто Персидской, нанялъ Русскую прислугу, принялъ имя Крымова, а ее выдавалъ за свою дочь. Въ Петербургѣ они только переночевали; въ Кенигсбергѣ, гдѣ Русская прислуга была смѣнена Нѣмецкою, они пробыли шесть недѣль. Послѣ столь же продолжительной остановки въ Берлинѣ, они отправились въ Лондонъ. Здѣсь жили долгое время, пока наконецъ Гали не былъ отозванъ въ Персію. Послѣ его отъѣзда она оставалась въ Лондонѣ еще 5 мѣсяцевъ, получивъ отъ своего баснословно богатаго покровителя значительную сумму денегъ, и какъ здѣсь, такъ и въ Парижѣ, гдѣ пробыла потомъ два года, называлась Принцессою Али.

---

139 Самозванка такимъ образомъ назначила годомъ своего рожденія 1752 годъ, такъ что путешествіе въ Россію было совершено будто въ 1761 году; она этѣмъ хотѣла, вѣроятно, внушить мысль, что пріѣхала въ Петербургъ немедленно по смерти Императрицы Елисаветы Петровны.

Въ столицѣ Франціи она вращалась въ кругу очень знатныхъ людей; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ она слышала, что ее считаютъ Русскою Княжною, дочерью Елисаветы Петровны, хотя она ихъ упорно увѣряла въ противномъ. Пріѣхавъ за тѣмъ въ Германію, чтобы пріобрѣсти поземельную собственность въ Гольштиніи, она познакомилась съ Герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейнскимъ, владѣтельнымъ Графомъ Лимбургскимъ. Такъ какъ онъ вскорѣ сталъ формально просить ея руки, то явилась необходимость положительно разъяснить тайну ея рожденія. Она думала было, съ помощью Гали, найти необходимые ей документы въ Россіи и представиться при этомъ случаѣ Императрицѣ, благосклонность и милость которой полагала снискать важными предположеніями касательно торговли съ Персіею, о чемъ еще прежде представила записку Русскому Вице-Канцлеру. За эту услугу она надѣялась получить отъ Императрицы фамилію и титулъ, которые сдѣлали бы ея достойною Герцога. Послѣдній совершенно одобрилъ ея намѣренія и уполномочилъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ вести переговоры касательно его притязаній на Шлезвигъ и Гольштейнъ. Но, именно въ то время, когда она уже собиралась ѣхать, планы этѣ были разстроены извѣстіемъ объ обмѣнѣ Герцогствъ на Ольденбургскія и Дельменгорстскія владѣнія. Это принудило ее отложить на время поѣздку и остаться въ Оберштейнѣ, гдѣ всѣ считали ее будущею супругой Герцога. Послѣдній нуждался въ значительной суммѣ денегъ, какъ для уплаты старыхъ долговъ, такъ и для пріобрѣтенія исключительнаго права собственности на Оберштейнъ. Она, подъ именемъ Графини Пиннебергъ, поѣхала въ Венецію, гдѣ надѣялась найти нужныя деньги, разсчитывая на кредитъ Гали. Съ этою же цѣлью она хотѣла послать оттуда вѣрнаго слугу въ Персію, и по этому просила Князя Радивила, сбиравшагося въ ту пору въ Константинополь, о свиданіи, чтобы устроить отправленіе слуги подъ его покровительствомъ. Радивилъ назначилъ для свиданія домъ одного Сенатора, и въ своемъ отвѣтѣ намекнулъ, что Принцесса можетъ быть весьма полезна для Польши. При разговорѣ открылось, что онъ, въ слѣдствіе слуховъ, дошедшихъ до него отъ сопровождавшихъ его Французскихъ Офицеровъ, считалъ ее дочерью Императрицы Елисаветы, что она, однако же, очень настойчиво отрицала. Найдя, что Радивилъ, при ограниченныхъ способностяхъ, исполненъ несбыточ-

ныхъ намѣреній, она хотѣла совершенно отъ него отдѣлаться. Но сестра его, узнавшая объ ея близкомъ знакомствѣ съ Востокомъ, послѣ долгихъ увѣщаній, упросила ее сопутствовать Радивилу до Константинополя, откуда ей легко будетъ достигнуть Персіи. Такимъ образомъ направились они черезъ Корфу, откуда сестра и дядя Радивила вернулись въ Дубровникъ. Изъ этого города она послала Чарномскаго въ Венецію достать денегъ и переговорить съ другомъ ея, Лордомъ Монтегю. Но заемъ, начатый стараніями послѣдняго, не состоялся, по тому что она не была въ состояніи заключить договоръ на предложенныхъ условіяхъ. Пока она ожидала въ Дубровникѣ Фирмана на проѣздъ, къ ней, 8 Іюля, было прислано безъимянное письмо изъ Венеціи, съ приложеніемъ двухъ запечатанныхъ конвертовъ. Въ письмѣ было сказано, что она можетъ спасти жизнь многихъ людей и сдѣлаться посредницею при заключеніи мира Турціи съ Россіею, если въ Константинополѣ согласится выдать себя за Принцессу Елисавету. Одинъ изъ конвертовъ она должна была передать лично Султану, другой же послать въ Ливорно Графу Орлову. Послѣдній конвертъ она распечатала, сняла копіи съ содержавшихся въ немъ бумагъ, которыя за своею печатью дѣйствительно и послала въ Ливорно. Бумаги, найденныя ею въ конвертѣ, назначенномъ Султану, убѣдили ее отложить поѣздку въ Константинополь. Когда пришло извѣстіе о заключеніи мира, она тщетно уговаривала Радивила возвратиться въ Польшу. Онъ отправился обратно въ Венецію, оставивъ ей для сопровожденія Дворянъ: Чарномскаго и Доманскаго, съ которыми она и поѣхала въ Италію. Изъ Рима она увѣдомила Князя Лимбургскаго о скоромъ своемъ возвращеніи въ Германію чрезъ Геную, гдѣ хотѣла покончить дѣло по займу. Между тѣмъ къ ней представился Адъютантъ Графа Орлова, Христинекъ, съ которымъ она, впрочемъ, сошлась только тогда, когда услыхала, что онъ пріѣхалъ съ порученіемъ отъ Графа. Получивъ отъ нея утвердительный отвѣтъ на вопросъ: она ли послала конвертъ съ бумагами Графу въ Ливорно? онъ сказалъ ей, что Орловъ непремѣнно желаетъ познакомиться съ нею поближе. Такъ какъ путь ея лежалъ черезъ Пизу, то она выѣхала изъ Рима, вмѣстѣ съ Христинкомъ, который въ послѣдствіи опередилъ ее, чтобы приготовить все къ ея принятію. Лишь только она пріѣхала подъ именемъ Графини Силинской въ Пизу, Графъ Орловъ немедленно

явился къ ней съ предложеніемъ своихъ услугъ. Въ слѣдствіе изъявленнаго ею желанія видѣть Ливорно, Графъ повезъ ее, съ обоими Поляками къ Англійскому Консулу, у котораго они обѣдали. Вставъ изъ за стола, они поѣхали на Русскій Адмиральскій корабль, о чемъ она сама просила Графа, чтобы полюбоваться морскими маневрами, которые и начались при сильной пальбѣ. Когда Графъ оставилъ ее на нѣкоторое время, какой-то Офицеръ объявилъ ей, что она арестована. Испуганная такою неожиданностію, она написала къ Орлову и просила объясненія, — онъ отвѣчалъ ей на Нѣмецкомъ языкѣ. Отвѣтъ этотъ она уже передала Князю Голицыну.

Къ этой повѣсти арестантка прибавила, что она никогда не намѣревалась выдавать себя за дочь Императрицы Елисаветы, хотя Гали и сообщалъ ей о таковомъ ея происхожденіи, и что никто ее къ тому и не побуждалъ. Во всякомъ случаѣ, она сама ни разу не упомянула объ этомъ, но признается, что когда Князь Лимбургскій, Радивилъ, или другіе говорили ей, что она напрасно скрываетъ свое происхожденіе, когда при этомъ ей приходили на память странныя обстоятельства ея дѣтства, она, дабы отдѣлаться отъ этѣхъ вопросовъ, быть можетъ, не разъ отвѣчала: «Почитайте меня за кого угодно, за дочь Султана, Шаха, хоть за Русскую Княжну, я ни чего не знаю о своемъ рожденіи.» Она должна же была что либо отвѣчать столь важнымъ лицамъ, часть которыхъ освѣдомлялась у нея объ этомъ даже письменно. Въ Венеціи слухи объ ея происхожденіи, не смотря на ея старанія подавить ихъ, скоро распространились, можетъ быть, по тому, что спутникъ ея, Гофмаршалъ Князя Лимбургскаго, Баронъ Кнорръ, не взирая на запрещеніе, величалъ ее всегда «Высочествомъ.» То же было и въ Дубровникѣ, гдѣ она положительно просила Сенатъ принять мѣры противъ распространенія молвы объ ея происхожденіи. Будучи спрошена относительно Манифестовъ, Завѣщанія и пр., она показала, что этѣ документы были ею найдены въ конвертахъ. Изъ Ливорно она послала этѣ бумаги съ тою цѣлію, чтобы узнать объ ихъ происхожденіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратить вниманіе Орлова на происки, которыя ведутся, вѣроятно, въ Россіи. Она готова присягнуть, что почеркъ, коимъ писаны сіи бумаги, ей не извѣстенъ, и что она объ нихъ ни чего болѣе не знаетъ, но признается,

что воспоминанія дѣтства, въ связи со всѣмъ, слышаннымъ ею въ послѣдствіи, часто наводили ее на мысль, что, может быть, она и есть лице, наименованное въ Завѣщаніи, а безъименное письмо— послѣдствіе какихъ либо политическихъ соображеній. Султану бумагъ она не послала, въ ожиданіи объясненія отъ Орлова. Подозрѣнія ея въ ихъ составленіи падали то на Парижскій Кабинетъ, то на Диванъ, даже на Россію. Возбужденное этѣми бумагами внутреннее волненіе причинило ей болѣзнь; въ послѣдствіи она разсталась съ мечтою и начала думать единственно о томъ, какъ бы достать денегъ и возвратиться въ Графство Оберштейнъ, которое Князь Лимбургскій обѣщалъ уступить ей въ пожизненное владѣніе. Она не уничтожала бумагъ, по тому что хотѣла ихъ показать ему. Изъ Дубровника къ Султану отъ имени Русской Княжны она рѣшительно ни чего не писала и не просила его о помощи. Въ свою жизнь ей много приходилось терпѣть, но въ силѣ духа и твердомъ уповании на Бога недостатка нѣтъ, совѣсть же не упрекаетъ ее ни въ чемъ преступномъ. Она надѣется на милость Государыни; ибо всегда чувствовала влеченіе къ Россіи и при всякомъ случаѣ старалась дѣйствовать въ ея пользу.

31-го Мая Князь Голицынъ послалъ показаніе арестантки къ Императрицѣ, донося при томъ, что, не смотря на всѣ его убѣжденія, не хочетъ перемѣнить въ немъ ни слова и постоянно твердитъ одно, что никогда не распространяла сама ложныхъ слуховъ о своемъ рожденіи, выдуманныхъ другими на ея горе. Послѣднія слова она даже повторила, когда ей указали на противорѣчащее сему показаніе Доманскаго. Такъ какъ она, однако жь, еще не можетъ считаться совершенно изобличенною, то онъ по этому не сдѣлалъ ни какихъ ограниченій въ пищѣ, ею получаемой, и оставилъ при ней служанку, по тому что сторожей она не понимаетъ. Кромѣ того, она очень больна; Докторъ даже находитъ жизнь ея въ опасности, такъ какъ у нея часто подымается сухой кашель съ кровью. По его мнѣнію, Поляки, сопутствовавшіе Самозванкѣ, ни болѣе, ни менѣе, какъ бродяги, пріютившіеся къ ней въ надеждѣ хорошо устроить свою будущность; изъ распросовъ же прислуги онъ узналъ только одно обстоятельство, что они ее дѣйствительно принимали за Принцессу. Самозванка 1-го Іюня писала къ Князю Голицыну, что она ни въ чемъ

не чувствуетъ себя виновною противъ Россіи; иначе не поѣхала бы съ Орловымъ на корабль, и просила его передать Императрицѣ приложенное письмо, подъ которымъ, такъ какъ и подъ прежнимъ, подписалась «Елисаветою,» и въ которомъ ходатайствовала о назначеніи ей пріема, чтобы разъяснить всѣ недоразумѣнія и сообщить какія-то очень важныя для Россіи свѣдѣнія.

7-го Іюня Императрица, въ отвѣтѣ своемъ, поручила Князю передать плѣнницѣ, что она можетъ облегчить свою участь только одною безусловною откровенностію, а также совершеннымъ отказомъ отъ разыгрываемой ею доселѣ безумной комедіи, въ продолженіе которой она вторично осмѣлилась подписаться «Елисаветою». Кромѣ того, Императрица предписала Голицыну принять въ отношеніи къ Самозванкѣ надлежащія мѣры строгости, чтобы наконецъ ее образумить, по тому что наглость послѣдняго ея письма уже выходитъ изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ.

Голицынъ, по полученіи этого предписанія, велѣлъ тотчасъ же объявить плѣнницѣ, что, въ случаѣ упорства ея во лжи, онъ употребитъ крайніе способы для узнанія самыхъ тайныхъ ея мыслей. Но она снова клялась, что показала лишь сущую правду. Твердость, съ которою она отстаивала истину своего показанія, заставила посланнаго къ ней Голицинымъ, какъ должно предполагать, Ушакова, усомниться, дѣйствительно ли сказанное ею ложь? Когда Голицынъ на другой день самъ зашелъ къ ней и увѣщевалъ ее сказать правду, подавая надежду на помилованіе, въ случаѣ искренняго съ ея стороны раскаянія, то она не отказалась ни отъ одного изъ своихъ прежнихъ показаній. Она клялась вѣчною мукою, что не знаетъ того, кто прислалъ ей бумаги. Проступокъ ея, говорила она, состоитъ только въ томъ, что она, отправивъ одну часть этѣхъ бумагъ, сохранила другую и не уничтожила ея тотчасъ же; но въ то время она ни сколько не подозрѣвала, чтобы это упущеніе могло ее поставить въ такое несчастное положеніе. Умоляла Императрицу милосердно простить ей эту ошибку и обѣщала хранить объ этомъ дѣлѣ вѣчное молчаніе, если отправятъ ее за границу. Голицынъ, заключивъ изъ такого упрямства плѣнницы, что она ошибочно поняла первоначальную его снисходительность, немедленно велѣлъ разлучить ее съ прислужницею, отобрать у нея все, за исключеніемъ постели и са-

маго необходимаго платья, и доставлять ей пищу въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для поддержанія жизни. Офицеръ и двое солдатъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ въ состояніи ее понимать, съ этѣхъ поръ поставлены были въ ея комнатѣ, съ тою цѣлью, дабы заставить ее думать, что теперь будутъ употреблены строгія мѣры.

Плѣнница неутѣшно плакала два дня сряду, отказывалась отъ всякой пищи и, какъ казалось, совершенно упала духомъ. Наконенъ, она знаками показала, что хочетъ писать и назвала фамилію Голицына. Князь, котораго объ этомъ извѣстили, велѣлъ дать ей письменная принадлежности, и вскорѣ послѣ того получилъ письмо. Въ немъ [140] она горько жаловалась, какъ на обвиненія, взведенныя на нее, такъ и на то, что не хотятъ обратить ни какого вниманія на обстоятельства, доказывающія ея невинность; не хотятъ признать того, что она не увлеклась доставленными ей безъ подписи бумагами: ибо, въ противномъ случаѣ, никогда не возвратилась бы въ Европу. [141] Созналась въ томъ, что было еще множество другихъ бумагъ, изъ коихъ большая часть сожжена ею, прочія же собственноручно переписаны. Повторяя уже сказанное ею прежде о причинахъ ея путешествія въ Венецію и Дубровникъ, она въ случаѣ, если бы все еще продолжали ей не вѣрить, вызывалась наименовать нѣкоторыя знатныя лица, у которыхъ не трудно собрать о ней свѣдѣнія. Все это легко можетъ быть исправлено: стоитъ только объявить, что ее приняли за другую, въ такомъ случаѣ она готова спокойно возвратиться въ Оберштейнъ. Въ заключеніе письма Самозванка просила Голицына быть милосердымъ и не вѣрить выдумкамъ тѣхъ лицъ, корыстолюбіе которыхъ она не могла удовлетворить, или которымъ осталась должна самую бездѣлицу. Никого такъ часто не обманывали, какъ ее, благодаря ея легковѣрію и оказываемой людямъ довѣренности. Ей не понятно, какъ можно было вѣрить такъ безусловно злонамѣреннымъ слухамъ, бреднямъ и письмамъ безтолковыхъ людей. Быть можетъ, въ числѣ ея бумагъ найдется еще

---

140 Это письмо плѣнницы, также какъ и слѣдующія, писаны на весьма плохомъ Французскомъ языкѣ.

141 Европа противополагается здѣсь Востоку, со включеніемъ Дубровника и Россіи.

письмо отъ Контролера Финансовъ Де Марина, [142] писавшаго ей о шестидесятитысячномъ войскѣ, которымъ она будто бы командовала. Подобные слухи распущены были въ Дубровникѣ Французскими Офицерами, выдававшими ее то за дочь Султана, то за сестру несчастнаго Іоанна и даже за Козачку. Если ея пріятели узнаютъ о настоящемъ ея положеніи, то она навсегда лишится чести и добраго имени. Къ чему же губить ее совершенно, когда ея здоровье, имѣніе, быть можетъ, и положеніе у Князя Лимбургскаго уже утрачены на всегда? Какія, наконецъ, причины могли побудить ее предпринять что либо противъ націи, которой она не знаетъ и съ которой не имѣла ни какихъ сношеній? Если бы даже весь свѣтъ былъ увѣренъ въ томъ, что она дочь Елисаветы, то все таки настоящее положеніе дѣлъ таково, что оно не можетъ быть ею измѣнено. Наконецъ, она считаетъ себя вынужденною еще разъ умолять Князя Голицына сжалиться надъ нею и несчастными, погубленными ея виною.

Голицынъ, по прочтеніи этого письма, снова зашелъ къ ней въ темницу. На вопросъ его: «Какія бумаги были препровождены безъ подписи въ Дубровникъ, сверхъ Духовныхъ Завѣщаній, Манифестовъ и т. п.?» плѣнница отвѣтила, что были посланы еще два письма къ Графу Панину и Вице-Канцлеру, въ которыхъ просили ихъ оказать Принцессѣ Елисаветѣ возможную, смотря по обстоятельствамъ, помощь. [143] Въ числѣ лицъ, у которыхъ можно было бы собрать о ней свѣдѣнія, она назвала Князя Лимбургскаго, Министра Барона Горнштейна, Контролера Финансовъ Де Марина въ Оберштейнѣ, Литовскаго Маршала Огинскаго, Французскаго Генерала Барона Вейдбрехта и Министра Полиціи Сартина. На всѣ же увѣщанія Голицына открыть истину, она возразила, что и самыя страшныя мученія, даже смерть, не заставятъ ее отказаться отъ чего либо изъ перваго ея показанія. Тогда Князь объявилъ Самозванкѣ, что, при такомъ упрямствѣ, ей нечего болѣе разсчитывать на помилованіе; онъ велѣлъ допустить къ ней опять Франциску и строго смотрѣть за тѣмъ, чтобъ плѣнница съ от-

---

[142] Оно дѣйствительно при Дѣлѣ и выше сего уже приведено.

[143] Объ этѣхъ двухъ письмахъ упомянуто выше.

чаянія не наложила на себя рукъ. Подробное о семъ донесеніе было имъ, 18-го Іюня, отправлено къ Императрицѣ.

Императрица, 29-го Іюня, изъ Москвы предписала Голицыну объявить Самозванкѣ, о которой упоминаетъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что Государыня никогда не приметъ ее, такъ какъ Ея Величеству вполнѣ извѣстны крайняя ея безнравственность и преступные замыслы, равно какъ и попытки присвоить себѣ чужія имена и титулы, и что если она все еще будетъ продолжать упорствовать въ безстыдной лжи, то ее непремѣнно предадутъ строгому суду. Прочимъ же плѣннымъ Голицынъ долженъ былъ объявить, что изъ ихъ показаній ясно обнаружилось, что они знали не только замыслы Самозванки, но и зачинщиковъ. Уже одно то обстоятельство, что они остались при ней изъ за какихъ-то воображаемыхъ разсчетовъ тогда, когда признавали ее Самозванкою, дѣлаетъ ихъ соучастниками ея преступленія, и что лишь откровенное признаніе можетъ освободить ихъ отъ всей тяжести заслуженнаго наказанія. Относительно главной плѣнницы Императрица прибавляла, что Грейгъ по произношенію считалъ ее за Польку, и по тому Имптратрица поручала Голицыну имѣть это обстоятельство въ виду. Онъ долженъ былъ представить Самозванкѣ приложенныя доказательныя статьи, составленныя какъ изъ собственныхъ ея словъ, такъ и изъ показаній лицъ, ее сопровождавшихъ и заключенныхъ вмѣстѣ съ нею въ крѣпость. Означенныя статьи, писала Государыня, совершенно уничтожатъ всѣ ея ложныя выдумки.

Этѣхъ доказательныхъ статей двадцат. Онѣ составлены довольно искусно и по видимому самою Императрицею, или же подъ непосредственнымъ ея руководствомъ, судя по господствующему въ нихъ тону и по отзывамъ о нихъ Голицына.

При доказательныхъ статьхъ, высланныхъ изъ Москвы, приложены были переводы на Русскій языкъ писемъ къ Султану, Орлову и др.

Голицынъ, получивъ упомянутыя статьи съ приложеніями и изучивъ ихъ основательно, опять поѣхалъ въ крѣпость для объявленія плѣннымъ воли Императрицы. Прежде всѣхъ онъ зашелъ

къ Самозванкѣ. Съ большою подробностію проходилъ онъ одну доказательную статью за другою, указывая при этомъ на большое сходство, встрѣчающееся въ слогѣ и даже въ цѣлыхъ выраженіяхъ между послѣднею запискою ея къ нему и письмами къ Султану и неизвѣстному Министру (Горнштейну, отъ 10 Іюля). Онъ старался убѣдить ее до очевидности, что одно изъ писемъ къ Султану написано до заключенія мира, а другое послѣ заключенія онаго, и что по этому они ни какъ не могли быть ей доставлены въ одно и то же время. [144] Точно также письмо къ неизвѣстному Министру, которое заключаетъ въ себѣ подробности, лишь ей одной извѣстныя, не могло быть написано ни кѣмъ, кромѣ ея самой. [145] Но и доказательныя статьи, и доводы, приведенные Голицынымъ, ни мало не подѣйствовали на эту наглую лгунью, какъ называетъ онъ ее въ своемъ донесеніи, отъ 13-го Іюля; она не переставала увѣрять, что первое ея показаніе вѣрно отъ начала до конца. Отъ нея Князь зашелъ къ Доманскому и спросилъ его: «Осмѣлится ли онъ уличить Самозванку на очной съ нею ставкѣ въ томъ, что она сама при немъ выдавала себя за дочь Императрицы Елисаветы?» [146] Доманскій рѣшительно отрекся отъ такого показанія, говоря, что онъ его никогда не давалъ. Онъ даже стоялъ на этомъ и тогда, когда грозили ему за таковую ложь строгимъ наказаніемъ. Отсюда Голицынъ отправился къ Чарномскому, который на вопросъ: «Не передавалъ ли ему Доманскій словъ Принцессы, что она дочь Императрицы Елисаветы?» тотчасъ въ томъ сознался, и на очной ставкѣ съ Доманскимъ уличилъ его, присовокупивъ, что онъ говорилъ ему объ этомъ во время переѣзда моремъ изъ Дубровника въ Барлетту. Сначала Доманскій продолжалъ запираться въ справедливости показанія Чарномскаго; наконецъ онъ изъявилъ готовость повторить слова свои въ присутствіи плѣнницы, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, умолялъ простить ему первое его запирательство, къ которому его побудило сожалѣніе къ плѣнницѣ. Эту женщину онъ все еще любитъ безъ памяти, и ежели бы ее выдали за него безъ всякаго приданаго, то онъ все таки считалъ бы себя са-

---

[144] Въ доказательныхъ статьяхъ не упоминается объ этомъ важномъ обстоятельствѣ.

[145] И объ этомъ не говорится въ доказательныхъ статьяхъ.

[146] Обстоятельство это также пропущено въ доказательныхъ статьяхъ.

мымъ счастливымъ смертнымъ. Послѣ этого онъ былъ приведенъ на очную ставку съ Самозванкою, при чемъ разговоръ шелъ на Итальянскомъ языкѣ. Доманскій повторилъ свои слова и просилъ у Самозванки прощенія въ томъ, что былъ принужденъ на нее показать по совѣсти. Она же отвѣчала, что никогда серьёзно ничего подобнаго не говорила и рѣшительно ни какихъ мѣръ не принимала для распространенія слуха, будто она дочь—Императрицы Елисаветы. Впрочемъ, очень легко могло быть, прибавила она, что шутя, дала однажды отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, дабы отдѣлаться отъ безпрестанныхъ и несносныхъ вопросовъ Доманскаго.

Показаніе Доманскаго, будто онъ отъ самаго Радивила слышалъ, что Самозванка сему послѣднему вручила письмо на имя Султана для отправленія къ Косаковскому, [147] хотя и подтверждалось сохранившимся противнемъ съ этого письма, но не могло служить поводомъ къ очной ставкѣ, по тому что Доманскій узналъ объ этомъ обстоятельствѣ не отъ самой Самозванки, а отъ Радивила. Впрочемъ, Голицынъ, по выходѣ Доманскаго, спросилъ арестантку: «Посылала ли она Косаковскому письмо чрезъ посредство Радивила?» Она помолчала нѣсколько времени, какъ бы припоминая, за тѣмъ рѣшительно отъ сего отперлась. Только изъ Венеціи, по ея словамъ, она писала купцу Мелину въ Константинополь о пересылкѣ писемъ въ Персію къ Гамету, которому поручала отыскать для себя домъ, и къ Гали, отъ котораго требовала 100,000 гульденовъ на расходы при вступленіи въ бракъ съ Княземъ Лимбургскимъ. На замѣчаніе Голицына, что сумма, которую она потребовала отъ Гали, нѣсколько баснословна, она отвѣчала, что сравнительно съ богатствомъ Гали, послѣ котораго она наслѣдница, это сущая бездѣлица. При этомъ Князь напомнилъ ей, что она заявляла о своемъ знаніи Персидскаго и Арабскаго языковъ; въ слѣдствіе сего она немедленно написала продиктованную фразу буквами, выдаваемыми ею за Персидскія и Арабскія. Но свѣдущіе люди, которымъ на другой день показали написанное ею, увѣряли, что письмена имъ совершенно незнакомы и во всякомъ случаѣ не Персидскія и не Арабскія. Сообщеніемъ этого мнѣнія Голицынъ думалъ было смутить наконецъ арестантку, но

---

[147] Также пропущенное въ доказательныхъ статьяхъ.

она отвѣтила, что, вѣроятно, люди, имъ спрошенные, ни чего не смыслятъ въ обоихъ языкахъ.

13-го Іюля Князь Голицынъ, увѣдомляя Императрицу обо всѣхъ, сдѣланныхъ имъ, допросахъ, донесъ, что до сихъ поръ ни что не въ состояніи заставить арестантку раскаяться, даже безнадежное состояніе ея здоровья; ибо Докторъ полагаетъ, что, при продолжающихся кашлѣ, лихорадкѣ и кровохарканіи, жить ей остается не долго. Дѣйствовать на ея чувство чести, или на стыдъ, совершенно безполезно; однимъ словомъ, отъ этого безсовѣстнаго созданія ни чего не остается ожидать. При естественной быстротѣ ея ума, при обширныхъ по нѣкоторымъ отраслямъ свѣдѣніяхъ, наконецъ при привлекательной и вмѣстѣ повелительной наружности, нѣтъ ни чего удивительнаго, что она возбуждала въ людяхъ довѣріе и благоговѣніе къ себѣ. За Польку онъ ее не можетъ признать какъ по тому, что она слишкомъ хорошо говоритъ по Французски и по Нѣмецки, такъ и по тому, что находившіеся при ней Поляки разсказывали, что она только въ Дубровникѣ заучила нѣсколько Польскихъ словъ, [148] языка же вовсе не знаетъ.

По истеченіи восьми дней арестантка увѣдомила Князя, что чувствуетъ себя близкою къ смерти и, вѣроятно, проживетъ только нѣсколько дней, по чему проситъ дать ей письменныя принадлежности для составленія окончательнаго показанія. Голицынъ, хотя и мало вѣрилъ ея словамъ, но полагалъ, однако же, что на этотъ разъ не слѣдуетъ отказывать, по тому что ожиданіе смерти, можетъ быть, возбудитъ въ ней искры раскаянія. 24-го Іюля она отослала къ нему длинную записку, съ приложеніемъ писемъ къ нему и къ Императрицѣ. Оказалось, что надежда на откровенное сознаніе плѣнницы и на этотъ разъ была обманута. Записка и письма содержали въ себѣ прежнія показанія касательно посланныхъ Орлову бумагъ, и жалобы на суровое съ нею обхожденіе, въ которыхъ выражается вопль отчаянія. Она видитъ въ себѣ жертву неизвѣстныхъ ей интригантовъ, воспользовавшихся ея намѣреніемъ отправиться въ Константинополь. Требовали, писала она, непремѣнно свѣдѣній объ ея происхожденіи. Но самый фактъ

[148] Между ея бумагами найдены листки съ Польскими словами.

рожденія еще не заключаетъ въ себѣ ни какого преступленія. Если же изъ него хотятъ сдѣлать преступленіе, то слѣдовало бы собрать доказательства объ ея происхожденіи, о которомъ она и сама ни чего не знаетъ. Слова, сказанныя въ минуту веселости, въ видѣ шутки, не могутъ служить обвиненіемъ. Она не требуетъ ни чего, кромѣ свободы, готова немедленно отправиться въ Оберштейнъ и обо всемъ настоящемъ сохранить глубокую тайну, что весьма удобно сдѣлать, ибо на кораблѣ ее принимали за Польскую госпожу. Князю за ходатайство она обѣщала вѣчную свою благодарность и благодарность многочисленныхъ ея друзей. Вмѣсто того, чтобы предъявить ей опредѣлительныя сомнѣнія въ истинѣ ея показаній, ей все твердятъ въ общихъ выраженіяхъ, что подозрѣваютъ ее, но въ чемъ и по чему не говорятъ, такъ что ей рѣшительно не возможно защищаться противъ такихъ голословныхъ обвиненій. Если останутся при этой системѣ, то она должна будетъ умереть въ темницѣ, такъ какъ подобное положеніе, при совершенно разстроенномъ здоровьѣ, не выносимо и можетъ быть сравнено только съ казнью медленнымъ огнемъ. Ее спрашивали также, какой она Религіи, но Вѣра, которую она исповѣдуетъ, не касается Россіи. Чтобы выйти замужъ за Князя Лимбургскаго, она должна сдѣлаться Католичкою, и это исполнить ей будетъ тѣмъ легче, что доселѣ она никогда еще не исповѣдывалась.

Между тѣмъ какъ Князь Голицынъ послалъ 25-го Іюля донесеніе Императрицѣ о полученномъ имъ письмѣ отъ Самозванки, Ея Величество, отъ 24 того же мѣсяца, писала ему, чтобы онъ удостовѣрился въ томъ, дѣйствительно ли арестантка опасно больна и, въ случаѣ видимой опасности, узналъ, къ какому Исповѣданію она принадлежитъ, и убѣдилъ ее въ необходимости причаститься передъ смертію. Если она потребуетъ Священника, то прислать ей Духовника, которому дать наказъ, чтобы онъ довелъ ее увѣщаніями къ раскрытію истины; о послѣдующемъ же немедленно донести съ курьеромъ. Генералъ-Прокуроръ Князь Вяземскій, препровождая это именное повелѣніе, прибавилъ отъ себя, чтобы Священнику предварительно, подъ страхомъ смертной казни, приказано было хранить молчаніе обо всемъ, что онъ услышитъ, увидитъ, или узнаетъ. Вторымъ предписаніемъ, отъ 25-го

Іюля, Императрица приказывала Князю Голицыну, не допрашивать болѣе распутную лгунью и объявить ей, что, за свое упорство и безстыдство, она осуждается на вѣчное заключеніе. Доманскому велѣно было въ то же время передать, что если онъ подробно разскажетъ все, что знаетъ о происхожденіи, имени и прежней жизни Самозванки, то будетъ обвѣнчанъ съ нею и имъ обоимъ будетъ дозволено возвратиться въ отечество. При согласіи его на это предложеніе, слѣдуетъ стараться склонить и ее, по чему Доманскому и дозволить самому переговорить о томъ съ нею. При ея согласіи на предложеніе, бракосочетаніе совершить немедленно, чѣмъ и положится конецъ всѣмъ прежнимъ обманамъ. Если же арестантка не захочетъ о томъ слышать, то велѣно было сказать ей, что она, въ случаѣ открытія своего происхожденія, тотчасъ же получитъ возможность снова возстановить свои сношенія съ Княземъ Лимбургскимъ. Послѣднее предложеніе, писалъ Генералъ-Прокуроръ, отъ 25-го Іюля, должно быть сдѣлано Княземъ Голицынымъ отъ своего собственнаго имени. Въ другомъ письмѣ, отъ 26-го Іюля, Князь Вяземскій сообщилъ Голицыну, что Англійскій Посланникъ увѣрялъ Императрицу, будто арестантка — дочь Пражскаго трактирщика, и по тому совѣтуетъ послать къ ней Протестантскаго Пастора, которому, можетъ быть, удастся вывѣдать истину.

Получивъ предписанія 24 и 25 Іюля, Князь Голицынъ отправился въ крѣпость, гдѣ собственными глазами убѣдился, что Самозванка находится въ самомъ опасномъ положеніи, страдая душевно и тѣлесно. Онъ спросилъ ее, не желаетъ ли она видѣть Священника, чтобы приготовиться къ смерти? она попросила прислать къ ней Православнаго Духовника. Князь немедленно приказалъ найти Священника, знающаго Французскій, или Нѣмецкій, языкъ. Въ то время, когда таковый былъ найденъ, Князь получилъ отъ Генералъ-Прокурора письмо 26-го Іюля, побудившее его сдѣлать еще попытку. 1-го Августа онъ отправился къ арестанткѣ и уговаривалъ ее признаться во всемъ, по тому что онъ теперь узналъ объ ея происхожденіи. Сначала она, видимо, колебалась, но потомъ тономъ, внушавшимъ истинное довѣріе, сказала, что хорошо узнала и оцѣнила его, Голицына, вполнѣ надѣется на его доброе сердце и состраданіе къ ея положенію, и по тому откроетъ ему всю истину, если онъ обѣщаетъ хранить ее въ тайнѣ-

Впрочемъ, просила, чтобы ей дано было два дня времени, потому что она можетъ рѣшиться лишь на письменное признаніе. Сильно тронутый, Голицынъ думалъ, что арестантка дѣйствительно желаетъ все открыть, и по тому далъ ей двухдневный срокъ и нужные письменные припасы. 2-го Августа узналъ онъ, что, въ слѣдствіе бывшаго съ нею сильнаго болѣзненнаго припадка, она не можетъ ни говорить, ни писать. Только 6-го Самозванка почувствовала нѣкоторое облегченіе и поручила Доктору сказать Князю, что надѣется кончить обѣщанное письмо къ 8-му числу. Голицынъ немедленно увѣдомилъ о томъ Государыню, прибавляя, что письмо покажетъ, нужно ли прибѣгать къ помощи Священника.

9-го Августа Голицынъ получилъ обѣщанное признаніе при запискѣ, въ которой арестантка настоятельно умоляля его умилосердиться надъ ея положеніемъ. Днемъ и ночью въ ея комнатѣ мужчины, съ которыми она даже не можетъ и объясняться. Здоровье ея разстроено, положеніе невыносимо. Лучше она пойдетъ въ монастырь, чѣмъ долѣе терпѣть такое обхожденіе. Пусть онъ позволитъ ей написать своимъ друзьямъ, чтобы они сообщили всѣ нужныя о ней свѣдѣнія. Наконецъ, просила передать Государынѣ приложенное письмо, въ которомъ она тоже просила о помилованіи. Обхожденіе съ нею заставляетъ содрогаться отъ ужаса женскую ея натуру. Близкая къ смерти, она умоляетъ на колѣняхъ, чтобы Императрица сама прочла записку, поданную Голицыну, и убѣдилась въ ея невинности.

Записка эта начинается повтореніемъ прежде сказаннаго о причинахъ путешествія въ Дубровникъ и о томъ, какъ она получила тамъ Завѣщаніе, письма къ Султану, Орлову и другимъ неизвѣстнымъ ей лицамъ. Сначала она хотѣла всѣ этѣ бумаги послать Графу Орлову, не зная другого пути для посылки ихъ къ Императрицѣ, но, изъ боязни привлечь на почтѣ вниманіе огромнымъ пакетомъ, сперва послала только конвертъ, адресованный на имя Орлова, безъ препроводительнаго письма, предвидя непріятности въ случаѣ, если бы тутъ же нашли письмо отъ нея. Изъ этой же боязни таинственныхъ интригъ, она оставила мысль о путешествіи на Востокъ, сожгла подлинныя бумаги, снявъ противни съ важнѣйшихъ изъ нихъ, для пересылки ихъ въ послѣдствіи Орлову, а

за тѣмъ поѣхала въ Римъ. Этѣ противни она считала не опасными, но потомъ случились съ нею непредвидимыя обстоятельства, прежде чѣмъ она успѣла переговорить о томъ съ Графомъ. Точно также ей стало невозможнымъ передать ему что либо о порученіяхъ, возложенныхъ на нее изъ Персіи. За тѣмъ слѣдуетъ длинный разсказъ о томъ, что она — Черкешенка, изъ древняго рода Гамета, оставившая Персію съ намѣреніемъ пріобрѣсти, при посредствѣ Русскаго вліянія, полосу земли при Терекѣ. Здѣсь она намѣрена была посѣять первыя сѣмена образованности, пригласивъ Французскихъ и Нѣмецкихъ поселенцевъ, и основать такимъ образомъ небольшое пограничное Государство подъ Русскимъ верховнымъ владычествомъ, которое послужило бы связью Россіи съ Востокомъ и оплотомъ противъ дикихъ Горцевъ. Князь Лимбургскій явился какъ бы посланнымъ ей отъ Бога для осуществленія этѣхъ плановъ, ибо онъ даже соглашался уступить собственныя земли младшему брату, чтобы основать вмѣстѣ съ нею новое Государство на Кавказѣ. Черезъ посредство Орлова она надѣялась получить согласіе Государыни, и питала еще этѣ надежды во время пути изъ Ливорно въ С.-Петербургъ. Какъ могла она думать, что ее будутъ обвинять въ преступленіи противъ Императрицы, ее, довѣрчиво послѣдовавшую за однимъ изъ наіболѣе преданныхъ Ея Величеству полководцевъ, на Русскій Адмиральскій корабль? Послѣ этого возможно ли предполагать, чтобы она питала какіе либо злые умыслы противъ Россіи? Она знаетъ, что находится совершенно во власти Государыни: смерть ея скоро послужитъ тому доказательствомъ. Если бы ее не арестовали въ Ливорно, то, при многочисленныхъ ея связяхъ, ей давно удалось бы найти истиннаго сочинителя этѣхъ Завѣщаній, Манифестовъ и т. п. Теперь же она погибнетъ жертвою чужого корыстолюбія и хитрости. Только послѣ смерти ея откроется истина и обнаружится ея невинность. Никто не хотѣлъ обратить вниманіе даже на то, что она была лично извѣстна въ Лондонѣ, Парижѣ и Германіи гораздо ранѣе безумныхъ толковъ объ ея Русскомъ происхожденіи. Она проситъ позволенія, по крайней мѣрѣ, написать своимъ друзьямъ, поручившимъ ей самыя важныя дѣла и не знающимъ теперь даже, гдѣ она; письма, прибавляла она, могутъ быть прочитаны предъ отправленіемъ. О попыткахъ къ бѣгству она и не думаетъ: это запрещаетъ ей честь. Ей кажет-

ся, что можно было бы обращаться съ нею, кто бы она ни была, съ большею милостію и съ человѣколюбіемъ. Ложное честолюбіе ее никогда не увлекало, по тому что ей и большой свѣтъ и простой народъ слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы гоняться за призраами. Въ жизни она не рѣдко страдала и убѣждена, что возможное счастіе заключается въ спокойствіи совѣсти, которое никто отнять у нея не можетъ. Конечно, о ней часто судили ложно, и теперь еще упрекаютъ въ хитрости и обманахъ. Но какъ соединить съ этѣмъ то, что она слѣпо отдалась Орлову? Послѣдній ввергнулъ ее въ погибель, но она прощаетъ ему чистосердечно, по тому что сама не сдѣлала ему ни какого зла. Если дѣло кончится ея освобожденіемъ, то она обѣщаетъ никогда и ни кому не мстить. Впрочемъ, отдается вполнѣ на волю Государыни. Круглая сирота, одна въ чужой сторонѣ, беззащитная противъ враждебныхъ обвиненій, она уповаетъ только на Бога, который одинъ еще ее не покинулъ. Но тѣмъ не менѣе она продолжаетъ все еще надѣяться на свою правоту, на великодушное сердце Государыни, если только правда доходитъ до нея.

Голицынъ, совершенно обманутый въ своихъ надеждахъ, отправился къ арестанткѣ и строго упрекалъ ее за явную ложь въ новомъ показаніи. Она, напротивъ, клялась, что все, ею написанное, сущая правда. При этомъ упомянула, что должна держаться Римско-Католической Вѣры, обѣщавъ это мужу своему, Князю Лимбургскому, хотя она еще и не причащалась по обряду этого Исповѣданія. Голицынъ, вспомнившій показаніе Францискн Мешеде, что госпожа ея ходила въ Католическую церковь, но не причащалась, спросилъ у арестантки, по чему она сначала желала имѣть Православнаго Священника? Она отвѣчала, что въ ея отчаянномъ положеніи часто не имѣетъ полнаго сознанія того, что говоритъ. Когда Князь сказалъ, что не пришлетъ къ ней ни Православнаго, ни Католическаго, Священника, то она отвѣтила, что они для нея и не нужны. За тѣмъ онъ спросилъ, по чему она ему ранѣе не сказала, что уже находится замужемъ за Княземъ Лимбургскимъ, и обвѣнчана ли она съ нимъ по церковному чину, или считаетъ себя его женою по другимъ причинамъ? Она отвѣчала, что Священника не призывали, но что Князь Лимбургскій далъ ей торжественное обѣщаніе жениться на ней и, въ видѣ залога въ томъ, совершилъ

запись на отдачу ей въ пожизненное владѣніе Графства Оберштейнъ. Впрочемъ, онъ столь же мало знаетъ, какъ и она, кто ея родители. Она помнитъ, однако же, какъ старая нянька ея, Катерина, увѣряла ее, что о томъ знаютъ учитель ариѳметики Шмидтъ и Маршалъ Лордъ Кейтъ, братъ котораго прежде служилъ въ Русской арміи противъ Турокъ. Этого Кейта она видѣла только однажды, мелькомъ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, куда ее въ дѣтствѣ на короткое время возили изъ Киля. Отъ него-то она получила пашпортъ на обратный путь. Она помнитъ, что онъ держалъ у себя Турчанку, присланную ему братомъ изъ Очакова, или съ Кавказа. Эта Турчанка воспитала нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ съ нею плѣненныхъ, которыя жили при ней еще и въ то время, когда, по смерти Кейта, она, арестантка, видѣла ее проѣздомъ чрезъ Берлинъ. Хотя она знаетъ навѣрное, что сама не изъ числа этѣхъ дѣвочекъ, но легко можетъ быть, что родилась въ Черкесіи. Эту новую басню она заключила просьбой написать къ ея друзьямъ, чтобы они постарались отыскать свѣдѣнія объ ея рожденіи. Голицынъ сказалъ, что такая переписка совершенно безполезна; что объ этомъ никто лучше ея знать не можетъ; что, кромѣ того, онъ имѣетъ явныя доказательства въ томъ, что она дочь—Пражскаго трактирщика, въ чемъ ей и совѣтуетъ немедленно признаться. Она отвѣчала съ сильнѣйшимъ негодованіемъ, что никогда не бывала въ Прагѣ и готова выцарапать глаза тому, кто осмѣлился приписать ей такое происхожденіе. Князь навелъ потомъ разговоръ на Доманскаго, который въ это же утро объявилъ ему, что готовъ письменно обѣщать не выходить изъ темницы, если только за него отдадутъ арестантку, но что новыхъ о ней показаній дать не можетъ. Самозванка приняла съ насмѣшкой предложеніе выйти замужъ за Доманскаго, говоря, что онъ жалкій малый и не знаетъ ни одного языка, и что она по этому обращалась съ нимъ и съ Чарномскимъ соотвѣтственно степени ихъ образованія. Такъ какъ съ этой стороны дѣйствовать на нее оказалось не возможнымъ, тѣмъ болѣе, что она объявила себя связанною неразрывно съ Княземъ Лимбургскимъ, то Голицынъ обѣщалъ ей, въ случаѣ, если она откроетъ свое происхожденіе, ходатайствовать у Императрицы объ отсылкѣ ея къ Князю въ Оберштейнъ. Но и это было напрасно. Или она не вѣрил обѣщанію, или видѣла близкую смерть и скорый конецъ

разыгрываемой ею роли, а, можетъ быть, и боялась представиться старымъ друзьямъ своимъ послѣ такого посрамленія. Она увѣряла, что обѣщаніе Голицына животворно для ея угнетеннаго сердца, но что она не можетъ ни чего прибавить къ тому, что уже сказано ею. Между тѣмъ она написала, въ его присутствіи, еще записку, въ которой сообщила, что на 6 году ее посылали въ Сіонъ въ Швейцарію, потомъ снова возвратили въ Киль чрезъ область, управляемую Кейтомъ. О тайнѣ ея рожденія зналъ еще нѣкто Шмидтъ, дававшій ей уроки. Изъ дѣтства она еще помнитъ о какомъ-то Баронѣ Фонъ Штернѣ и его женѣ, и Гданскомъ купцѣ Шуманнѣ, платившемъ въ Килѣ за ея содержаніе. Ее постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были ея родители; впрочемъ, она мало и заботилась знать это, не ожидая отъ того ни какой пользы. Голицынъ, убѣжденный, что съ нею всякій трудъ напрасенъ, удалился, сказавъ ей, что она, какъ не раскаявшаяся преступница, приговорена къ вѣчному заключенію.

12-го Августа Князь съ огорченіемъ донесъ Императрицѣ объ этомъ безстыдномъ упорствѣ во лжи, прибавляя, что всѣ старанія арестантки истолковать въ свою пользу дѣло о найденныхъ у нея Завѣщаніяхъ и т. п. опровергаются вполнѣ тѣмъ, что бумаги этѣ написаны собственною ея рукою. Изъ показаній арестантки ясно только одно, что она безстыдна, безсовѣстна, лжива и зла до крайности. Его старанія остались совершенно напрасными. Ни что не подѣйствовало на нее: ни увѣщанія, ни строгость, ни ограниченія въ пищѣ, одеждѣ и вообще въ потребностяхъ жизни, ни разлученіе съ служанкою, ни постоянное, наконецъ, присутствіе караульныхъ въ ея комнатѣ. Впрочемъ, можетъ быть, этѣ мѣры со временемъ и будутъ въ состояніи довести ее до признанія, такъ какъ совершенное лишеніе надежды на освобожденіе, вѣроятно, не останется безъ вліянія.

Въ этомъ положеніи Самозванка оставалась весь Августъ и Сентябрь. Во второй половинѣ Октября она стала постепенно слабѣть, болѣзненные припадки возвращались все чаще Докторъ увѣдомилъ о томъ Голицына, прибавивъ, что, по его мнѣнію, конецъ быстро приближается. Болѣзнь болѣе и болѣе усиливалась. 30-го Ноября обнаружились признаки, заставлявшіе ежеминутно

ожидать смерти. Больная чрезъ Доктора просила Голицына прислать къ ней Священника, чтобы приготовиться къ смерти. Руководствуясь прежнимъ повелѣніемъ Императрицы, онъ позвалъ Священника Казанскаго Собора, Петра Андреева, говорящаго по Нѣмецки, разсказалъ ему все объ арестанткѣ и поручилъ сходить къ ней въ казематъ и довести ее до раскаянія и признанія. Предварительно, однако же, онъ взялъ съ него клятвенное обѣщаніе молчать объ этомъ порученіи, подъ страхомъ смертной казни. На вопросы Священника больная отвѣчала, что она крещена по обрядамъ Греческой Церкви, какъ о томъ слышала отъ лицъ, воспитавшихъ ее въ Килѣ до 9 года ея возраста, что съ тѣхъ поръ жила въ различныхъ странахъ, между прочимъ въ Англіи и Франціи, послѣ чего получила въ Германіи во владѣніе Графство Оберштейнъ. Позже она провела нѣсколько времени въ Дубровникѣ, за тѣмъ пріѣхала въ Пизу, приглашена Графомъ Орловымъ въ Ливорно, посажена на Русскій корабль и перевезена въ Петербургъ. О мѣстѣ рожденія и родителяхъ она ни чего не знаетъ. У Исповѣди, или у Причастія, никогда еще не была, не находя нигдѣ Православнаго Священника. О Христіянскомъ ученіи она узнала только то, что вычитала въ Библіи и нѣсколькихъ Французскихъ духовныхъ книгахъ. Она вѣритъ въ Бога и С. Троицу, и ни мало не сомнѣвается въ истинахъ Символа Вѣры. Священникъ увѣщевалъ ее за тѣмъ, чтобы она съ полнымъ раскаяніемъ созналась во всѣхъ своихъ злыхъ намѣреніяхъ противъ священной особы Государыни, также въ томъ, что она выдавала себя за дочь покойной Императрицы Елисаветы Петровны. Она возразила, что никогда не имѣла приписываемыхъ ей намѣреній, никогда не распространяла о себѣ подобныхъ слуховъ, что Завѣщаніе, письма и инструкціи, посланныя ею къ Графу Орлову, получены ею отъ неизвѣстнаго ей лица. Еще разъ сталъ увѣщевать ее Священникъ, чтобъ она, стоя на краю могилы, сказала наконецъ правду и назвала своихъ соучастниковъ. Она осталась при своемъ показаніи, увѣряя, что ни чего не можетъ къ нему прибавить, по тому что ни чего болѣе не знаетъ, соучастниковъ у ней ни какихъ не было, такъ какъ не существовало и самыхъ преступныхъ замысловъ, на нее взводимыхъ. За тѣмъ она объявила, что чувствуетъ себя слишкомъ слабою для продолженія разговора, и просила его молиться за нее

и прійти на слѣдующій день. Священникъ не замедлилъ посѣщеніемъ, но и на этотъ разъ всѣ его увѣщанія остались безплодными: больная сказала, что она глубоко раскаевается только въ томъ, что съ ранней юности жила въ нечистотѣ тѣлесной и грѣшна дѣлами, противными заповѣдямъ Господнимъ. Она раскаевается отъ всего сердца, что огорчала Создателя, Котораго умоляетъ простить ея многіе и тяжкіе грѣхи. Голосъ ея, уже на канунѣ бывшій очень слабымъ, слабѣлъ все болѣе и болѣе, такъ что Священникъ уже не могъ понять ея послѣднихъ словъ.

3-го Декабря Князь Голицынъ послалъ Императрицѣ донесеніе Священника, и увѣдомилъ Ее, что отдалъ приказаніе, если умретъ арестантка, похоронить ее въ равелинѣ, такъ чтобы ни служанка, ни взятые съ нею Поляки ни чего о томъ не знали.

4-го Декабря, 1775 года, въ 7 часовъ по полудни, больная умерла, и на слѣдующій же день солдаты, стоявшіе при ней все время на часахъ, глубоко зарыли ея тѣло. Голицынъ донесъ о томъ Императрицѣ 7-го Декабря.

13-го Генваря, 1776 года, въ Тайной Экспедиціи Голицынымъ и Генералъ-Прокуроромъ Вяземскимъ постановленъ былъ приговоръ надъ Поляками и прислугой, который и былъ Высочайше утвержденъ. Принимая въ уваженіе, что нельзя доказать участія Чарномскаго и Доманскаго въ преступныхъ замыслахъ Самозванки, ни въ чемъ не сознавшейся, что они оставались при ней скорѣе по легкомыслію и не зная намѣреній обманщицы, къ тому же Доманскій былъ еще увлеченъ и страстью къ ней, положено дальнѣйшее слѣдствіе объ обоихъ прекратить. Хотя они уже за то, что слѣдовали за преступницей, вполнѣ заслуживали бы быть сосланными въ вѣчное заточеніе, но имъ вмѣняется въ достаточное наказаніе долговременное заключеніе и они отпускаются въ отечество съ выдачею имъ вспомоществованія по 100 р. каждому, и подъ клятвою вѣчнаго молчанія о преступницѣ и своемъ заключеніи. Умственная слабость Франциски Фонъ Мешеде не допускаетъ ни какого подозрѣнія въ ея сообщничествѣ съ умершей, по сему ее положено отвезти за границу и дать, такъ какъ она не получала ни какого жалованья отъ обманщицы, бѣдна и Дворянскаго происхожденія, старыя вещи покойницы и 150 р.

на дорогу. Слугъ: Рихтера и Лабенскаго постановлено отправить, съ Чарномскимъ и Доманскимъ, за границу, а также Кальтфингера съ обоими Итальянцами, при чемъ всѣхъ обязать вѣчно хранить тайну и каждому выдать по 50 р. Кто изъ поименованныхъ лицъ когда либо возвратится въ Россію, тотъ безъ дальнѣйшаго суда подвергнется смертной казни.

Въ Генварѣ 1776 года Франциска, Кальтфингеръ и Итальянцы отправлены были черезъ Ригу за границу, а въ Мартѣ туда же послѣдовали Чарномскій, Доманскій и ихъ служители.

До какой степени это дѣло хранилось въ тайнѣ, на примѣръ, отъ иностранныхъ дипломатовъ, между прочимъ явствуетъ изъ того, что Польскій Резидентъ при Русскомъ Дворѣ, Баронъ Сакенъ, только 28-го Мая (8 Іюня), 1775 года, доносилъ изъ Москвы о прибытіи Грейга ва Кронштадтъ съ арестованной въ Ливорно, такъ называемой, Русской Княжной, и не ранѣе 16-го (27) Февраля, 1776 года, писалъ изъ Петербурга, что съумасшедшая, такъ называемая, Принцесса Елисавета, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ отправлена была въ Шлиссельбургъ и тамъ умерла отъ болѣзни, два дня тому назадъ. Это ему извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ и онъ положительно знаетъ, что смерть послѣдовала совершенно естественно, но, вѣроятно, это не помѣшаетъ распространенію иныхъ слуховъ. [149]

---

[149] Донесенія Сакена въ Варшаву напечатаны въ Исторіи Россіи Германа, т. V, стр. 708.

ДОКУМЕНТЫ

О

САМОЗВАНКѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДОКУМЕНТОВЪ.

№ I.

ЗАВѢЩАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I.

Dernière volonté de Pierre-le-Grand, Empereur de toutes les Russies.

Art. 1. La Czarine présente régnante, régnera et gouvernera seule l'Empire de Russie avec un pouvoir absolu et une autorité souveraine jusqu' à la fin de sa vie, à moins que de son propre mouvement elle ne voulût résigner et conférer la régence et l'Empire à son successeur.

2. La personne, qui succédera à la présente Czarine après son décès ou résignation volontaire, sera le jeune Grand-Duc Pierre Alexiewitz, fils du défunt Prince Alexis Petrowitz, et à lui succédera sa postérité légitime.

3. Comme il n'y a nulle apparence, que les Russes consentent jamais au démembrement de leur Empire, le Duc de Holstein les connaissant à fond sur cet article, quelque justes que fussent les prétentions du feu Czar, du moins sur les provinces conquises par le Monarque, les dits enfants du dernier Czar laisseront à leur neveu, le jeune Grand-Duc, la tranquille possession de l'Empire Russe et se contenteront de la seule jouissance des domaines, dépendants du cercle d'Oesel, d'Estonie et de Livonie, avec les revenus de la douane de Riga.

4. Dès que le Grand-Duc sera parvenu à l'âge de se marier, on lui choisira une épouse dans la maison de Lubeck.

5. Au cas, qu'il plut à Dieu de retirer de ce monde le Grand-Duc, sans qu'il laisse d'enfant légitime, l'Empire de Russie échouera à la Princesse Anne, épouse du Duc de Holstein, et à leurs enfants;

toutefois avec cette restriction exprèsse, que celui des enfants de cette Princesse, qui sera Roi de Suède, ne pourra pas être Czar; le Duc de Holstein connaissant aussi sur cet article le sentiment des Russes.

6. La Princesse Anne, venant à mourir, sans laisser d'enfants pour lui succéder, ce sera la Princesse Élisabeth, seconde fille de la Czarine régnante, à qui l'Empire tombera en partage et à sa postérité après elle

---

№ II.

ЗАВѢЩАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I.

Extrait du Testament de Catherine I et de la volonté de Pierre le Grand avant sa mort.

Le contenu du Testament de Catherine I.

Le Grand-Prince Alexiewitz, petit-fils de l'Empereur, mon époux, me succédera et gouvernera avec la même souveraineté et le même pouvoir, que j'ai gouverné la Russie, et à lui succéderont ses enfants légitimes; s'il meurt sans laisser d'enfants, ma fille ainée, Anne Petrowna, héritera en ce cas de la Couronne de Russie, et après elle ses enfants; en cas quelle mourut sans enfants, le trône de Russie appartiendra à ma fille Élisabeth Petrowna et à ses héritiers après elle, et si il plait au Ciel de retirer de ce monde ma fille Élisabeth sans laisser de descendants, alors le trône échouera à la Princesse Natalie Alexiewna, petite-fille de l'Empereur, mon époux, et à ses descendants; bien entendu que les personnes, nommées dans mon présent testament ou leurs descendants, destinés à porter la couronne Impériale de Russie, n'y pourront parvenir, s'ils portaient une couronne ailleurs; outre cela, il faut, qu'ils professent la Religion Grecque.

Doutant que le Grand-Prince n'a pas encore l'age de pouvoir régner par lui-même, il y aura un Conseil de régence, qui gouvernera pendant sa minorité et qui aura soin de son éducation; la

pluralité des voix sera une loi irrévocable dans ce Conseil, qui consistera dans neuf personnes, savoir: ma fille aînée, Anne Petrowna, sa soeur, Elisabeth Petrowna, le Duc de Holstein, le Prince Menzicow, et cinq autres Sénateurs; le Conseil de régence n'aura pas le pouvoir de changer quelque chose dans l'ordre de succession, que j'ai trouvé bon d'établir par mon présent testament, en forme d'une loi fondamentale et irrévocable.

3. Le Grand-Prince assistera aux délibérations de ce Conseil; le pouvoir décisif de ce Conseil durera jusqu'à ce, que le Grand-Prince aura atteint l'âge de 16 ans.

Alors l'autorité de ce Conseil cessera et l'Empereur successeur prendra lui-même le gouvernement; mais il ne pourra demander au dit Conseil compte de sa précédente administration, les Princesses mes filles, ayant cédé comme elles céderont le droit à la succession de leurs père et mère, en faveur du Grand-Prince et de ses descendants, on leur comptera une fois pour toutes un million de roubles pour chacune. Ces sommes leur seront payées pendant la minorité du futur Empereur; outre cela ces dites Princesses, mes filles, auront chacune une pension de 100 mille roubles par an, tant que durera la minorité de l'Empereur, et elles hériteront seules de mes joyaux, bagues, argenterie, meubles et équipages.

5. On prendra à coeur l'affaire de la restitution du Duché de Schleswig au Duc de Holstein, de manière que l'on remette son altesse royale, en possession de ses états héréditaires et quand le Grand-Prince sera devenu majeur, il poussera cette affaire de toutes ses forces, en cas que l'on n'ait pu le faire pendant la minorité; il vivra toujours, en bonne amitié et concorde avec la maison de Holstein, et quand le dit Duc sera monté sur le trône de Suède, il vivra de même avec la Russie.

6. Je consens, que ma fille, la Princesse Elisabeth, choisisse pour son époux l'Evêque de Lubeck, Duc de Schleswig et Holstein, et je leur donne à cet effet ma bénédiction maternelle.

7. Je veux et ordonne, que l'on engage le Grand-Prince à épouser une Princesse des filles du Prince Menzikow.

8. J'ordonne de même, que l'on donne à l'Ambassadeur de Holstein auprès du trône de Russie, un hôtel convenable dans cette ville, et je veux, que cet hôtel soit exempt de logement de soldats et de toute autre charge.

9. Quand le Duc de Holstein jugera à propos de se retirer d'ici, on lui fournira gratis et aux dépens de l'Empereur, ou de l'Impératrice mon successeur les voitures et vaisseaux, nécessaires pour son transport.

10. Mes biens immeubles, qui n'appartiennent pas à la couronne, mais à moi en propre, soit par don du feu Empereur, mon époux, soit par achat ou autrement, seront partagés entre mes plus proches parents.

11. L'Empereur des Romains sera prié de garantir l'execution de mon présent Testament et maudits soient ceux, qui en empêcheront l'execution, directement ou indirectement, en tout, ou en partie.

Fin du Testament.

Le lendemain le Grand-Prince fut proclamé Empereur, on lui lut le Testament de Catherine l'Impératrice, la suite montrera le légitime but et droit, qui doivent déterminer toutes les personnes, qui peuvent et doivent apprendre à penser à ceux, qui ne le peuvent point.

P. S.

1. Roi de Perse myri-weis, du tems de Pierre le Grand.

2. Khan des Tartares Delwet-Gireï, qui vivait du tems de Pierre le Grand.

3. Général des Cosaques, qui est entre la Russie et la Tartarie, son nom Mazeppa.

4. Aly-Pacha empêchait le Grand Seigneur de.......loveille à ce, que disait: «Le cam il fut déposé, et Zade.....Kuproli fut charg|é des sceaux de l'empire,» tous ces faits étaient du tems de Pierre le Grand.

5. Ce même demanda sa démission, le Grand Seigneur offrit les sceaux à Mehemet.

№ III.

ЗАВѢЩАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Extrait du Testament d'Elisabeth Première, Impératrice de toutes les Russies.

Elisabeth Petrowna, ma fille, me succédera et gouvernera avec le même pouvoir absolu, que j'ai gouverné la Russie, et à Elle succéderont ses enfans, si elle meurt sans laisser d'enfans, les descendants de Pierre, Duc de Holstein, lui succéderont.

Pendant la minorité de ma fille, Elisabeth, le Duc Pierre de Holstein gouvernera la Russie avec le même pouvoir, que je l'ai gouverné. Il sera chargé de l'éducation de ma fille. On aura soin de l'instruire principalement dans les lois et constitutions de la Nation Russe; dès qu'elle aura atteint l'âge de pouvoir régner, elle sera reconnue de toute la Nation Russe légitime Souveraine de tout l'Empire Russe, et le Duc Pierre de Holstein portera toujours le titre d'Empereur; et si la Princesse Elisabeth, Grande Duchesse de Russie, se marie, son époux ne portera pas le titre d'Empereur qu'après la mort de Pierre Duc de Holstein; et si elle ne juge pas à propos que son époux soit proclamé Empereur, sa volonté doit être respectée par l'autorité suprême Impériale et à jamais héréditaire tant mâle que femelle. Elle nommera son Conseil, ou du moins elle nommera les personnes, qui doivent composer son Conseil. Ses anciens droits seront rétablis à son avénement au Trône de Russie. Elle fera tel règlement pour le militaire, qu'il lui plaira; ses Chancelleries, tant militaires qu'autres, rendront compte tous les trois ans de leur conduite des charges, en particulier ils tiendront compte exact par des livres, qu'ils produiront au Conseil des Nobles, qui seront nommés par Elisabeth, ma fille.

Toutes les semaines il y aura audience publique; toutes les requêtes seront rendues dans la présence de l'Impératrice et elle donnera seule la résolution, et elle sera seule maitresse Souveraine de

réformer, ou de changer telle loi, ou Constitution, qu'elle jugera à propos.

Quand il s'agira de négociations, les Ministres et autres, qui formeront le Conseil, présenteront leur avis, et la décision sera faite par la pluralité des voix, qui n'aura de pouvoir, qu'après être ratifiée par l'Impératrice, Elisabeth Seconde.

Je veux, que la Nation Russe soit toujours en bonne harmonie avec ses voisins, et tant qu'il sera possible ménager la Nation, de crainte que le Pays ne se trouve dépeuplé par des guerres inutiles.

Je prétends, qu'Elisabeth envoye des Ambassadeurs dans toutes les Cours, et qu'elle les change tous les trois ans.

Aucun étranger ne pourra aspirer à aucun emploi ministériel, ni consistorial, ni d'aucune autre religion que de la Grecque.

Le Conseil noble nommera des Plénipotentiaires, pour aller visiter tous les trois ans, les provinces éloignées, tant pour la religion, que pour le civil, le militaire, douanes districtaires, mines et autres appartenances à la Couronne.

Je veux, que les Gouverneurs des Provinces éloignées, comme de la Sibérie, d'Astracan, Casan etc. etc., tiennent des registres depuis le jour de leur Gouvernement, qu'ils envoyeront régulièrement à la Chancellerie du Gouvernement à St-Pétersbourg, ou à Moscou, si Elisabeth y établissait sa résidence.

Quand il y aura quelques découvertes de faites de païs, ou d'autre nature, utiles à la Nation, ou à la gloire de la Souveraine, ils produiront leurs découvertes en secret aux Ministres, et six semaines après, à la Chancellerie du département relatif à la découverte, et aprés trois mois chacun recevra la résolution à l'audience publique, en présence de l'Impératrice, et sera publié au son du tambour aux coins des rues pendant neuf jours de suite.

Je prétends, qu'on fasse des établissemens dans la Russie Asiatique tant pour le commerce, que pour l'agriculture, et on y établira des colonies de toutes Nations avec la liberté de professer toutes les Religions sans aucune difficulté. Il y aura des commissaires éta-

blis par le Sénat, qui veilleront à la conduite et aux moeurs de chaque Nation. Il y aura des artisans de toutes espèces, qui seront payés de l'Impératrice, qui travailleront pour elle, et ne reconnoîtront d'autre Chef qu'elle. Ils seront payés tous les mois aux bureaux, établis dans les villes ou bourgs, qu'ils habiteront. Quand quelqu'un fera quelque découverte, il sera récompensé à proportion de son mérite.

Il y aura dans chaque ville des écoles pour les enfans, établis aux dépens des revenus de la Couronne. Tous les trois mois les Prêtres iront faire la visite dans ces écoles.

Chaque Église sera entretenue aux dépens de la Couronne, comme aussi les Prêtres.

Les impôts seront réglés par Elisabeth, ma fille.

Chaque District fera l'énumération des habitans, et cela chaque année. Tous les trois ans il y aura des Commissaires, qui iront faire leur tournée et rendront les registres aux Chancelleries exactement avec les pièces justificatives, qui prouveront, qu'ils se sont acquittés de leurs expéditions.

Elisabeth Seconde sera Maitresse absolue de transiger, de changer, d'acheter tels biens qu'il lui plaira, c'est à dire, quand ce sera pour le bien de la Nation, et avec l'agrément de la Nation.

Il y aura une académie militaire générale pour tous fils d'Officiers militaires et civils. L'académie militaire sera séparée de la civile, et il y aura une distinction pour les nobles; ils n'y entreront qu'à l'âge de neuf ans.

Pour les enfans infortunés, il y aura des établissements en particulier, qui auront leurs fonds pour toute perpétuité. Pour les enfans, qui ne seront pas légitimes, il y aura des maisons, qu'on appellera orphelines, et ils seront placés soit dans les troupes, soit dans quelque autre emploi ou métier, et s'il s'y en trouve, qui se distingue, la Souveraine sera la Maitresse de le légitimer par un cordon rouge à lisière noire, avec une patente, signée de sa main et munie des sceaux de ses armes, avec la distinction, que la noblesse le recevra de soie, et les autres de laine.

Je prétends, que tous ceux, qui sont de la Nation, depuis le premier jusqu'au dernier, respectent notre dernière volonté, et qu'ils se portent de toute leur force et pouvoir en cas d'évènement à soutenir et à appuyer Elisabeth, ma fille unique, seule héritiere de l'Empire de Russie.

Et si avant son règne, il s'agissoit de quelque guerre, ou autre discussion, ou traité, ou loi, ou réglement, le tout n'aura de pouvoir ni force, qu'après son consentement, et le tout sera annullé par son autorité souveraine et à jamais héréditaire.

Je laisse à son bon plaisir de révoquer ou d'abolir tout ce, qui aura été fait avant son règne.

Ce présent Testament renferme ma dernière volonté, et je donne ma bénédiction à Elisabeth, ma fille, au nom du Père, et du Fils, et du St-Esprit.

№ III.

ДАННЫЯ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ВОЗЗВАНІЯ КЪ ФЛОТУ.

Extrait, tiré du Testament d'Elisabeth, Impératrice de toutes les Russies, fait en faveur de sa Fille, Elisabeth Petrowna.

Elisabeth Petrowna, ma Fille, me succèdera et gouvernera avec le même pouvoir absolu, que j'ai gouverné l'Empire de toutes les Russies. La Princesse Elisabeth a été hors d'état de publier plus tôt ce Manifeste en abrégé, ou, pour mieux dire, cette Déclaration, par son empoisonnement en Sibérie, par le poison, qu'on lui avait insinué par son éloignement, en un mot, par mille autres malheurs, bu'on lui a fait subir.

À présent, que la nation est déterminée de soutenir la légitime héritière d'Elisabeth, Impératrice de toutes les Russies, elle juge convenable aux circonstances actuelles de se délivrer et de réclamer à haute voix une nation, qui lui appartient par les droits légitimes, con-

nus de toute l'Europe, le Testament renferme des articles, qui sont entièrement à l'avantage de la Nation Russe et qui doivent déterminer touts nos fidèles sujets à prendre fait et cause d'une Princesse, qui à été tiranisé depuis la mort de feu l'Impératrice Elisabeth, sa Mére; ce motif, qui nous détermine aujourd'hui à faire le pas, est le bonheur d'un peuple, qui gémit, et même le mal est monté à un degré, qu'il rejaillit sur des peuples voisins, qui doivent être alliés à jamais à nous, tant pour le bonheur de notre Patrie, que pour la tranquillité Générale.

Nous, Elisabeth Seconde, par la grâce de Dieu, Princesse de toutes les Russies, avertissons toute notre nation, qu'elle n'a d'autre parti à prendre, qu'à se décider ou pour, ou contre elle, nous avons l'avantage sur ceux, qui nous ont usurpé notre Empire, nous publierons dans peu de tems le Testament de feu Elisabeth Impératrice, tous ceux, qui s'opposeront à nous prêter serment, seront punis par les lois sacrées, établies par la Nation même, renouvelées par Pierre Premier, Empereur de toutes les Russies.

de Foms de Turquie
le 18 courant.

№ IV.

ПИСЬМА САМОЗВАНКИ КЪ БАРОНУ ГОРНШТЕЙНУ.

1.

Stirum, le 7 d'Août, 1773.

Monsieur!

Je suis fort embarrassée à faire réponse à la lettre, que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date du 31 passé. Elle est pleine de sentimens de probité, d'honnêteté; quel bonheur pour une ame, qui cherche la vraie félicité, déjà je doutois, qu'il y en eut, je me suis trompée, puisque le vray bonheur consiste à gagner des âmes ver-

tueuses; la vôtre, Monsieur, est sans prix. Jusqu'ici j'avois ignoré la paix de l'âme, le digne prince, votre ami, fait son possible pour me la faire connoître, puis-je manquer, étant appuyé par un si digne ami que vous. L'admiration, la reconnaissance, le désir de vous convaincre de la susceptibilité de mes sentimens, me jettent tour à tour dans de cruelles alarmes. La seule providence guidera mon coeur; trop heureuse, si mes amis veulent guider mes actions; une réflexion, si mes amis guident mes actions, il faut pour cet effet, qu'ils soyent préparer à des événemens, et que la vertu, la raison, la vérité éclate dans leurs ames. Jusqu'ici j'ai été dans le cas de me méfier des hommes; pardonez, si j'en dit trop, mais je me rassure, je parle à un Prélat éclairé; le savoir, la vertu, la religion ont posé la pierre fondamentale de votre Ministère, que notre sciècle serait heureux, si tous les Rois et souverains étaient guidés par des hommes, aussi éclairés, que l'est le sage ministre de l'électeur de Trèves, de ce prince accompli par-lui même, que ne serait-il appuyé de vos sages conseils; que le prince de Limbourg est heureux de cultiver votre amitié! Vous lui écrivez, que vous êtes son mentor: ne serait-il pas possible, que vous fussiez le mien également? Vous réussirez indubitablement, car j'ai bonne volonté, parlons un moment d'affaires.

Je commence par avouer mon tort, c'est à dire, que j'aurais pu faire les affaires autrement, mais Minerve étoit absente; vous aviez raison de dire, que l'incertitude de mes affaires devoit en mettre dans votre esprit, je reviens à la source, qui est que votre juste discernement a démêlé les causes. Vous me dites, que je ne dois rien précipiter; je suis vos prudents conseils, voici ce que je vais faire: je resterai tranquille jusqu' à la fin du mois prochain; mes affaires sont de nature, que le prince est à même de remplir ses engagemens pour la monnaie, et je vous déclare, que je chéris tellement son bonheur que si, pour lors il se croit d'être plus heureux avec une autre. Je le laisserai le maître de se marier, avec qui il voudra, et que je ne remplirai pas moins mes promesses; je m'abandonnerai ensuite purement et simplement entre vos mains, je renoncerai au monde, voilà mes vraies intentions; tachez de décider le prince pour qu'il se déclare; je me suis fait une loi, qui est de me rendre aux volontés de la divine providence, et mon bonheur ne peut avoir lieu qu'autant que je puis contribuer à celui du genre humain. Dites-moi, si il

serait possible de se refuser aux instances et aux conseils de deux vrais amis, non je n'aurai, plus de retenue; vous me dites, Monsieur, qu'on m'a pris pour la «Princesse d'Azof;» je ne suis pas «Princesse d'Azof,» mais «Dame d'Azof.» L'impératrice en est Princesse ou «Souveraine.» Vous lirez dans peu de semaines dans les gazettes, que je suis la seule héritière de la maison de Wolodomir et que je puis aller sans empêchement prendre possession des biens, que feu mon père m'a laissés, et qui furent séquestrés l'année 1749 pour 20 ans; ils sont révolus depuis 1769. Je naquis 4 ans après cette malheureuse époque, où mon père mourut; je fus remise entre les mains de mon oncle de Perse, je suis venue en Europe, il y aura 5 ans le 16 de novembre; est-il étonnant, que mes affaires soyent un peu chancelantes, non elles sont encore au mieux? Il me manquait un ami, je l'ai trouvé, je tacherai de le conserver. Votre discours amical m'a fait prendre des résolutions, aux quelles je ne me serais peut être jamais déterminée; je vous prie de fortifier le prince dans toutes ses entreprises, et de luy faire envisager, que je ne puis trahir. Quelles plaisir et agréable surprise ne m'auriez vous pas fait, si vous étiez venu dans notre ermitage; le bonheur y est complet lorsque on y trouve le contentement du coeur, me voilà seule abandonnée à mes réflexions, le ciel sait ce, qu'il me réserve. Consolez-moi par vos dignes conseils; je vous dois tant, je veux encore vous devoir davantage; mille fois je bénis l'être suprême du soin, qu'il prend de mon vray bonheur; pour ce qui concerne la Perse, je n'y vais pas cette année. J'y irai s'il le faut l'année prochine, j'ai prévenu mon oncle sur tout; je scais d'avance, qu'il sera content de mon etablissement, quand même le tuteur ne le serait pas, et, par ce seul moyen, je parviendrai à disposer des fonds de l'Asie, celui-ci ira indutabilement à Oberstein, quoique je ne sache précisement quand. Je vous ai toute l'obligation du bon ordre, que vous y avez mis, ça ne pourra manquer de faire bonne impression; il s'amuse présentement aux bains, sous un autre nom; on voudrait, que j'y allasse, mais je ne le ferai pas de crainte de donner de l'inquiétude au prince, je laisse ignorer à tout le monde, où je suis, pour qu'on ne me persécute point; il ne me reste plus rien, vous êtes éloigné, le prince part, je m'etois proposé de vous dédier une petite dissertation, mais mon esprit est trop occupé. Je vous prie de vous occuper un peu de moi dans vos moments de distraction et surtout dans vos prières. En attendant

agréez mes remercimens et soyez convaincu, que ma reconnaissance sera sans bornes, que mes sentimens d'estime soyent garants de ce que je ne puis exprimer.

Votre tout humble et tout obéissante servante

Élève du mentor.

P. S. Je crois de bien faire d'aller dans quelques endroits éloignés d'ici, pour qu'on ne sache pas, où je suis; je partirai demain pour quelque endroit inconnu; on me fera tenir les lettres poste restante; j'ai toute confiance en vous, tâchez de fixer le prince, je crois, que je puis faire son bonheur. C'est mon étude et je ne serais heureuse, que quand j'aurais contribué au sien, voilà mes dernières résolutions, je vous prie de les luy communiquer; elle seront efficaces, appuyées par vous.

№ V.

2.

Raguse, le 10 de Juillet, 1774.

Monsieur!

Je ne doute nullement, que ma dernière de Venise ne vous aye assez surpris, mais, hélas, qu'a-t-on de plus doux dans la vie, que d'ouvrir son coeur à ses amis. Je vous considère comme un père, je vous écoute comme un fidéle mentor et mon âme admire votre grande façon de penser, votre caractère, vos sentimens sont tous l'objet de mon admiration et je suis vos généreux conseils; permettez à mon tour, digne ministre, que je vous dise quelque chose sur le devoir d'un ami attaché et qui se fait gloire et honneur de soutenir les premiers devoirs de la religion et de son état.

Je me contenterai donc de vous dire, que l'honneur, la religion, la conscience d'un ministre, éclairé et ami de la probité, est de

me soutenir dans mes entreprises; je me prosterne aux pieds du Tout Puissant, en recevant la dernière nouvelle de la destruction de mes ennemis, que le grand Dieu aye pitié de leurs ames et qu'il les pardonne, comme je le fais du plus profond de mon âme.

Digne ministre, s'il était possible de vous exprimer la multitude d'occupations, qui m'accablent actuellement, vous verriez, que c'est la providence, qui me soutient.

Je ne vous parlerai point de mon voyage de Venise à Raguse, il a été de 17 jours, c'est assez. Ici c'est encore un autre monde; je vais tâcher, de gagner la flotte Russe, qui est à Livorne, qui n'est par bien loin d'ici; il est nécessaire, que je me fasse connaître actuellement, à cause qu'on avoit répandu le bruit, que j'étois morte, la providence m'a vengée. Je vais faire publier des manifestes, que l'on va répandre en Europe; la Porte les publiera hautement; mes amis étant déjà à Constantinople, ils feront tout ce qui est nécessaire en pareil cas; je n'ay pas un moment à perdre; je fais déjà mes dispositions pour me montrer, je ne m'arrêterai pas longtems a Constantinople, je volerai à la tête de ma nation et me ferai reconnaitre. Les gasettes sont remplies de mensonges, c'est tout ce, que je puis vous dire; la paix n'aura lieu, que quand notre traité sera fait, et il est de la prudence, qu'il soit garanti, c'est pourquoi qu'il faut que nous nous assurions avant toute chose de la Sublime Porte, nous n'aurons pas grandes peines, vû qu'il est de leur intéret, de leur honneur et de leur gloire de nous maintenir dans nos droîts légitimes, et a jamais assurés par les constitutions, que fit mon grand père, outre cela le testament est une preuve authentique, et qui doit m'autoriser à réclamer une nation, qui m'appelle. L'être supreme est mon témoin, que je n'ambitionne point des Couronnes, non ce n'est pas là mon faible; je croy, que les preuves, que j'ai donné du contraire, sont évidentes. V. E. connait ma façon de penser et mes sentimens, qui ne peuvent être que vrays à tout égard; si le prince, votre digne ami, avoit voulu, il y a longtems, que je serais heureuse et mes amis seraient dejà à leurs places, et je ne leur donnerais pas tant de peines; il faut donc tout oublier et croire, que tout est bien dans le monde, pourvû que nous soyons résignés; je conjure par mes larmes mes amis de jeter un coup d'oeil juste sur tout, ce que

je suis et sur mes entreprises. Le grand ouvrage est fini, il s'agit donc à présent de ne pas rester au milieu du chemin; je verse un torrent de larmes, quand, je pense, que je ne vois pas mentor. Je suis avec les sentimens, que vous me connaissez.

№ VI.

ПИСЬМА САМОЗВАНКИ КЪ СУЛТАНУ.

1.

Copie de la première lettre de la Princesse Elisabeth à l'Empereur Ottoman, écrite de Raguse le 24 d'Août, 1774.

La Providence, qui veille toujours au bonheur de l'humanité, a revêtu Votre Majesté Impériale du sceptre, attaché a Votre naissance; mais les qualités, qu'Elle y a jointes, sont infiniment au dessus du pouvoir absolu sur tant de peuples, qui adorent Votre justice. Cette equité, qui fait partie de Votre ame elevée, fait, que Vos ennemis baissent les yeux devant le plus Grand Empereur du monde, et que d'autres, qui ont eté persecutés par le sort implacable, recourrent à Votre clemence et justice. La force est naturelle à Votre Majesté Impériale; par consequence voila tant de motifs à la fois, qui determine la Princesse Elisabeth, fille de feu l'Imperatrice Elisabeth de toutes les Russies à reclamer la supreme protection de l'Empereur Ottoman. Elle dira en abrégé les faits et malheurs, qui l'ont empeché de prendre cette resolution plus tot: l'emprisonnement de la Princesse en Sibérie etait le premier obstacle; le poison, qu'on lui fit prendre la mirênt dans une état, que l'on fut long tems a désésperer de ses jours; sa fuite chez un parent de son père le Hetman des Cosaques, le tout se suivit de près, de sorte que depuis l'age de neuf ans; toute sa vie n'a été qu'un tissu de catastrophes, qui lui ont servi de guide dans toutes les occasions. Voila des raisons assez forte pour une ame, qui a été toujours soutenue par la Divine Providence, le courage, l'amour de l'humanité, la droiture, le tout ne fait que la même raison, par laquelle elle croit être de son devoir

de réclamer les droits de la nature, et qui sont légitimes tant par la naissance de la princesse que par le Testament qu'a fait l'Impératrice sa mère; il n'est parlé, que d'elle dans ce Testament, c'est pourquoi, les ennemis de sa gloire et de son existence l'ont fait subir toutes les peines et tourments, même qui passent les bornes dé l'humanité. Voilà une tableau de faits en peu de mots, qui ont été cause, que cette Princesse héritière de toutes les Russies a été frustrée et éloignée d'un Trône, qui lui appartient, et qui lui a été usurpé par l'envie et la fausse ambition, qui a désolé tant de peuples, et ruiné tant de païs, qui ne connoissoient, que la tranquilité et la paix; à présent, que le Ciel paroit prendre fait et cause de l'innocence, et que notre parti étant en avantage, le tout est donc un motif, pour que la Sublime Porte se décide. Il paroit, que tout le système en Europe soit tombé, et les puissances, qui ont toujours soutenu un équilibre, ne sont en aucune façon déterminées. Voilà encore des raisons, qui ont empêché que la Princesse Elisabeth ait pu donner essor à son... à toute épreuve pour pouvoir passer sûrement et tranquillement à la résidence Impériale de Constantinople; elle prit le parti de se rendre à Venise, où était le Prince Charles de Radziville, Palatin de Vilna; nous passâmes ensemble à Raguse, croyant que le firman, que ce Prince a demandé à la Sublime Porte, arriveroit bientôt. Son courage, sa confiance, son attachement pour Votre Majesté Impériale, sont des raisons trop fortes, pour qu'on se puisse refuser à le seconder dans ces nobles entreprises de tout quitter, d'abandonner tout bien pour sa Patrie, et d'être dans la ferme résolution d'aller vaincre, ou de mourir. La Princesse n'a pu se refuser à de si belles résolutions, qui doivent servir d'exemple pour la Pologne; c'est pourquoi nous espérons de part et d'autre dans la justice de Votre Majesté Impériale, et nous la conjurons Par nos larmes de redoubler ses forces colossales pour anéantir une multitude d'ennemis ravissants, qui détruisent le genre humain. Passons uné moment aux avantages, qui doivent résulter d'une alliance que feroit la Sublime Porte avec Elisabeth Seconde. La Sublime Potre faisant une alliance avec Elisabeth Seconde, Elle s'assurerait d'une Puissance pour toujours avec les conditions: que les deux puissances soutiendroient la Pologne dans ses anciens droits; la Suède serait alliée de même avec nous, par la cession de quel-

ques places, qui lui sont dues; tant d'autres articles, qu'on n'oseroit confier au papier, mais qui doivent être traités verbalement. La Princesse attendra, qu'elle soit arrivée à Constantinople, pour exposer toutes choses à Votre Majesté Impériale; cette démarche n'est faite, que pour disposer la Sublime Porte à refuser toutes propositions de paix, jusqu'à ce, que nous soyons arrivés; outre cela notre parti étant en avantage, c'est à dire Monsieur de Bouhachew, il seroit honteux à une puissance, qui est aussi formidable, que l'est le Grand Seigneur, de faire de la paix, sans avoir atteint son but et sans avoir été satisfait hautement, de tant de surprises, qu'on a fait à sa Hautesse.

La Princesse Elisabeth a fait mille choses en secrét, qui plairont infiniment à Votre Majesté Impériale, rien ne la fait agir, que le malheur tant de sa nation, que d'autres; même il a fallu, que ses amis, et ceux de feu sa mère l'encourageassent, en lui disant, qu'il étoit de son devoir de porter du secours à tant de peuples éplorés, même il y en a qui doivent se rendre à Constantinople, qui viennent de la Russie, pour représenter à Votre Majesté Impériale la cause légitime de l'héritière de feu l'Impératrice Elisabeth Première. Comme nous avons eu le malheur d'attendre ici à Raguse, depuis deux mois, tant le firman de la Sublime Porte que des fonds, cela aura mis de l'incertitude dans l'esprit des politiques, qui ne doivent pas ignorer des faits authentiques, mais qui doivent encore être cachés jusqu'à ce que la Sublime Porte ait publié les manifestes, que nous lui exposerons. La Princesse a envoyé une dépêche à la flotte Russe à Livourne; pour être sûr de notre vie, nous avons expédié une autre depêché au premier Pacha, le plus proche de Raguse, par la voye du commandant de Trawnik, qui la lui doit faire parvenir. Après le petit détail, que fait la Princesse, Votre Majesté Impériale jugera, combien il est important de soutenir une telle Princesse, et de la venger de tant de malheurs, qui ne l'ont pas abandonné un moment, depuis l'âge de neuf ans; à présent et dans Votre Empire elle commence à respirer, et elle se fera gloire de tenir son bonheur et le bonheur de sa nation et de celle de la Pologne de la main juste de Votrè Majesté Impériale, elle en bénira à chaque instant de sa vie le Tout-Puissant. Y aura-t-il rien dans le monde de plus satis-

faisant à une ame aussi élevée, que l'est celle de Votre Majesté Impériale, d'avoir pris la défense de l'innocence; quelle délice pour le plus Grand Empereur au monde, que de se livrer aux nobles penchants de son coeur bienfaisant, douceur qui n'est réservée, qu'aux âmes élevées et susceptibles de grandes et magnanimes actions, en un mot, il faut être grande pour reconnoitre la grandeur des vertus, qui paroissent plus éclatantes que le soleil. Que le Grand Maitre du monde bénisse vos armées, qu'il fasse la grâce à tant de peuples de conserver le plus grand, le plus juste des Empereurs, qu'il prenne à la tête de ses peuples, et qu'il anéantisse et couvre de fange touts ceux, qui seront ennemis de la gloire et de la grandeur de Votre Majesté Impériale, les ardentes et sincères prières, que fait la Princesse Elisabeth, étant avec un attachement inviolable.

№ VIII.

2.

Copie de la seconde Lettre de la Princesse Elisabeth à l'Empereur Ottoman.

Il est impossible, que Votre Majesté Impériale se refuse aux instances, que fait la Princesse Elisabeth, au plus grand et plus bienfaisant Monarque du monde, elle a eu le bonheur d'exposer à Sa Hautesse le 23 d'Aout, en abrégé, les faits et les raisons, qui l'ont empêché de prendre la résolution de réclamer la haute protection du Grand Seigneur. Il est inutile de répéter les faits, qui ont éclaté et qui seront publiés dans peu, non qu'elle se soit addressé à d'autres puissances, elle a très bien observé, qu'il étoit dans l'ordre, de remettre sa cause légitime entre les bras de la clémence de Votre Majesté Imperiale, c'est pourquoi elle n'a fait aucune démarche. Voici la première par la dépêche du mois passé à la Sublime Porte et par celle-ci; après que la Princesse eût reçu la nouvelle de la paix, qui ne peut avoir lieu; elle n'a été faite qu'entre les Généraux, par conséquent il y auroit de la lâcheté

dans les démarches de la Princesse Elisabeth de ralentir sa confiance et son attachement pour la Sublime Porte; elle persiste, au contraire, dans ses résolutions immanquables dans leurs sources, à cause, que Votre Majesté Impériale est le défenseur de l'innocence, le soutien de la justice, le protecteur des droits légitimes, tant du côté de la naissance, que pour les sacrés liens de la foi, que Vous professez les exemples vertueux, qui ont éclaté dans les siècles passés, reparoitront et se manifesteront éternellement par la réputation, que s'est acquise et qu'acquérera Votre Majesté Impériale. Le motif de nos malheurs n'est-il pas assez touchant pour déterminer le plus grand Empereur du monde en notre faveur? Une Princesse, fille héritière d'Elisabeth, première Impératrice de toutes les Russies, ses souffrances inexprimables, le bonheur d'un Empire, qui veut tenir son salut de Vos mains justes et équitables, la Pologne désolée, déchirée, un peuple dévoré par ses ennemis, persécuté dans l'intérieur, les fidèles et attachés à leur patrie en danger de périr par la disette et la perfidie de leurs ennemis, que l'Etre Tout-Puissant touche Votre grand coeur! que cette âme magnanime soit sensible aux larmes de l'innocence et du persécuté! quel parti prendre si Votre Majesté Impériale nous abandonne! La politique ne doit point avoir de part dans des faits signalés de gloire et de justice; elle doit être bannie du Thrône, qui ne connoit, que l'équité et la droiture Le Ciel bénit toujours les armes de la puissance de celle, qui veut la soutenir dans l'ordre. Quel tableau frappant, quelle gloire éclatante, quelle satisfaction pour la Sublime Porte d'être défenseur de l'opprimé! La Princesse passera légèrement sur les avantages, qui doivent résulter naturellement d'une alliance, que nous ferions. La Princesse étant elle même dans la capitale Impériale de Votre Hautesse, elle sera à même de traiter et d'exposer toutes choses à Votre Majesté Impériale. C'est pourquoi, qu'il sera bon qu'elle précipite son départ pour Constantinople. Elle n'a ni firman, ni assurance, mais son courage l'affermit dans ses entreprises et par l'aveugle confiance, qu'elle a pour la Sublime Porte, le tout l'enhardit; le malheur, qui menace sa nation et la Pologne lui font oublier tout danger, et elle est prête de vaincre, ou de mourir. Elle apprend par des voyes directes, que la maison de Bourbon sera ravie, si Elle a assez de forces pour seconde et satisfairer à l'inclination naturelle,

qu'Elle a à rendre la tranquillité à des peuples, qui gémissent depuis si longtems. Elle n'ambitionne pas un mérite, qu'elle devra à la Sublime Porte. Outre cela les pas les plus épineux sont déjà faits, vu que la nation est dévouée de sacrifier sa vie pour maintenir l'héritière d'Elisabeth; la preuve est authentique, vu que Bouhachew est en avantage, il s'agit seulement de ne pas l'abandonner. Hélas! Si le firman, qu' a demandé le Prince de Radziville à la Sublime Porte, étoit arrivé! Toutes les circonstances du tems auroient pris une autre face; voici comment la Princesse seroit arrivée avec lui dans la Capitale Impériale de Votre Empire; on n'auroit pas répandu tant de sang innocent; on aurait pris une résolution relative à la position des circonstances. Comme le tout à été retardé, la Princesse Elisabeth réclame la sublime protection de Votre Hautesse dans toutes les règles, et dans tout les états. Elle est encore à Raguse; elle partira en quelques semaines pour Constantinople, elle conjure Votre Majesté Impériale, au nom de Vos Loix sacrées, de prendre fait et cause d'une Princesse, qui est prête de sacrifier sa vie pour le bonheur des nations, qui sont anéanties; Elle veut tenir de Vos mains équitables cette douce satisfaction, qui sera un monument d'actions de graces envers le Tout-Puissant. Il bénira Votre règne, et les nations chanteront Vos exploits; il présidera à la tête de vos armées, votre gloire sera éclatante et Votre Nom a jamais gravé dans les Coeurs. Que l'Etre Tout-Puissant Vous inspire les mouvements, que nous lui demandons, et veille au bonheur et à la prospérité de Votre Empire, qu'il accorde de longues années à Votre Majesté Impériale, étant avec le plus fidèle attachement.

№ IX.

ПИСЬМО САМОЗВАНКИ КЪ ГРАФУ ОРЛОВУ-ЧЕСМЕНСКОМУ.

Copie de la lettre à M-r. le Comte d'Orlow.

La démarche, que la Princesse Elisabeth de toutes les Russies fait, n'est que pour vous prévenir, Monsieur le Comte, qu'il s'agit actuellement de se décider sur le parti, que vous avez à prendre dans les affaires du tems. Le Testament, que feu Elisabeth l'Impératrice fit en faveur de sa fille, est très bien conservé et entre bonnes mains; et le Prince de Razoumowski, qui commande une partie de notre Nation sous le nom de Puhaczew, étant en avantage par l'attachement, que toute la Nation Russe a pour les héritiers légitimes de feu l'Impératrice, de glorieuse mémoire, fait, que nous nous sommes armés de courage pour chercher les moyens de briser nos fers. Il est connu, que la Princesse Elisabeth, a été envoyée en Sibérie, les autres désastres, qui l'ont suivie, sont connus de toute la Nation. La voilà hors de danger, hors des mains de ceux, qui ont attenté si souvent à ses jours. Elle est soutenue et appuyée de plusieurs souverains; elle ne vous écrit tout cela, que pour vous avertir, que l'honneur, la gloire, tout vous dicte de seconder une Princesse, qui réclame des droits légitimes. Outre ce devoir absolu, qui la fait agir, elle doit se prêter au penchant de son coeur, et aux sollicitations de ses amis, qui doivent naturellement languir dans des circonstances aussi désavantageuses, que le sont celles de la guerre actuelle, qui s'enflamme de jour en jour plus; et quand même la paix se feroit, ce ne seroit qu'un sommeil interrompu. Il s'agit donc de sçavoir, si vous voulez être dans nos intêrets, ou non? Si vous y voulez être voici la conduite, qu'il faudra, que vous teniez, Monsieur le Comte. Vous commencerez par publier un Manifeste, qui renfermera les articles, que voici ci-joints. Sinon: nous n'aurons pas de regret de vous avoir fait part de nos démarches, et cela vous prouvera, que nous ambitionnons de vous avoir dans nos intérêts. Votre caractère droit et votre esprit juste inspirent cette envie, qui est fondée sur la probité, et qui ne peut que vous flatter: car ce ne sont pas les esprits faux, qui cherchent les moyens pour

faire triompher l'innocence; il n'y a, que les amis de la vérité, qui la soutiennent: outre cela elle a des armes plus fortes, que le glaive, vu qu'il n'y a qu'Elle qui parle, et qui reste. Nous sommes alliés avec la Sublime Porte, nous n'entrerons point en composition, ni même en explication tout ce, que nous pouvons dire, c'est que nous déclarons hautement, et à la face de la terre, que l'on nous a usurpé notre Empire, en nous voulant faire subir une mort honteuse, mais la Providence toujours juste nous a délivré miraculeusement des mains injustes, qui croyent couper le fil de nos jours. Il est bon de vous prévenir, que tout ce, que l'on fera contre nous, n'aura nul effet, vu que nous sommes dans l'Empire Turc, et nous allons avec une escorte du Grand Seigneur. Nous nous verrons par les relations publiques la conduite, que vous tiendrez dans cette affaire. Voici les principales raisons, qui nous déterminent en votre faveur, M. le Comte. C'est à vous à choisir le parti, que vous voulez prendre. Si vous vous déterminez pour nous, vous jugez bien de l'important service, que vous nous rendrez; nous n'aurions jamais fait ce pas, si nous n'y étions pas autorisés par les principaux amis de feu l'Impératrice Elisabeth; même nous y sommes obligés par les lois et le malheur d'une Nation, qui nous appartient, c'est une raison trop forte pour que nous puissions nous refuser à porter des prompts secours aux maux, qui ont dévoré Notre Empire depuis la mort d'Elisabeth Première. Vous jugez bien, M. le Comte, que nous ne sommes pas obligés de vous écrire aussi franchement, que nous le faisons, mais nous en appellons à votre bon sens et juste discernement, si les motifs, qui nous font agir, ne sont pas plus que suffisans et légitimes pour déterminer les esprits, qui ont des devoirs à remplir non seulement vis-à-vis de leur patrie, mais encore vis-à-vis d'eux-mêmes: par conséquent c'est à eux à soutenir une Héritière légitime dans les droits, qui doivent faire le bonheur de tant de mille personnes, qui gémissent. Nous sommes assurés d'avance du succès de nos entreprises, qui sont immanquables dans leur exécution et certaines dans leur réussite. Le grand ouvrage étant fait, il ne s'agit donc plus, que de nous montrer. Nous avons cherché les moyens pour nous rendre à Livourne, mais on nous en a empêché, quoique nous fussions bien assurés de votre probité. Vous en avez donné

des marques signalées dans les circonstances, qui se sont présentées à différentes reprises, et qui nous ont fait juger de l'excellence de votre coeur. Pensez, réfléchissez: si vous croyez, que notre présence soit nécessaire à Livourne, pour conférer ensemble, donnez votre réponse à la personne, qui vous remettra celle-ci. Cette personne ne sçait ni de qui, ni d'où est cette lettre, par conséquent soyez discret envers lui; et pour dérouter la curiosité, addressez la réponse à M. de Flotiront, c'est le nom de notre secrétaire. Les principaux articles, que contient le Testament de feu Elisabeth l'Impératrice, fait en faveur d'Elisabeth, sa fille unique, son frère n'y est en aucune façon nommé. Les raisons sont trop longues à détailler par écrit; il suffit, qu'il commande les peuplades, qui ont toujours été portées pour leurs souverains et souveraines Elles sont déterminées de soutenir la Princesse Elisabeth Seconde dans un pouvoir absolu, comme l'ont été ses prédécesseurs. Le tems est court et précieux, même il s'agit de brusquer toutes choses, sans quoi toute la Nation sera exterminée sans ressource. Notre coeur compatissant et sensible ne peut voir tant de malheurs à la fois: ce n'est pas la couronne de toutes les Russies, qui nous fait agir, nous l'avons montré par tous les faits, qui ont traversé notre vie; ce n'est qu'un ouvrage digne du sang, qui coule dans nos veines; nous le prouverons encore mieux par la suite. Nous nous en rapportons à votre juste discernement, M. le Comte. Si vous croyez, que vous puissiez répandre le contenu de ce petit Manifeste, où y ajouter, ou diminuer quelque chose, vous en êtes le Maître, mais avant que vous fassiez cette démarche, réfléchissez bien, et sachez bien approfondir les esprits. Si vous croyez bien faire de changer votre domicile, c'est à vous à connôitre toute la position des circonstances, qui pourroient traverser nos démarches actuelles. Tout ce, que nous pourrons vous assurer, c'est que dans quelques circonstances, que vous vous trouviez, nous prendrons fait et cause de votre personne, et nous vous promettons d'être dans tous les tems votre défense et votre appuy. De la reconnoissance il n'est pas nécessaire, que nous vous en parlions, elle est si douce aux âmes sensibles, qu'elle ne laisse point d'espace entre la sensibilité et la susceptiblité; sentimens que nous vous prions de croire à toujours sinceres.

№ X.

ПИСЬМО САМОЗВАНКИ КЪ ГРАФУ ПАНИНУ.

Copie de la lettre à M-r. le Comte d'Orlow.

Toutes choses étant montées au plus haut degré, il est impardonnable de se taire actuellement. J'ai fait savoir toutes choses, il y a un an, et j'ai réitéré d'une façon plus politique toutes les circonstances il y a 9 mois. Je croy, que la démarche, que je fais, doit plaire à Votre Excellence. Car un ministre aussi éclairé que vous êtes, ne doit point ignorer, que l'orage va fondre plus rapidement, que l'on ne le présume. Le remède pour l'empecher est tout trouvé. Il s'agit de nous entendre, quel motif me fait agir; si ce n'est mon attachement pour un empire, qui se trouve dévoré dans son intérieur et qui ne connoit rien à son propre état. J'ai fait tout ce, que la prudence pouvait me dicter dans les circonstances actuelles, je vois clairement par tout ce, que l'on fait, que je serois obligée d'abandonner toutes choses et de me transporter subitement à S-t. Pétersbourg, sans quoi vous périrez tous par un malheur inévitable. Il y a des personnes, qui nous ont desservis à Pétersbourg, je le sais, et si Votre Excellence fait des recherches exactes, elle le trouvera encore plus clairement, que je ne le puis dire par écrit. J'ai hasardé ma vie et mon bonheur, j'ai fait l'impossible pour arrêter un torrent, qui est trop rapide, pour que l'empire le puisse contenir et encore moins l'apaiser. Je vous ay demandé un homme de confiance et sensé, vous ne l'avez pas envoyé, je vous ay averti, vous êtes sourd et muet, pour l'amour de tout ce, qu'il y a de sacré; soyez donc sensible, digne et incomparable ministre à tant de pauvres innocents, qui vont perdre leur vie. Si vous ne faites des dispositions convenables et dignes de votre caractère noble et susceptible, les belles qualités, qui distinguent les hommes, vous serez plus embarrassé, que moi à tout égard; j'en suis sûr, mais le remède est trouvé, si vous voulez vous en servir. Je préviens Votre Excellence du sort, qui m'a persécuté jusqu'ici, je vous préviens, que tout est entre mes mains; je puis arrêter le fléau, qui est prêt à fondre sur notre empire et perdre toute la nation. Je suis incapable par caractère et par naissance et par sentiment de faire un pas,

qui soit caché et à l'insu de ma nation, non je ne connois pas la fausseté, ny la politique nuisible; au contraire, je déclare par celle-ci, que mon sang, ma vie est à la nation, et je soutiendrais jusqu'au dernier moment les droits de la couronne et de la nation. Je vais donner des preuves authentiques et signalées de mon attachement à toute épreuve, à toute la terre, ce n'est pas le glaive, n'y la force, qui soutiendra l'empire de toutes les Russies, non, digne ministre, ce n'est n'y l'un, n'y l'autre. Je vous le jure, je laisse à votre juste discernement toute chose, combinez et réfléchissez. Ce que vous ferez, faites le avec bien du ménagement et sur mon compte; il faut être discret. Je vous donne ma parole, que je travaillerais plus que jamais, non seulement par devoir, mais par les droits de la nature, qui sont attachés à la justice et à la droiture de mon entreprise; le sang, qui coule dans mes veines, ne peut me trahir, par conséquent, je dois être fidèle et attachée à ma nation. Ce n'est pas assez de connoitre le mal, il faut se servir des remèdes nécessaires et avoir de la confiance au médecin. Vous vous méfiez, vous craignez, vous doutez, vous voulez aider, et vous ne savez pas comment. Votre Excellence juge bien, que je ne suis pas obligée de vous parler aussi fermement et aussi franchement, mais l'innocence porte des caractères, qui impriment la vérité, et nous assurent tous les coeurs vertueux. Je ne parlerois pas de ce, que vous avez fait touchant la paix; tout ce, que je puis vous dire, c'est que cette paix est trop chancelante en elle même, pour qu'elle trouve des appuis, ou de la solidité. Vous ne savez pas ce, que je sais. La raison m'impose le scilence. Je me prépare pour me rendre à St. Pétersbourg, et c'est votre faute, que je n'y suis pas depuis longtemps. Je vous prie de prendre des mesures, pour que je passe sûrement; mon arrivée doit être à petit bruit. Je vous fais passer celle-ci par une voye indirecte. Si vous avez quelques chose à me mander, vous envoyrez quelqu'un à Coblence, qui trouvera toutes les informations nécessaires à la poste, et vous prie d'être persuadé, que je suis et serois toute ma vie avec l'attachement le plus inviolable de votre Excellence.

La très sincère et très affectionnée

Princesse Elisabeth.

Le 7 d'Octobre.

Au Comte Panin.

№ XI.

ПИСЬМО САМОЗВАНКИ КЪ СЕРУ ВИЛЬЯМУ ГАМИЛЬТОНУ.

Au Chevalier Hamilton.

Votre Excellence!

J'ai l'honneur d'écrire à V. E. en bien des vues. Le premier motif, qui m'y engage, est votre procédé noble et poli à mon égard, qui m'a donné tant de confiance et d'estime; ne soyez pas surpris, je vous prie, tout ce que je fais est pour le bien commun; le Ciel envoye des personnes, qui sont des fléaux pour le genre humain, et des autres, qui le consolent.

J'ai balancé longtemps à faire ce pas; je voye, que la raison, le bon sens, m'y autorise, et ce, qui appuye le plus ma démarche, c'est que j'expose mes pensées à un ministre éclairé et juste, qui fait voir son caractère noble et juste dans toutes les occasions; vous le serez encore plus à mon égard, car mon sort est trop touchant, pour qu'une âme susceptible de sentimens comme la votre, s'y refuse. J'ai fait tout ce, qui a été possible, tout a été inutile à cause, que les personnes, qui devaient travailler systématiquement, se sont perdues dans des espérances, qui paroissoit être fondées; elles l'étaient en effet, mais elles n'étaient pas soutenues par la force, ni même raisonnées.

Je commencerai à faire un tableau juste de toutes les événemens et époques à V. E. J'attends des conseils et lumières dans l'effet de votre bonté, et si le Ciel me favorise, je pourrai par un retour de reconnaissance vous être utile; la voye est sûre, par laquelle je fais passer les présentes copies ci-jointes à V. E., pour que personne ne se doute de rien, tant ici, qu'à Naples; j'ai fait partir une estafette à un correspondant d'une personne, à qui je puis me fier.

Voici un abrégé de touts les faits, qui m'ont amené dans ces pays, et les motifs, qui me font agir, et les raisons, qui m'autorisent à prier V. E. de vouloir m'accorder des passeports de

sa main, pour passer par les pais de l'Empereur, et quelques lettres de recomandation pour le ministre de Votre Cour à Vienne, et pour celui à Constantinople. Il est impossible, que je passe autrement; je ne puis me découvrir à personne; les uns ont perdu, les autres n'ont pas de pouvoir et peut-être pas de bonne volonté; je ne puis donc m'adresser, qu'à un ministre, qui réunit la droiture, le pouvoir et la bonne volonté.

Depuis que je suis arrivé ici, je n'ai parlé à personne à cause, qu'il n'ya pas moyen de s'y fier; les uns sont d'un partie, les autres d'un autre, et d'autres gardent une parfaite neutralité.

Mon état n'en souffre point à cause, que je dois vaincre, ou mourir; j'ai de grandes facilités à réussir, et voici comment: mon parti est le plus fort dans le pais, Monsieur de Bouhachew est en grand avantage, il est bon général, bon mathématicien, il a beaucoup de pratique, sçait la Tactique militaire à fonds, il a le talent de gagner le peuple, sçait la langue du pais, vu qu'il est lui-même de la Nation Cosaque du Donski.

Lorsque Monsieur de Rasoumowski vint à St.-Pétersbourg, il avoit ce jeune Bouhachew à sa suite. L'Impératrice Elisabeth, ma mère décora Monsieur le Comte de Rasoumowsky de l'ordre de St. André, et le fit grand Hetman de touts les Cosaques. Mons-r de Bouhachew fut fait page de l'Impératrice; elle vit, que ce jeune homme avait beaucoup de dispositions pour l'art militaire; elle le fit aller à Berlin, où il se forma et devint ce, qu'il est à present.

Pendant ces entrefaites ma mère mourut, j'étais agé de huit à neuf ans; elle avait fait son Testament en ma faveur, et Pierre Trois devait me faire élever.

Je fus envoyé en Sibérie, où je fus passée un an, j'en sortis par la compassion d'un prêtre, il me mena à la capitale de Donskoi, où les amies de mon père me cachèrent, je fus empoisonnée dans la maison par une espèce de gouvernante, on me sauva la vie par des remèdes et on m'envoya en perse chez un parent de mon père, qui était allé du tems, que Schah Jamas était encore Roi de Perse; ce Monarque le combla de bontés; il s'y fixa

pour sa vie, il possède de grands biens, il me fit donner toute l'éducation possible, fit venir des maitres en différents arts et sciences et de différentes langues.

Comme la Perse a un grand commerce en touts pais Orientaux et surtout dans les provinces Asiatiques, qui sont soumises à notre Empire, il trouva moyen de concilier beaucoup de personnes de la nation, qui était interessées par eux-mêmes à entrer dans son plan, Monsieur de Bouhachew d'un autre coté agissait comme il pouvait, c'est à dire à la Cour de Berlin indirectement et secrètement; les personnes, qui s'étaient unies avec mon parent en Perse, firent aussitôt éclore leurs desseins par des voyes inconnues dans les provinces, qui sont les plus voisines de la Perse, dépendant, de la Russie, on vit toutes les peuplades se liguer ensemble, Monsieur de Bouhachew abandonna aussitôt l'Europe et vola à la tête de toutes nos nations, délivrer touts ces pauvres innocents, qui gémissoient dans des cabanes de Sibérie entre la vie et la mort.

Mon parent me fit partir pour l'Europe, accompagnée d'un homme docte et sage, je passais à travers de toutes nos nations tant sauvages que Chrétiennes, j'arrivois dans le plus grand incognito à Berlin et de là je vins dans touts ces pais, je conciliai en passant quelques personnes utiles et je pris la résolution d'aller à Constantinople, pour traiter en personne avec le Grand Seigneur; tous mes amis ne purent, qu'approuver ma résolution, je me rendis à cette fin à Venise, pour passer avec le Prince de Radziville jusqu'à Constantinople: je trouvois le Prince sur son départ pour Raguse.

Avant mon départ de Venise, Milord de Montégu vint me voir, il est aussi prudent que sage et a le coeur excellent, et il est de bon conseil, il approuva mes entreprises et fit pour moi ce, qu'un frère ne ferait pas.

Nous partîmes, le Prince de Radziville et moi, pour Raguse, où le Prince devait trouver le firman du Sultan, nous attendîmes deux mois, nous depensâmes des sommes, ayant 80 personnes à la suite.

Pendant ces entrefaites la nouvelle de la paix arriva: quelle résolution prendre dans des moments aussi critiques; quelques

semaines avant cette nouvelle j'avais écris au Grand Seigneur deux lettres, dont voici les copies. Nous avions plutôt à craindre, qu'à espérer, je persistois à vouloir aller à Constantinople, mais je n'y pus aller à cause, que nos fonds étaient épuises, il fallait attendre. Nous trouvions partout des obstacles, la mer, la saison, la longue attente des lettres nouvelles, qui restaient quelques fois six semaines en chemin, nous nous vîmes obligés de prendre d'autres mesures: le Prince étoit obligé d'aller à Venise, à cause qu'il avoit tant de monde de toutes les nations à sa suite et qui lui étoit plus nuisible, qu'avantageux.

Ma santé ne me permettait pas de m'exposer à étre quelques semaines sur la mer, je pris la résolution de prendre la route de Naples.

Je suis arrivé ici le 7, je trouve, que les nouvelles de différentes parts du monde, que la paix n'est pas ratifiée et que Monsieur de Bouhachew avance tous les jours; la malice de beaucoup de personnes ont fait courir le bruit et ont fait insérer leur fausse nouvelle dans les gazettes, que Monsieur de Bouhachew etait pris, nous avons des lettres originales du contraire.

Le seul moyen, qui me reste, est de me transporter à Constantinople par la Hongrie, mais comment passer? Cette Puissance est liée avec Catarine, ici je serai découverte; cela ne ferait rien, mais pourquoi donner matière à la curiosité et les dépenses? Je suis mortifiée de ce, que je vous donne tant de peine, mais que faire! Je ne crois pas aux miracles, mais bien à la possibilité des choses, qui sont dans le pouvoir humain, dirigé par la droiture et le bon sens, même par la compassion, car tout être raisonnable doit avoir compassion de mon sort, il est cruel et terrassant. Adoucissez, le digne ministre, par un effet de votre âme généreuse! Le Ciel veillera sur vous.

Ma naissance, mon état, ma vie m'est quelques fois à charge, ce qui redouble mon tourment et mon impatience, c'est que je suis assurée comme de mon existence, que dès que j'arriverai à Constantinople, je renverserai cette irrésolution, qui provient d'une fausse politique, qui est une méfiance naturelle, que les Orientaux ont

des autres nations, et je perds ici mon temps, je déterminerai la Porte à sauver son honneur et à me seconder dans mes droits légitimes; le Testament fait foi, je le tiens; je n'oublierai pas les intérêts de Votre Cour auprès de la Porte, car votre Commerce souffre terriblement au Levant par ce Traité, qui a été signé du Grand Visir: faites, je pous conjure, ce que vous pourrez, je serais toute ma vie en revanche avec les sentiments de reconnaissance pour toute la nation Anglaise.

Ici les dépenses sont grandes, je n'ai plus de fonds, Milord de Montégu m'en prêterait, s'il avait les siens; voici quelques unes de ses lettres. Si je pouvois trouver une petite somme de 7000 sequins, je donnerai des assurances sur des terres en Allemagne, que le Duc de Schleswig-Holstein, Prince, Comte régnant de Limbourg, a eu en héritage de la maison de Linenge, fief de l'Eléctorat de Trèves, le nom de ce Comté est Oberstein, sur la Ahoa frontière de Lorraine, car quand nous nous sommes vus sans argent, nous avons commencé à contracter des dettes, qui doivent être payées ici. Voyez mon état, digne ministre; vous ne pourrez pas me refuser par votre bon coeur quelques papiers, qui me serviront de sûreté partout, où je serai en quelque danger..

Voici ce, que V E. peut faire sans se compromettre en rien: ce serait de m'expédier un passeport sous le nom de Madame Walmod, ou autre, comme si j'étois Hanovrienne; je sçais l'Allemand, une peu d'Anglois, par conséquent, je ne serai pas trahie, V. E., instruirait le Ministre de Votre Cour à Vienne, et le même Ministre me donnerait les moyens de passer à Constantinople; je voulois aller moimême à Naples, mais j'ai craint, que cela feroit quelque mécontentement à V. E.; comme il y a beaucoup d'Anglois ici, V. E, pourrait écrire à quelqu'un, pour qu'il s'intéresse à mon égard à condition, qu'on gardera le secret; je laisse à V. E. le soin de ménager les choses selon son bon plaisir. Vous avez plus de lumières, que moi, j'attends des conseils de votre part, toute ma vie sera accompagné de la plus vive gratitude.

Je n'ai pas un moment à perdre, je vous conjure, faites des réflexions, j'ai une aveugle confiance en V. E. Si je pouvais vite partir d'ici, j'arriverai encore avant la fin de l'hyver à Con-

stantinople, et avant que les troupes entrent en campagne, vous voyez, digne ministre, que mon sort dépend actuellement de V. E. Je ferai de point en point tout ce, que vous me direz, et suis et serai toute ma vie avec les sentiments les plus sincères et avec l'attachement le plus inviolable de Votre Excellence

la plus humble et très dévouée

Servante

Princesse Elisabeth.

Rome, ce 21 Décembre, 1774.

P. S. J'ai beaucoup de lettres de personnes de Votre Nation, je ne veux pas vous fatiguer.

№ XII.

ПИСЬМО САМОЗВАНКИ КЪ КАРДИНАЛУ АЛЬБАНИ.

Copie du Billet au Cardinal Albani.

La Princesse Elisabeth recoit avec la plus vive joye l'assurance gracieuse de Votre Eminence, qu'elle lui facilitera tous les moyens nécessaires pour conserver la confiance, qu'elle a en Votre Eminence.

Elle commencera par donner une idée du motif, qui la fait agir, et elle joint ici celles copies, qui serviront d'éclaircissement à Votre Eminence. Comme tout le système d'aujourd'huy est tombé, il ne faudra pas beaucoup d'explication à Votre Eminence, pour lui faire connôitre les moyens, qu'il y a pour concilier les esprits, qui sont intéressés dans les affaires du tems. Nous sommes en avantage, nous avons toutes les nations pour nous; la paix, qui nous soutient, il y aurait par conséquent moyen de faire quelques pas à l'avantage de la Pologne.

Le tout seroit fait, si l'on n'avoit pas contrecarré les vues de la Princesse. Elle étoit allée à cette fin à Raguse pour pouvoir passer sûrement à Constantinople. Elle a envoyé deux lettres à l'Empereur, dont voici les copies. Pendant cette expédition, cette paix chimérique, se conclut entre les Généraux, quel parti prendre dans des circonstances aussi critiques? La vie, l'honneur tout étoit exposé. Il fallut donc s'armer de courage et prendre une autre résolution, pour prendre un autre chemin. Tous les moyens nous étaient coupés, toutes les lettres interceptées: en un mot la Providence seule nous a soutenus dans tant de disgrâces.

Pour en revenir au premier but, si la Princesse Elisabeth a le bonheur de vaincre ses ennemis, Elle fera une convention avec la Cour de Rome, que tous les moyens, qui seront praticables, Elle les employera, pour que la Nation reconnoisse l'Eglise de Rome. Le tout est ignoré, de tout le reste de la terre, c'est à dire, les vues de la Princesse. Elle conjure Votre Eminence de lui tenir le secret.

Comme Elle ne sçait pas, qui sera élu Pape, Elle est bien aise de prévenir Son Eminence, Elle est assurée par son charactère noble et distingué, qu'il fera pour Elle ce, qui sera dans son pouvoir. Elle de son coté a l'honneur d'assurer Son Eminence, qu'Elle fera l'impossible, pour lui témoigner sa vive gratitude.

Une réflexion. Selon le bon sens, il paroit, que le plustôt sera le mieux, que la Princesse parte. Mais Elle ne sçait pas, pour quel pais partir, pour être assurée. Elle voudroit avoir une conversation avec les personnes, qui sont les premières intéressées dans leur patrie, même qui en sont chefs. Il faudra amuser le Roy de Prusse; faire des plans avantageux aux uns et aux autres. Quel malheur, que la Princesse soit privée du bonheur d'entretenir le plus digne de tous les Cardinaux, que le Ciel veuille exaucer nos prières; qu'il place cette couronne sur la tête de Votre Eminence. Nous vous conjurons par nos larmes, par toutes les souffrances de tant de peuples éplorés, de ne vous pas opposer au bonheur de tant d'âmes, qui puiseront leur bonheur dans votre sein.

Ne craignez, que le sexe trahisse nos fermes résolutions; non, la faiblesse humaine est toujours réservée à l'humanité; mais dans les affaires, qui ont leurs sources secrètes, n'y succombent jamais: nous attendons des conseils et des lumières de la générosité de Votre Eminence, étant à toute épreuve.

№ XIII.

ПИСЬМА КНЯЗЯ ЛИМБУРСКАГО КЪ САМОЗВАНКѢ.

1.

Celle-ci n'est, que pour vous prévenir, mon très cher enfant, que je ne serai rendu, que demain le X Septembre à Francfort et qu'il m'a été impossible d'y arriver plustôt, je n'arriverai donc, que dimanche à Coblence, où j'espère de recevoir de vos nouvelles. Je puis donc être rendu indubitablement la semaine prochaine à vos pieds. En attendant je vous supplie de ne point répondre à M-r de Hornstein, car il serait impossible, que vous puissiez éviter de tomber en contradiction avec ce, que j'ai avancé; quoique ce n'est que la pure vérité, mais vous m'avez rendu un peu politique. Il s'agit donc d'être d'accord entre nous; je ne puis rien vous dire de nos affaires, sinon, que je me tue à les réparer et à trouver des moyens; pour ne point vous exposer à redevenir la risée des... envieux. Mon amour pour vous, mon cher enfant, redouble chaque jour, malgré tout le mal, que vous m'avez fait; je me meurs de douleur, quand je pense quelquefois, que la raison pouvait bien ne point être d'accord; tachez donc vous, qui êtes la sagesse même d'y apporter remède; il s'agit de penser sérieusement à notre bonheur futur. Je m'attends surtout, que vous m'accorderez cette fois de pouvoir mettre ma conscience en repos, et que je prenne toutes les précautions, pour pouvoir vous aimer avec autant de pureté, de sincerité. Soyez persuadée, qu'il est de notre intérêt, que ce soit ainsi et que mettant Dieu de la partie nous nous moquerons de l'univers, car je suis résolu de vivre dorénavant en bon chrétien de tout sacrifier à celui, dont je tiens tout et de qui j'espére tout,

même notre union, qui seule peut faire mon bonheur dans ce monde.

Adieu, mon adorable cher petit enfant; je t'aime plus que jamais.

№ XIV.

2.

À Bartenstein, ce 14 de l'année.

Je pars demain, mon très cher enfant, pour Augsbourg, après m'être arrêté ici 3 jours, à cause d'un accident imprévu et de la plus grande importance pour cette maison; j'ai eu le bonheur de réussir en ce, dont ils m'avoient chargé et qui les occupait infiniment. Il a beaucoup été question de 65 (Alij) et je fus fort surpris de voir débuter 57 (Bartenstein) par me dire, que selon toute les apparences 65 (Alij) était fille de feu 4 (Elisabeth) et du Hetmann des Cosaques; que le Lieutenant de P. de 45 avoit donné les plus grands éloges de sa conduite, et tout le monde meurt d'envie de connoître ce chef d'oeuvre, il n'y a, que l'extraordinaire, dont toute contrée est imbibée, qui tient encore en suspens tout le monde, et je me convaincs plus que jamais d'avoir eu raison de soutenir, que c'était la plus grand bêtise, qu'on avait fait, l'on restoit court par évènement.

Je vous embrasse, mon cher enfant, de toute mon âme et suis pour la vie tout à lui.

À Augsbourg, ce 17 de l'année.

Par mégarde on a gardé cette lettre sans la mettre à la poste, ce qui me désespère, Mentor ne sçait plus, où il en est; il était temps, que j'arrivasse, car il avoit reçu des impressions contraires de Calipso. Comme la poste part je n'ai point le temps d'entrer en détail. Il suffit, mon cher et aimable enfant, de vous

dire, que je meurs d'envie de recevoir de vos nouvelles et qu'un paquet, que vous avez envoyé à Schenck, a été ouvert à Francfort; celui-ci devrait être sur ses gardes; je vous prie de vous tranquilliser et de me marquer ce, que c'est, que la réponse de à Marine; il m'a dit lui avoir écrit, à l'égard de nos affaires d'Oberstein; je le...... vous en marque quelque chose au premier jour, vous pouvez dire au baillif, que j'avais souhaité l'avoir amené et qu'il vous dise, quels sont les villages et droits, qu'on pourrait encore comprendre dans le traité avec la France. Je suis plus que jamais de mon aimable enfant le plus fidèle esclave.

№ XV.

3.

On vient (de LXXX) (B) que (du) de (Ci) qui est en (74) veut
d'avertir Philippe le confident Radzivil Palatinat
que (Ci) se (CXX) à (155), où il ne serait pas (q) comme à
Radzivil loge Deux Ponts maitre
(154), mais comme ce Monsieur est hypocondre et mélancolique,
Oberstein
il (LXXXXIX) toujours de (VI) et veut être à coté d'un (CZ)
craint mourir médecin
qui a été longtemps en (3) il (.I.) la langue et il y a beaucoup
Pologne parle
de (CVII).
confiance

(B. C III.) que (CC.) aura (L XXX II) mes trois (ex) (en)
Philippe espère - Betti obtenu lettres l'Empereur
(LXXXII) vouloir (CCX IV) à l'égard de (B) il a (LII) au
parait de loin changer Philippe déclaré
nouveau (db) de (59), qu'il re (LIV) les droits de (B) pour
ministre Hollstein connoitroit Philippe
légitimes et n'y pouvait rien faire de contraire, donc il faut
(C IV), que (en) a envie de nouveau de les (LXX) contre (I V.),
croire l'Empereur appuyer le Danemarc
qui va (X L I) avec (+-+) ce qui serait le plus grand bonheur
rompre la glace la Suède
pour (B) et &c.

Philippe
Il y a à chaque moment d'autres (b r,) ce qui (XX VII) à
gazettes donne un titre
(C IV), que le système politique n'est pas encore de (XXXIV), mais
croire durée
on (CL XXXX IV) pour sûr (X 1) entre (I-V) et (+-+-)
annonce une guerre la Suède le Danemarc
Quel bonheur! Vive (A.). de (154.).
Betti Oberstein

(Sa) gallhau.

№ XVI.

4.

Voilà donc notre bon Roy mort, et selon ce que le député
en augure, ce ne sera point le plus grand malheur, qui aye pu
arriver dans les conjonctures présentes (Ca) doit s'être expliqué
Le Dauphin
d'une façon avantageuse (Bz) se laissera plutôt animé à suivre
Oginsky
le plan et d'aller joindre (A) à (101), c'est pour cet effet que (B)
Betti Venise Philippe
écrit la lettre cy-jointe, je dois aussi prévenir V. A. que feu
(94, 5. 96. 9) (7. 92. 16. 8. 11) pourroit bien encore être en
Pugatscheff
vie (F) le croit, j'ai dit, que comme (A) m'en avoit fait un Mys-
Carline Betti
tère jusqu'au dernier moment, je n'avois pas seulement eu l'idée
de le demander, de même que je n'avois point pu demander
(EX) de (DK) ni du (ET) sans marquer une défiance indiscrète, que
la lettre Pugatschew Courier
(BZ) s'éclairciroit là dessús.
Oginsky

J'ai fait copier une lettre, qui est arrivée à Marine absent,
vous en verrez, mon cher enfant, le contenu et comme celui-ci tardera
encore quelque jour d'arriver, on lui fera connoître votre embar-
ras de ce retard, en attendant il sera absolument nécessaire de

lui écrire une lettre ostensible pour touts les créanciers, sçavoir, que vous auriez soin de faire_acquitter le tout par un banquier à Paris, que vous lui rembourseriez non seulement touts les billets, mais également l'argent comptant avancé, ainsi que les frais et dommages, qu'il avoit eu, et que vous y joindriez à ça une reconnaissance proportionée au service, qu'il vous avoit rendu et effectivement ce pauvre diable a vraiment bien agi et comme il ne faut jamais juger de l'importance du service rendu par les hommes mais par les facultés de celui, qui les fournit, il y a fait plus, qu'il ne pouvait.

Il faut cependant, que vous lui disiez de me remettre une note (que je vous enverrais à l'adresse, que vous m'indiquerez) de touts les déboursées et prétentions, et que c'étoit sa faute de ne l'avoir jamais voulu faire, sans quoi vous auriez déjà réglé cet article. Merain m'a dit, qu'il croyoit, que vous lui aviez laissé le billet de 50000 fl. pour lui en faire une galanterie; dans le temps j'ai répondu, que ça se pouvoit, et qu'il falloit bien compter de retirer le double et le triple, si les affaires de la Princesse prenoient une bonne tournure, et que si ça n'étoit point, le malheur seroit aussi grand pour elle, que pour les autres, que sûrement elle ferait l'impossible pour tâcher de s'établir ici, sachant, combien que (B) l'aimoit et qu'elle étoit adorée de tout le monde etc etc. c'est
Philippe
ce, qui m'a paru le rassurer.

Je partirai mercredi l'après diner pour Comblence, et serai rendu jeudi pour y attendre ce, qui doit me venir de plus cher au monde; vous aurez sans doute reçu ma grande depêche de hier ainsi que la clef pour lire ce, qui suit; j'ai pensé, que ça étoit très bon pour pouvoir écrire les mots, que la clef, que vous avez ne marquoit point et dans le cas où vous perdriez la première, ou que la situation des affaires exigeroit, que vous la brûliez, pour lors il faudroit donc m'en donner avis sur le champ; faites seulement attention, que dans le cas ou j'écrirois purement avec des chiffres les lettres, qu'on met entre les chiffres, ne disent rien et que ce n'est que pour marquer la distinction entre les lettres au lieu des points, car au bout de chaque mot, on fait une virgule. A propos vous verrez peut être chez le Ministre un homme

qui s'appelle S-t Flosel: il en est ensorcelé et je crains, qu il ne le perde un jour; cet homme a la réputation du plus grand coquin, a trahi le maitre, qu'il avoit servi pendant dix ans et qui l'a tiré du néant et sauvé du précipice, cet homme est fin, mais point assez savant pour ce dont le Ministre s'en sert et très grand bavard, vous le trouverez aussi insolent et hardi, qu'il est débauché; ce seroit le plus grand service à rendre à notre bon Ministre de le débarrasser d'une pareille créature, qu'il le récompense pour le service, qu'il pense en avoir eu et s'en sépare, mais j'ai peur, qu'il n'en sera rien avant qu'il ne l'ait trahi à son tour et pour lors il ne sera peut être plus temps.

Si j'avois su combien je (9. Z. 7. 95. 6. 7) (16) je ne
t'aimois
(92. 9. 5 93. 6. 7. 16), jamais laissé (94, 9. 93. 92. 7. 93)
t'aurois partir
non je ne (16. u. 93. 4. 7. 4. 93. 8) point si ça (10. 6. 14. 9.
survivraí continue
Z. 7. 14. 5. 9) donnez moi une (9, 98. 93. 8. 16. 5. 93. 8) adi-
adresse sûre
eu (95. 9, ɔio. 12. 8. 93. 8, 94. 92. 7. 92. 8.
ma chère petite

№ XVII.

5.

Malgré.... malgré.... malgré.... je fais toujours ce que vous voulez, et comment pourait on chagrriner ce, qu'on a si tendrement et sincèrement aimée, quand on aime pour soi, on cherche son plaisir; quand on aim, comme je le fais, on sçoit y renoncer, quand il le faut. Je vous conjure donc, mon cher enfant, de ne vous occuper que de vous, de ce qui peut vous procurer votre vraie satisfaction; je saurai toujours renoncer à mes droits, lorsqu'il s'agira de les céder pour vous rendre heureux, mais de grâce ne vous faites pas illusion à vous même. Vous êtes à un âge, où il est temps de réfléchir, et dans une position, où toute méprise devient irréparable. Consultez vous d'abord avec Dieu, implorez son

secours, sacrifiez lui votre coeur, qui est la seule chose, qu'il ambitione et que vous ne devez, qu'à votre créateur, qui l'a créé pour lui; il usera de touts les moyens pour le gagner, et si vous persistez enfin à lui résister, il vous abandonera à votre aveuglement volontaire.

Je serais enchanté de vous voir et de vous retrouver partout; si je ne cherchois à vous éviter de la peine, je vous communiquerai une pasquinade, qu'on dit annoncée dans une feuille périodique, qui ne peut regarder, que vous et l'étranger de Mosbach; elle est très humiliante et vous donne un objet de tendresse indigne du rang que...... je connais ce personnage par ce, qu'il lui appartient au Palatinat; je compatis à votre faiblesse, si ça est, mais je ne vous pardonnerai jamais une bassesse surtout après..... je me garderois cependant bien de vous donner des conseils. Il y a des gens de mérite dans la lie du peuple et dont les sentiments ennoblissent la naissance; la vertu seule est digne d'un Thrône, mais elle doit être reconnue et éprouvée; elle ne se mesure point à l'aune.

Le bonheur ne dépend, que de la tranquillité de l'âme; tout ce qui y mène, doit être l'objet de nos désirs, tout le reste est vanité, erreur, mais jamais on n'en peut jouir, que par la vertu. Si donc vous trouvez, de quoi vous procurer ce bonheur, Md. Frank, ou Md. Schöll, ou Madame Trémouille, ça reviendra au même, que ce soit par la flûte, ou par le tambour, mais qu'il est rare, mon cher enfant, de ne point se tromper, lorsque la seule passion nous guide. Maudit amour, raison sévère à qui des deux dois-je céder! (dit Racine), qu'un instant de plaisir me va couter des pleurs. Vous voyez, que je suis raisonnable et que je ne gronde point, mais je veux, que vous le soyez aussi et que vous me regardiez comme un vrai ami; ces sentiments, je crois, me méritent ce titre et c'est tout ce que j'ambitionne, puisque votre Sangchaud m'a privé de celui d'amant; je suis chaud aussi, mais que Dieu me damne éternellement, si j'en ai fait l'essai depuis le départ de Betti et j'ai juré au Dieu éternel, que jamais plus ça m'arrivera. Je vous prie de dire à votre protégé, que s'il ne pouvoit point faire les preuves de grand croix d'ancienne noblesse, il pouvoit avoir l'autre ordre, et que je le lui ai donné ad honores, pour pouvoir le gratifier des 300 ducats, car je n'aurais pas pu me relâcher sans

cela. Vous lui remettrez aussi l'extrait des statuts, qu'il paroit ignorer. Je vois bien, qu'on vous soupçonne, qu'on ouvre vos lettres au style, cependant ça m'embarrasse; si vous envoyez le nègre, que ferez vous de la negresse, son père et sa mère se desesperent, et si vous suivez vos projets, je ne crois point, qu'il vous faille une grande suite. J'ai fait dire des Messes et ai fait mes dévotions, pour que Dieu vous bénisse et surtout qu'il vous éclaire ou plustôt amollisse une fois votre coeur, qui ne cherche, que les ténèbres et n'aime, que la vanité et l'illusion. Excusez, ma chère amie. On vous flatte assez pour que j'ose vous dire la vérité. Le musicien officier a écrit à sa famille et prétend, que le Pr. R. s'y est seul opposé, serait-il possible, qu'il en eût eu connaissance: dans ce cas je serois plus surpris de son changement.... tout le monde vous aime et estime ici, cependant ça n'empêche point, qu'on ne me propose des jeunes vertus de touts côtés pour me marier, mais Dieu, qui gouverne mon coeur, m'inspire d'autres sentiments, et j'espère, que les vôtres ne me déshonoreront jamais, car mon amitié a été à toute épreuve

P. D. L.

№ XVIII.

ПИСЬМО КНЯЗЯ РАДИВИЛА КЪ САМОЗВАНКѢ.

Madame!

Je regarde l'entreprise de Votre Altesse comme un miracle de la Providence, qui veille sur notre infortunée patrie, en lui envoyant au secours une si Grande Héroïne.

Je brûle de l'envie de vous faire ma cour; mais il y a de petites circonstances, qui me retardent ce bonheur. Je volerois dans l'instant chez Votre Altesse, mais étant habillé en Polonois, je crains, que cela ne donne aux yeux curieux; Votre visite chez moi pourroit faire le même effet, y ayant beaucoup de monde. Il faut donc choisir un lieu à l'écart pour notre entretien, afin de nous soustraire à la vue de ces lynx.

J'ai une maison, que j'ay fait louer depuis un mois; elle reste toute vide. Si Votre Altesse le trouve bon, Elle voudra bien

s'y rendre incessament. Je m'en vais vous y attendre. Le porteur de celle-ci, homme d'une fidélité reconue, vous servira de guide J'attends avec tous les respects possibles,

Madame,

de Votre Altesse

Le très humble et

très obéissant serviteur

Charles Duc de Radzivill,

Palatin de Vilna.

№ XIX.

ПИСЬМО ГРАФА М. ОГИНСКАГО КЪ САМОЗВАНКѢ.

À Paris, 9 May, 1774.

J'ay reçu deux de vos lettres, Madame la Princesse, du 28 d'Avril et l'autre du 1-er de May, avec le même empressement et le même contentement. Vous m'apprenez deux voyages, que vous projetez, celui de Londres et de Gènes, j'attendrai avec impatience lequel des deux vous sera le plus nécessaire, pour vous accompagner des voeux les plus sincères partout, où vous tournerez vos pas.

Je me remets un peu de mes maux de reins, qui m'ont tenu jusqu'à présent presque dans mon lit; je me serais efforcé pour vous voir, si un nouvel empêchement n'y mettoit obstacle, la petite vérole du Roy, dangereuse même jusqu'à présent, imposeroit même une indécence, à quiconque feroit semblant de s'absenter dans ce moment-ci de cette capitale. Je pris le parti de vous envoyer un homme, auquel je puis me fier, c'est le gouverneur des enfans de mon beau-frère, homme sage et discret; chargez le d'une lettre moins énigmatique de ce, qu'elles ont été jusqu'à présent, par toutes les nouvelles, que vous me dites d'avoir recues; je vous suppose instruite des quatre parties du monde, et en avoir la régie, je suis convaincu, que vous vous acquitteriez le mieux du monde, j'ai l'avantage de connoitre et votre tête et votre âme.

Quant à moi, mes persécutions continuent toujours, dans ce moment-ci je suis averti, qu'on veut m'ôter ma charge, la seule chose, qui me restoit encore après le bien sequestré; jugez après cela, comme les énigmes font plaisir. D'ailleurs mon attachement pour vous est si pur, qu'aucune double atteinte ne peut être de son ressort, ni de son goût. Vous n'aurez pas d'excuse, l'occasion est sûre, faites parler votre coeur et votre plume, je n'aurois que des oreilles et ma sensibilite pour recevoir vos impressions, mais jamais de bouche pour répéter ce, que vous m'aurez confié.

Je vous assure, Madame, que de ma vie je n'ai essuye tant d'inquiétude à votre égard, au sujet des affaires, bref au sujet de la somme des circonstances du tems; l'article, qui vous regarde, m'est le plus précieux; je voudrais que vous soiez heureuse, comme vous le méritez, et je ne sçais quel chemin doit vous conduire, je voudrais être un peu moins malheureux, et je ne sçais quels en sont les moyens, je voudrais le bonheur de ma Patrie, et je n'en vois pas le premier commencement, cela fait autant de différents tourmens, qui ne font naître que des inquiétudes, mais point des ressources. La destinée de l'ignorance est plus cruelle que celle de l'inaction, la première aveugle, la seconde peut être imposée par la force supérieure, hors il est toujours plus malheureux d'être aveugle, qu'inagité. Éclaircissez moi sur tout, Madame, donnez le cours libre à votre plume; je verrai, si elle me dira tout ce votre coeur pense, et s'il pense comme je le désire, assurez-moi pour toujours vos bontés, ne les variez jamais, que dans la manière de me les témoigner.

Quoiqu'à peine je puis me remuer encore, j'aurais pourtant fait l'impossible pour vous voir, sans l'accident nouveau de la maladie du Roy, il m'auroit été bien doux de vous embrasser. Combien de fois ne se dit-on pas par jour, qu'on ne fait jamais ce que l'on désire avec le plus grand empressement, il suffit de désirer quelque bien avec ardeur, pour qu'il n'arrive pas.

Adieu, Madame la Princesse, conservez moi toujours vos bontés; peut être un tems viendra, qui me rapprochera de vous, pour vous témoigner ma reconnaissance.

№ XX.

ПИСЬМО Г-НА ДЕ МАРИНА КЪ САМОЗВАНКѢ.

Madame!

Agréez les compliments, que j'ay l'honneur de faire à Votre Altesse, sur tout ce, qui luy est arrivé d'agréable et satisfaisant pour nous, depuis que nous avons eu le malheur de vous perdre. J'ignorois jusquy'cy la raison, pour laquelle je n'avois point été honoré de vos ordres, depuis que M. Merain m'avoit rapporté d'en avoir eu l'assurance de vous, ny de réponse à plusieurs lettres, que j'ay eu l'honneur d'adresser à M. Le Ministre à Augsbourg. Je ne fais que d'apprendre par le Prince, qui est de retour ycy depuis peu et qui repart demain, pour terminer une affaire avec L'Electeur Palatin, relativement à Mulheme, semblable à celle, qu'il a faite avec l'Electeur de Trèves, que ne sachant pas ou ne voulant pas savoir, où vous vous trouviez, il ne s'étoit point chargé de l'envoy de lettres, ce qui m'a fait beaucoup de peine, comme vous le pouvez penser. Madame Son Altesse m'avoit jusqu'ycy fait un espèce de mystère de votre séjour actuel, mais les lettres de M. Knor à ses amis du voisinage et tout ce que nous venons d'apprendre par les nouvelles publiques, mais particulièrement par des officiers Francais, qui en ont fait le rapport à leurs chefs, m'a si bien développé ce, qu'on sembloit avoir à coeur de cacher et de diminuer par la vive joye, que j'ay ressenti que le moment, où je suis sûr de pouvoir m'expliquer avec Votre Altesse est devenu l'époque la plus consolante et la moins attendue pour moy. Vous estes donc, Madame La Princesse, à la tète d'un parti distingué et dont vous estes bien faite pour relever le courage abattu, votre prudence, votre discernement, votre prévoyance leur doivent être garants d'une retraite quelquefois plus glorieuse, que la victoire même. Il n'est pas étonnant de voir une élévation d'âme au milieu des succès, c'est même naturel, mais d'en imposer à une fortune rebelle, d'en imposer à des évenements bizarres et tout à fait contraires à ce qu'on devoit se promettre, ce n'étoit réservé qu'à une Elisabeth de vaincre de cette sorte; tel que soit donc l'évènement, Madame, il ne nous

peut devenir qu'heureux, puis qu'il vous sera toujours favorable. Si vous poussez en avant, il y aura bien quelques feuilles de vos lauriers, qu'il nous sera permis de ramasser; si, au contraire, vous revenez à nous, il n'en faudra pas davantage pour remplir nos coeurs de la plus douce consolation et de la plus vive satisfaction. Il n'y a qu'un cri après cette incomparable Princesse, et il semble, que l'époque du bonheur commun ne sçaura se fixer qu'à celle de votre retour dans nos rochers. Ce n'est point, que nous n'ayons de quoy nous distraire de temps en temps, par les visites, qui nous viennent, nous avons joui de celle de M. le Duc de Larochefoucault, ensuite d'une autre que M. de Compagnot nous avoit amenée, et dans ce moment nous possédons l'agréable et très spirituel Comte de Bussy, qui nous occupe et qui a le don d'amuser le Prince, en fesant adroitement tomber la conversation sur Votre Altesse, sur tout ce qu'il en a entendu dire d'agréable en France et de ce dont on ne cesse de luy corner les oreilles à Oberstein. Il n'est pas difficile, qu'avec cela il réusisse entièrement à faire sa cour au Prince; chacun s'offre à l'envie l'un de l'autre de luy apporter des nouvelles de Raguze; par la peine qu'on le voit souffrir de n'en avoir point d'assurée et de vous sçavoir au milieu de troubles et d'agitations, qui intriguent aujourd'hui toute l'Europe, ainsy que Votre Altesse le verra par les feuilles publiques, qu'on m'a remises et que je prends la liberté de vous adresser. Le Prince, qui ne nous inquiète pas peu, prétend que vous seriez beaucoup plus nécessaire à la Cour de France pour vous assurer des dispositions des Ministres, afin de donner la première impulsion de ce costé là et de pouvoir ensuite reposer sur un système fixe et assuré, avant que de s'aventurer vers l'Orient. La vie et la mort ne dependent que d'un moment de fantaisie, d'un succès, ou d'un malheur, d'une défiance quelquefois, ou d'un trait de politique, qui abat les têtes les plus élévées de ces régions. M. de Bussy est chargé de la part du Prince pour traiter de ses intérêts à la cour de France, et je sçais, qu'il luy à été particulièrement recommandé de s'occuper sérieusement à les combiner avec les Vôtres, et même de se charger des miens, par la liaison, qu'ils ont avec ceux de la gloire de Votre Altesse; car j'ay des ennemis dans ce pays là et ceux, qui se disent mes amis, ont cruellement abusé de ma confiance et de ma longue absence, qui y a donné

lieu; on ne parle chez nous, que de subsides, de prétentions et d'entreprises, il seroit donc bien malheureux, que vous ne soyez point à la tête de tout; mais comme vous ne sçauriez être partout, où vous seriez nécessaire, je me contente de vous souhaiter toutes les prosperités là, où vous étes, à charge toutefois de ne point oublier quelqu'un, qui n'a d'autre esperance, que dans vos bontés et qui ne peut être égalé, que par la confiance, que j'ay toujours mis dans vos promesses et dans la gloire de vous être attache avec le plus profond respect, avec lequel je suis de Votre Altesse le très humble et très obéissant serviteur.

B. D. Marine.

Daignez, Princesse, agréer les hommages très respectueux de M. Merain et mes excuses d'employer une main étrangère pour avoir l'honneur de vous ecrire: une indisposition, qui m'accable, me force d'en user et mon empressement à avoir des nouvelles de Votre Altesse ne me permet pas de différer.

À Oberstein, le, 13 May, 1774.

№ XXI.

ПИСЬМО Г-НА МОНТЕГЮ КЪ САМОЗВАНКѢ.

A Son Altesse Madame la Princesse Elisabeth etc. etc. etc.

À Raguse,

Madame!

Mon destin est singulier, faut-il qu'une personne, comme Votre Altesse, une Princesse née pour faire le bonheur d'un Empire, me rende malheureux! Hélas Madame, c'est cependant un fait, ma liberte, mon indépendance me rendoit heureux et m'assuroit de la tranquillité par une médiocrité, mais au dessus du besoin; informé des fortes prétentions de Votre Altesse, je perdois ma liberté, je ne pouvois faire de moins que de m'intéresser à son sort et en

m'y intéressant c'en étoit fait de mon bonheur, mon indépendance n'existe plus et je ne peux plus jouir de ma tranquillité. Hélas! Madame, que la situation de V. A. touche, cela n'est pas assez pour Elle, il s'agit de la servir, il s'agit de lui être utile, c'en est trop pour moi, et il ne m'en reste qu'une affliction, qu'un désespoir de ne pas être en état de l'assister; la même raison, qui m'empêchoit de pouvoir l'escorter, quand Elle partit d'ici, m'a toujours empêché depuis de satisfaire à mon empressement de me rendre à ses ordres, et encore me met hors de pouvoir de voler à son aide; le manque d'argent, l'affaire de l'héritage du feu Duc de Kingston, est loin d'être finie, la Princesse sa veuve, qui a l'honneur d'être connue de Mons-r de Radzivill, n'est pas encore arrivée en Italie. Je voulois au moins passer à Tunis, pour être dans un bon climat, pour être sur terre Musulmane, mais non, l'on m'écrit, que la crise en ces affaires tant de moi, que de ma cousine germaine, ne me permet de m'éloigner d'un pas: qu'elle juge donc de mon chagrin, pour ce qui regarde V. Altesse; quant à ma personne, je suis au dessus de la fortune.

J'avois refusé les emplois les plus brillants; je croyois mon bonheur attaché à son service, je me croyois déjà honoré de sa protection, je me voyois distingué par un ordre de sa main, je la voyois, et la voye sur le Trône. Le Sultan ne peut qu'être touché de son sort, il ne peut que suivre son conseil; j'aurai pu répondre du dernier, j'avois l'honneur de le connoître beaucoup, il m'honoroit d'une protection singulière, je ne connois pas celui-ci, mais il a mal débuté; il ne peut réparer sa faute que par deux manières: l'une de n'entrer dans aucune paix, qui ne soit dictée par l'Angleterre et son propre honneur, l'autre à mettre le sabre à la main, marcher à la tête de son armée, combattre sous l'étendard de Mahomet, confondre les ennemis par une démarche hardie, et suivre les traces des premiers conquérans Arabes; mais s'il écoute l'Autriche et la Prusse il n'en fera rien. Je le plains, je plains Votre Altesse, mais comme Démocrite je pleure le sort des illustres malheureux, parce que je ne puis remédier. V. A. a fait tout ce, que la sagesse et la prudence pouvoit dicter; est-il possible, que Mons-r de Radzivill aye dépensé l'argent, qu'il a reçu peu à la vérité, mais beaucoup pour Raguse. J'ai parlé

immédiatement à Mons-r le Comte Polonois, qui me dit, qu'il la pourroit assister et qu'il le feroit (peut-être), s'il sçavoit, combien suffiroit; je lui répliquois, que deux ou quatre mille suffiroit; il me répondit: Son Altesse, ne m'en a pas écrit, je lui dis tout ce, que l'occasion et les circonstances me suggéroit égard à l'importance du service, égard à mon obligation particulière, égard à la manière de faire parvenir la somme à V. Altesse, tout a été inutile, sans cependant donner d'autre raison, que de répéter: l'on ne m'en a pas écrit. Ainsi je ne vois pas, qu'il soit possible de l'assister aussi promptement, qu'il le faudroit et qu'elle souhaiteroit, mais je crois fermement, que si V. Altesse daignoit écrire à Mons-r le Comte et lui demander une somme, pas trop forte, qu'il la fourniroit immédiatement, et je puis la faire toucher immédiatement à Raguse, car je connois un négociant Ragusin ici. À peine Votre Altesse pourra lire cette lettre, mon désespoir tant m'affecte, que je ne sçais quasi ce que je dis, et cette anxiété empêche ma main d'être ferme, je sçaurai cependant toute ma vie dire et souscrire, que je suis et que je serai toujours avec le plus grand respect et l'attachement le plus inviolable

de Votre Altesse

le plus humble et

plus dévoué des serviteurs

Montaigu.

Je souhaite que V. Altesse trouve Mons-r d'Holstein comme Elle écrit, l'affaire de Valy me surprend; l'officier de Mons-r Radzivill a donné à soupçonner à Mons-r Polonais, qu'il revient droit ici.

№ XXII.

ПИСЬМО ГРАФА ПРЖЕЗДЕЦКАГО КЪ САМОЗВАНКѢ.

Madame!

J'ai certainement fort peu de temps joui du bonheur de vous faire ma cour, j'ose néanmoins assurer V. A., que j'ai conçu pour elle la plus haute estime et la plus parfaite vénération.

En vertu des pouvoirs et documents, que V. A. a envoyé ici par le S-r. Czarnomski, nous avons avec M-r de Montaigu traité avec un Génois, connu dans ce pais-ci pour la procuration des sommes. Nous l'avons trouvé disposé même de faire une avance proportionnée pour vous: (voilà ses propres mots:) que je sois sûr d'une bonne hipothèque.

V. A. autorisera ici un quelqu'un à la faire; en attendant je prends la liberté: (voyant l'exécution de ce projet assez éloigné:), je prends, dis-je, la liberté de présenter à V. A. de la somme, destinée à ma propre subsistance, trois cent sequins, que je remets au dit M-r de Czarnomski contre sa quittance simplement pour les verser dans la caisse de V. A. Je prends toute la part imaginable à la situation critique des affaires actuelles, je souhaite ardemment, qu'elles prennent au plustôt la tournure la plus avantageuse, et je supplie V. A. de croire, qu'avec le plus grand zèle pour tout ce, qui l'intéresse, je suis,

Madame,

De Votre Altesse

le très humble et très obéissant

serviteur

M. Przezdziecki.

Venise, le 16 du Mois
d'Octobre, l'an 1774.

№ XXIII.

ПИСЬМО ГРАФА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАГО КЪ САМОЗВАНКѢ.

Ach! wo seind wier geraten unglick. Bei disen alem mus man geduldich sein; Gott allmechtiger wiert uns nicht verlassen. Ich bien ezunder in dieselben unglicklichen umsstand, wie sie seind, hofe aber durch freindschaft meinen ofizirs meine freiheit bekomen und will ich eine kleine beschreibung machen der admiral Greick, aus seiner freindschaft zu mier hat mier wolen laufen lasen und sachte zu mier das ich so geschwinde wie möglich insz land gern sollte. Ich frachte von im die ursache, so sachte er, das er ein befel bekomen hat, mier und alle, die miet mier seind, in arest zu sezen. Wie ich schon alle unsere schife pasiert habe unfermerkt, san in denselben augenbliek zwei farzeige vor mir und zwei chieuter mier die chaben auf mier gerade gerudert. Ich san die sache, das es schlecht geet, chabe befolen aus der ganze macht, vor die leite rudern, was meine leite auch taten. Ich chete gedacht, durchkomen, aber eine von die andren forzeigesetzte siech in die kweer und meine schluppe muste siech aufstosen, so sein auch die andere miet zu chilf gekomen und ich war umgeringt. Ich frachte, was dieses mechte bedeiten, und sachte seit ihr all besofen, miet den grösten cheflichkeit geantwort, sachten mier, das sie ein befel chaben miech auf enander schiefe zu bieten, wo zur wenige von meinen officiers und meinen soldaten seiend. Wie ich dorten gekomen bien, so ist der kommendant zu mier gekomen mit trenenden augen und chat mier den arest gesacht; ich muste dieses verlieb nemen und chofe in Got, das der allmechtige schepfer uns nicht verlasen wiert. Was anbelangt den admiral Greick, er wiert inen alle gefelichkeiten erweisen; biete nur in die ersten zeiten kein probe von seine treue machen; er wiert auf dieses mal ser forsiechtig sein. Eins bleibt mier inen zu bieten, das sie möchten Eure gesundheit in acht nemen, und ich ferspreche, sobalt als ich die freicheit werde bekomen, einen in alle eken der welt aufzusuchen und bedienlich sein; sie solen nur siech in acht nemen, was ich von meinen cherzen inen biete. Eire eugenen zeilen chabe ich bekomen, welche ich miet weinen den augen gelasen chabe, weil ich daraus geseen chabe, das sie mier wollen beschuldigen. Nemen sie siech in acht, unsere

schiksal wolen wier auf den allmechtigen Gott legen und uns darauf ferlasen. Ich kan noch niecht sicher sein, ob sie diesesz brief werden bekomen. Chofe wol, das der admiral so] cheflich und so erlich sein wiert, das er an einen dieses übergeben wiert. Ich kiesse von chertzen Eure chende.

(23 Февраля, 1775 года).

№ XXIV.

ПИСЬМО РАДЗИШЕВСКАГО КЪ КНЯЗЮ РАДИВИЛУ.

Traduction de la lettre de M-r. de Radziszewski, écrite d'Adrianople le 13 Juillet, 1774.

Parmi les travers et périls sans nombre, qu'il me faut essuyer dans ce pais et dans ce temps-ci, cela me touche le plus, que je n'ai pu trouver aucun moyen de faire passer à Votre Altesse mes nouvelles. J'expédie à tout hasard un exprès de ce lieu-ci avec un abrégé de tout ce, qui s'est passé depuis mon arrivée à l'armée, et en quel état l'affaire se trouve.

Voyant bien des obstacles pour obtenir incessamment le firman, parce que on avait été beaucoup embarrassé à cause de l'ouverture de la campagne, et des évènemens facheux, qui sont survenus, et qui est plus qu'on nous a prévenu de touts côtés; pour ne pas laisser à V. A. de réussir dans son entreprise, je n'osois jusqu'à cette heure demander à la Porte que le firman, pour que V. A. puisse entrer librement dans les états de cette puissance, ce qui se fera, à ce que j'espère, et alors j'ouvrirai la bouche pour parler de l'argent, et de la subsistance. Il est seulement à craindre, que la paix ne se fasse bientôt, parceque il y a long tems, que le Ministère cherche, et la France travaille à y déterminer le Grand Seigneur.

Mais comme après la bataille dernièrement perdue, on voit le changement considérable dans le Ministère, il est à présumer, qu'il se passera quelque temps, jusqu'à ce que les Cours ennemies recommenceront leurs cabales.

J'ai voulu partir d'ici pour Constantinople pour y solliciter la dernière résolution, que je n'ai pas pu obtenir au camp depuis sept semaines; c'est que j'ai cru, que le Grand-Visir ne pourra plus se maintenir après une perte si honteuse; mais comme les dernières nouvelles nous assurent, que Szumlia est défendue par lui, et que l'ennemi mis en déroute, a levé le siége de cette place, ce qui lui procurera un plus grand crédit, pour ne pas le fâcher en m'adressant à Constantinople, je me suis résolu d'attendre sur le lieu le retour de l'exprès, que j'ai envoyé à Szumlia, ou des nouvelles, qu'il me donnera de ce, qui s'y passe; en attendant j'ai écrit à M-r. de Kossakowski, lui faisant part de tout, et le priant de me communiquer de quoi s'occupe-t-il.

On dit aussi, que les Russes ont été battus à Warna, et à Ruszczuk, peut-être que cela est pour encourager l'armée dissipée de s'attrouper de nouveau.

C'est surtout un bon signe, que les Gardes de l'enseigne ont reçu l'ordre de retourner, avec laquelle ils se sont sauvés ici.

Le Kaïmakhan (Vice-Visir) et autres Ministres à Constantinople ont été déposés de leurs charges, pour avoir fait de faux avis au Grand-Seigneur, et ceux, qu'on substitue à leurs places, sont loués extrêmement.

On dit, que le Reis-Efféndi (Grand-Chancelier) eut été mis à la question, et qu'il ait avoué d'être coupable de bien des trahisons.

Si cela est vrai, les chères Drogmans ses favoris y auront infailliblement leur part, qui sont appellés par le Grand-Visir.

Celui-ci à ce, qu'on dit a exilé quelques Ministres, et fait couper la tête au Pacha d'Artillerie.

Je tâcherai de trouver moyen de communiquer à V. A. tout ce, que je recevrai de Constantinople et de Szumlia, et si je trouverai quelque part de l'argent, je l'envoyerai par un exprès à Raguse, dont le Consul résidant ici m'a annoncé l'arrivée de V. A. à cette République.

Monsieur de Pula(w)ski est arrivé avec deux ducats dans la poche à l'armée, le 18 du mois passé! Là restant deux semaines, n'a pas pu obtenir une audience, quant aux vivres et au logement, on les lui a assignés.

Ce sont probablement les chicaneries des Francois, qui lui ont nui le plus. Krawat et deux autres s'étant brouillés avec M-r. Pula(w)ski, ont présenté au Drogman leurs Notes remplies de divers projets. Kliuczewski de même a voulu offrir à la Porte un secours à condition, qu'on lui donne de l'argent, pour entretenir 3000 hommes; et quand on leur a défendu de se montrer au Camp (tous vêtus d'un habillement bisarre et pas polonais), ils ont sollicité de leur donner le moyen pour retourner en France, si l'on ne veut pas accueillir ni leurs projets, ni eux-mêmes.

On ne peut pas même etc....

Le reste sur une autre feuille.

Suite de la lettre de M-r. Radziszewski.

On ne peut pas même penser dans ce pays-ci de la recrue; les Turcs mêmes ne permettront jamais de la faire sur les frontières de l'Empire, crainte d'offenser l'Empereur, qu'on ménage assez dans le tems actuel.

Si Votre Altesse vient avec des soldats, recrutés sur les frontières de Venise, elle aura la bonté de me faire savoir le plutôt possible, combien il y en aura, et combien d'argent il faudra pour cela.

Quelle fière, que soit la Porte. Je crois, qu'elle accepteroit ce projet de la part de V. A. Kluczewski s'est déclaré, qu il a assuré 3000 hommes de troupes régulières à Venise.

M-r. de Vals en doit savoir, parce que, il me semble, M-r. de Kossakowski a fait une pareille convention.

M-r. Kalinski se fait entendre, qu'il ne vèut plus longtems rester auprès de l'armée, parce qu'il se croit peu nécessaire.

Il connôit bien, que Potocki est renommé et la Confédération est comptée pour quelque chose, tant que Votre Altesse n'est pas

ici; mais aussitôt que la Porte permettra à V. A. d'y venir et traiter avec Elle seule, tous les autres ne signifieront rien, et le grand crédit de M-r. Potocki tombera infailliblement; c'est pour quoi il faut avoir soin d'empêcher, que la Généralité n'envoye quelqu'un, qui ressemblât à M-r. Zboinski.

Il est aussi essentiellement nécessaire d'avoir quelqu'un à Constantinople de la part de V. A; toutes les affaires iront mieux, quand on négociera à le fois avec le Divan et avec le Sérail.

C'est une chose presqu'impossible d'envoyer des exprès du camp à Constantinople: le Divan observe trop que rienne s'y fasse à son insu. Mais se reposant sur les remontrances du Divan auprès du Grand Seigneur, il est à craindre, qu'on n'explique faussement.

C'est pourquoi j'ai écrit à M. Kossakowski, qu'il reste à Constantinople, jusqu'à ce que le Bon Dieu permettra à V. A. d'entrer dans le pays, où Elle sera à même d'envoyer à Constantinople pour déplacer M-r. Lassocki et chasser les autres réssidens de Poniatowski.

On désire ici fortement des nouvelles de divers endroits; et si elles étoient bonnes et sûres, elle pourraient faire un grand service à la Porte.

En arrivant ici je n'eus que quatre ducats pour envoyer les exprès à Raguse, à Constantinople et à Szumlia. Nous avons mis en gage avec M-r. le Capitaine de Sauveplane tout ce, que nous avons pu avoir.

Je cherche le crédit, mais j'ai des difficultés jusqu'à cette heure de le trouver, et cependant la vie et les affaires demandent de la dépense.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ ГРАФА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАГО.

№ XXV.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Два наимилостивѣйшія писанія Вашего Императорскаго Величества имѣлъ щастье получить: первое Іюля отъ 28 числа, второе Августа отъ 13 числа, изъ Сарскаго Села. Принося рабскую мою благодарность за столь великія милости Вашего Величества, я прошу при томъ не взыскать, что я умедлилъ моимъ нижайшимъ донесеніемъ. Причины жъ удерживающія меня были худое состояніе моего здоровья и въ силу повеленіевъ Вашего Императорскаго Величества скорыя отправленіи въ Архипелагъ, съ повеленіями, чтобъ скорѣя флотъ возвращался изъ принадлежащихъ Оттоманской Портѣ мѣстъ, и чрезъ то бъ исполнить съ поспѣшностью волю Вашего Величества.

Послѣднія репорты, полученныя мною изъ Архипелага, осмѣливаюсь при семъ поднести, изъ которыхъ всѣ происходящія военныя дѣйствія усмотрѣть соизволите по день полученія извѣстія о мирѣ.

И зъ симъ благополучнымъ миромъ, яко мать всея Россіи, имѣю щастье Ваше Императорское Величество поздравить, да даруетъ Господь, да продлится Вашъ вѣкъ и милосердое царствованіе Вашего Величества, о чемъ всѣ вѣрныя рабы Ваши и премыя дѣти отечества непрестанно должны Бога молить. Угодно было Вашему Величеству дать мнѣ знать, какъ всѣ Министры чужестранныя получили вѣсти о мирѣ. Я ни мало не сумнѣваюсь, какъ Вы сами изволите писать, што Аглицкой и Датской чрезвычайно были ради, а протчія разныя виды на себѣ имѣли. По моему

мнѣнію Аглицкой народъ прямо насъ любитъ, да и собственныя ихъ интересы до онаго ведутъ; чѣмъ болѣе мы разоряемся и чѣмъ бѣднѣя становимся, тѣмъ самимъ оне много по положенію своему теряютъ своихъ выгодъ; и оне надѣются, что во время нужды и мы имъ помощь большую сдѣлать можемъ противу ихъ непріятелей, а при томъ и незавидно, што безъ помощи и посредства другихъ сдѣлался миръ. Датчина же по безсилію и невыгодному своему состояні(ю), кромѣ Бога и Вашего Величества, ни па ково своей нужды не полагаютъ. Французамъ же очень прискорбно, что ядъ ихъ, испускаемой противу насъ, по всей ихъ возможности, не взялъ таковаго дѣйства, какъ имъ желалось.

Позвольте сказать, что стыдъ и срамъ обратился на главу ихъ; опе жъ теперь конечно станутъ старатся, чтобъ и оне въ Черное море получили дозволенія торговать. Досадно чрезвычайно Цесарцамъ, што оне не могли предвидѣть такъ скораго мира, а то бъ конечно стараться стали показать, что эта услуга ими здѣлана для насъ, а въ самомъ дѣлѣ ни мало оне намъ добра не желаютъ, што лехко примѣтить можно во всемъ ихъ Государствѣ. Прусскому уже не удастца теперь прибирать болѣя къ себѣ земель по ево желанію, и такъ ему помѣха велика въ мутной водѣ рыбу ловить. И какъ оба послѣднія народа несказанно желали видѣть пасъ въ расслаблені(и) и всѣми мѣрами подъ прикрытіями разными старались до онова довесть, то и не безъ прискорбности имъ о пхъ неудачѣ. Шпанецъ слѣдуетъ во всемъ Французу, хотя часто отъ него и обманутъ бывалъ. Шведъ же подущаемъ и поджигаемъ былъ со многихъ сторонъ, но не имѣлъ смѣлости, а теперь горюетъ, что время упустилъ. Желательно, Всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ искоренепъ былъ Пугачевъ, а лутче бъ тово, естли бъ поимапъ былъ живой, чтобъ изыскать чрезъ него сущую правду. Я все еще въ подозрѣні(и), не замѣшались ли тутъ Французы, о чемъ я въ бытность мою докладывалъ, а теперь меня еще болѣя подтверждаетъ полученное мпою письмо отъ неизвѣстнаго лица.

Естли етакая въ свѣтѣ, или нѣтъ я пе знаю, а буде есть и хочетъ не припадлежащаго себѣ, то бъ я навезалъ камень ей на шею да въ воду. Сіе жъ писмо при семъ прилагаю, изъ котораго ясно увидить изволите желаніе. Да мнѣ помнится, что и отъ Пу-

гачева несколько сходствовали въ слогѣ сему его обнародованія; а можетъ быть и то, что и меня хотѣли пробовать, до чево моя вѣрность простирается къ особѣ Вашего Величества; я жъ на оное ничего не отвѣчалъ, чтобъ чрезъ то не утвердить болѣе, что есть такой человѣкъ на свѣтѣ, и не подать о себѣ подозрѣнія. Еще извѣстіе пришло изъ Архипелага, что одна женщина пріѣхала изъ Константинополя въ Паросъ и живетъ въ немъ болѣе четырехъ мѣсяцовъ на Аглицкомъ суднѣ, плотя слишкомъ по тысячѣ піастровъ на месецъ корабельщику, и сказываетъ, что она дожидается меня; только за вѣрное еще не знаю. Отъ меня жъ посланъ нарошно вѣрный Офицеръ, и ему приказано съ оною женщиною переговорить, и буде найдетъ што ни будь сумнительное, въ такомъ случаѣ обѣщалъ бы на словахъ мою услугу, а изъ за того звалъ бы для точнаго переговора сюда въ Ливорну. И мое мнѣніе, буде найдется таковая сумошедшая, тогда, заманя её на корабли, отослать прямо въ Кронштатъ; и на оное буду ожидать повелѣнія: какимъ образомъ повелите мнѣ въ ономъ случаѣ поступить, то все наиусерднѣйши изполнять буду. Есть еще извѣстіе, что во всей Карамани великія замѣшательства и между собою частыя побоищи у Турковъ.

При семъ осмѣлюсь писмо приложить отъ владѣтеля народовъ Друзскихъ, Принца Іозефа, который, помощію врученныхъ отъ Вашего Императорскаго Величества мнѣ войскъ, получилъ старинной свой городъ Барутъ, и ево довѣренность столь велика, что онъ, прося протекціи, приложилъ бѣлую бумагу, подписавъ свое имя. Мною же теперь приказано ихъ увѣрить, что и оне въ генеральномъ пунктѣ въ мирномъ договорѣ включены, что всѣмъ прощается и все забывается, что бъ кто ни здѣлалъ.

Тожъ въ силу повелѣнія Вашего Императорскаго Величества приказано между Греками слухъ разспустить, что для нихъ покровительство Вашего Величества выгодно, а впредь еще выгоднѣя будетъ. Нѣкоторыя фамиліи разоренныя изъ Сербскихъ народовъ присылали ко мнѣ депутатовъ просить милости и покровительства Вашего Императорскаго Величества. Депутаты мною обратно отпущены, и что къ нимъ отъ меня было писано для разсмотрѣнія, при семъ прилагаю копіи; а на таковой случай не угодно ль будетъ повелѣть оставить нѣсколько фрегатовъ здѣся,

и въ силу трактата, забравъ оныя фамиліи, послать ихъ сквозь Дарданели черезъ Черное море, для поселенія въ доставшихся въ Крыму крѣпостяхъ, а со временемъ возможно будетъ ими и гарнизонъ замѣнить. Все жъ оное отдаю на всемилостивѣйшее благоволеніе и Монаршую волю, и буду ожидать Высочайшаго Вашего повелѣнія. И повергая себя ко священнымъ стопамъ Вашимъ, пребуду навсегда съ искренною моею рабскою преданностію

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

Пиза. 1774 года,
Сентября 27 дня.

№ XXVI.

2.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Милостивое собственоручное повелѣніе Вашего Императорскаго Величества, къ наставленію моему служащее, Ноября отъ 12 дня, чрезъ курьера Миллера имѣлъ щастье получить, въ которомъ угодно было предписать о поимкѣ всклепавшей на себя имя, по которому я стану старатся со всевозможнымъ попеченіемъ волю Вашего Императорскаго Величества исполнить, и всѣ силы употреблю, чтобъ оную достать обманомъ, буде въ Рагузахъ оная находится; и когда первое не удастся, тогда употреблю силу къ оному, какъ Ваше Императорское Величество мнѣ предписать изволили.

Отъ меня вскорѣ послѣ отправленія моего курьера къ Двору Вашего Величества посланъ былъ человѣкъ для развѣдыванія объ ономъ дѣлѣ, и тому уже болѣе двухъ мѣсецовъ ни какова извѣстія объ немъ не имѣю, и я сумневаюсъ объ немъ, либо умеръ онъ, или гдѣ ни буть задержанъ, что не можетъ о себѣ извѣстія дать; а человѣкъ былъ надежной и доказанъ былъ многими опытами

въ его вѣрности. А теперь еще отправлено отъ меня двое, одинъ Офицеръ, а другой Славянинъ, Венеціанской потданной, и ни чево имъ въ откровенности отъ меня не сказано, а показалъ имъ мое любопытство, что я желаю знать о пребываніи давно мнѣ знакомой женщины. А Офицеру приказано, буде можетъ, и въ службу войтить къ ней, или къ Князю Радзивилу волонтеромъ, чево для отъ меня и абшитъ ему данъ, чтобъ можно было лутче ему прикрытся; и что по оному происходить будетъ, не упущу я доносить обстоятельно Вашему Императорскому Величеству. А случилось мнѣ распрашивать одного Маіора, который посыланъ былъ отъ меня въ Черную Гору и проѣзжалъ Рагузы, и дни два въ оныхъ останавливался; и онъ тамъ видѣлъ Князя Радзивила и сказывалъ, что она еще въ Рагузахъ, гдѣ какъ Радзивилу, такъ и оной женщинѣ великую честь отдавали, и звали ево, чтобъ онъ шолъ на поклонъ, но оный, услыша такое всклепанное имя, поопасся итить къ злодѣйкѣ, сказавъ при томъ, что ета женщина плутовка и обманщица, а самъ старался изъ оныхъ мѣстъ уѣхать, чтобъ не подвергнуть себя опасности. А естли слабое мое здоровье дозволитъ на корабляхъ ѣхать, то я не упущу самъ туда отправится, чтобъ таковую злодѣйку постараться всячески досtать.

Ваше Величество изволите упоминать: не оная ль женщина переѣхала въ Паросъ, на што имѣю честь донести, что отъ меня посланъ былъ нарошно для изслѣдованія въ Паросъ Подполковникъ и Кавалеръ Графъ Воиновичъ со своимъ фрегатомъ, чтобъ въ точности узнать, кто оная такова и какую нужду до меня имѣла, что такъ долго дожидалась меня; чево для дано было ему отъ меня увѣреніе, чтобъ оная могла во всемъ ему открытся, и наставленіе, какъ съ нею поступать. По пріѣздѣ своемъ нашелъ оную еще въ Паросѣ и много разъ съ нею разговаривалъ о семъ дѣлѣ; а восемь дней какъ онъ сюда возвратился и меня репортовалъ. Оная женщина купеческая жена изъ Константинополя, знаема была прежнимъ и нонѣшнымъ Султаномъ по дозволенному ей входу въ Сераль къ Султаншамъ для продажи всякихъ Французскихъ мелочей; и оная прислана была точно для меня, чтобъ какимъ бы ни буть образомъ меня обольстить и старатся всячески подкупать, чтобъ я невѣрнымъ здѣлался Вашему Императорскому

Величеству. И оная женщина осталась въ Паросѣ, издержавъ много денегъ на щетъ впредь будущей своей удачи; теперь въ отчаян(ь)и находится. И она желала сюда въ Италію ѣхать, но Графъ Воиновичъ, по приказу моему, отъ онаго старался отвратить, въ чемъ ему и удалось. И вышеписанная торговка часто употреблялась и отъ Министровъ, чтобъ успѣвать въ пользу по дѣламъ ихъ въ Сералѣ.

Свойство же оной женщины описано, что оная очень заносчиваго и вздорнаго нрава, и во всѣ дѣла съ превеликою охотою мѣшается и всѣхъ собою хочетъ устращать, объявляя при томъ, что она со всѣми и Европейскими Державами въ перепискѣ.

Предъ недавнемъ временемъ пріѣхала сюда изъ Пароса вдовствующая Принцеса со своими дѣтми и проситъ покровительства Вашего Императорскаго Величества и чтобъ ей дозволено было жить въ Роси(и), въ какомъ либо мѣстѣ; имя ей Роксандра Гика; первое её замужество было за Господаремъ Воложскимъ, а во второмъ замужествѣ была за Молдавскимъ, и показываетъ, что мужъ её въ 1776 — (67?) году окормленъ Турками; фамилія же её состоитъ въ трехъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ и одной племянницѣ.

И все вышеписанное предая на Монаршую волю Вашего Величества, буду ожидать повелѣнія, отправлять ли вышеписанную Княгиню въ Россію, или отказать. И тако повергая себя ко священнымъ стопамъ Вашимъ, со всеглубочайшею моею рабскою преданностію, Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей моей Государыни,

всепотданнѣйші(ій) рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

1774 года, Декабря 23 дня.
Изъ Пизы.

№ XXVII.

3.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По запечатаньи всѣхъ моихъ донесеній Вашему Императорскому Величеству получилъ я извѣстіе отъ посланнаго мною Офицера для развѣдыванія о Самозванкѣ, что оная больше не находится въ Рагузахъ, и многія обстоятельства увѣрили его, что оная поѣхала вмѣстѣ съ Княземъ Радзивиломъ въ Венецію; и онъ, ни мало не мѣшкая, поѣхалъ за ними в слѣдъ, но по пріѣздѣ его въ Венецію нашелъ только одного Радзивила, а она туда и не пріѣзжала, и объ немъ разно говорятъ: одне бутто онъ намѣренъ ѣхать во Францію, а другія увѣряютъ, что онъ возвращается въ отечество. А объ ней оной Офицеръ развѣдалъ, что она поѣхала въ Неаполь. А на другой день онаго извѣстія получилъ я изъ Неаполя писмо отъ Аглицкаго Министра Хамельтона, что тамъ одна женщина была, которая просила у него пашпорта для проѣзду въ Римъ, что онъ для услуги её и здѣлалъ; а изъ Риму получилъ отъ неё письмо, гдѣ она себя Принцесою называетъ. Я жъ всѣ оныя писма въ оригиналѣ, какъ мною получены, на разсмотрѣніе Вашему Императорскому Величеству при семъ посылаю А отъ меня нарошной того же дня посланъ въ Римъ штата моего Генералъ-Адъютантъ Иванъ Кристенекъ, чтобъ объ ней въ точности навѣдаться и старатся познакомится съ нею; при томъ чтобъ онъ обѣщалъ, что она во всемъ на меня можетъ положится, и буде уговоритъ, чтобъ привезъ её ко мнѣ съ собою. А Министру Аглицкому я отвѣчалъ, что сто надобно быть самой сумозбродной и безумной женщинѣ, однако жъ при томъ далъ ему знать мое любопытство, чтобъ я желалъ видѣть её, а при томъ просилъ ево, чтобъ присовѣтовалъ онъ ѣхать ей ко мнѣ. А между тѣмъ и Кавалеръ Дику (такъ!) приказалъ писать къ вѣрнымъ людямъ, которыхъ онъ въ Римѣ знаетъ, чтобъ и оне совѣтовали ей пріѣхать сюда, гдѣ она отъ меня всякой помощи надѣятся можетъ.

И што впредь будетъ происходить, о томъ не упущу доносить Вашему Императорскому Величеству, и всѣ силы употреблю,

чтобъ оную достать, а по послѣдней мѣрѣ свѣдому быть о ея пребываньи. Я жъ, повергая себя ко освященнымъ Вашимъ стопамъ, пребуду навсегда Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей моей

Государыни

всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

1774 года, Генваря 5 (16) дня.
Изъ Пизы.

№ XXVIII.

4.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Угодно было Вашему Императорскому Величеству повелѣть доставить называемую Пренцесу Елизабету, которая находилась въ Рагузахъ. Я со всеподданническою моею рабскою должностью, чтобъ повелѣньи Вашего Величества исполнить, употребилъ всевозможныя мои силы и стараньи, и щестливымъ теперь здѣлался, что могъ я оную злодѣйку захватить со всею её свитою на корабли, которая теперь со всѣми съ ними содержится подъ арестомъ на корабляхъ, и разсажены по разнымъ кораблямъ. При ней сперва была свита до шестидесяти человѣкъ; пощестливелось мнѣ оную уговорить, что она за нужно нашла свою свиту распустить, а теперь захвачена она сама, камармедхемъ её, два дворенина Польскихъ и нѣсколько слугъ, которыхъ имена при семъ осмѣливаюсь приложить. А для онаго дѣла и на посылки употребленъ былъ штата моего Генералъ-Адъютантъ Иванъ Кристенекъ, котораго съ онымъ моимъ донесеніемъ къ Императорскому Величеству посылаю, и осмѣлюсь ево рекомендовать и могу Ваше Величество яко вѣрный рабъ увѣрить, что оной Кристенекъ поступалъ со всею возможною точностію по моимъ повелѣніямъ и умѣлъ удачно свою ролю сыграть. Другой же употребленъ къ оному дѣлу былъ Францъ Вольфъ; хотя онъ и не здѣлалъ многова,

однако жъ по данной мнѣ власти отъ Вашего Императорскаго Величества я ево наградилъ чиномъ Капитанскимъ за показанное имъ усердіе и ревность въ Высочайшей службѣ Вашего Императорскаго Величества. А изъ другихъ кто къ оному дѣлу употребленъ былъ, тѣхъ не оставлю деньгами наградить. Признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, что я теперь находясь внѣ отечества, въ здѣшныхъ мѣстахъ, опасатся долженъ, чтобъ не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или окармлену. Я жъ её провезъ самъ на корабли на своей шлюпкѣ и съ её кавалерами, и препоручилъ надъ нею смотрѣніе Контръ-Адміралу Грейку, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ онъ всевозможное попеченіе имѣлъ о её здоровьѣ, и приставленъ одинъ лекарь; берегся бъ, чтобъ оная при стоян(ь)и въ портахъ не ушла бъ; тожъ чтобъ и ни каково бъ писмеца никому бъ не передала.

Равно велѣно смотрѣть и на другихъ судахъ за её свитою. Во услужен(ь)и жъ оставлена её дѣвка у ней и камердинеръ; всѣ жъ писма и бумаги, которыя у неё находились, при семъ на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества посылаю, съ надписаніемъ нумеровъ. Я надѣюсь, что найдутся тутъ нѣсколько Польскихъ писемъ о Конфедераци(и), противной Вашему Императорскому Величеству, изъ которыхъ ясно изволите увидѣть и имена ихъ, кто оне таковы. Контръ-Адміралу жъ Грейку приказано отъ меня и по пріѣздѣ ево въ Кронштатъ никому оной женщины не вручать безъ особливаго именнаго Указа Вашего Императорскаго Величества.

Оная жъ женщина росту небольшаго, тѣла очень сухова, лицомъ ни бѣла, ни черна, а глаза имѣетъ большія и открытыя, цвѣтомъ темнокарія и косы, брови темнорусыя, а на лицѣ есть и веснушки; говоритъ хорошо по Французски, по Нѣмецки, немного по Италіански, разумѣетъ по Аглицки; думать надобно, что и Польскій языкъ знаетъ, только ни какъ не отзывается; увѣряетъ о себѣ, что она Арабскимъ и Персидскимъ языкомъ очень хорошо говоритъ.

Я все оное отъ неё самоё слышелъ; сказывала о себѣ, что она и воспитана въ Перси(и), и тамъ очень великую партію имѣетъ; изъ Роси(и) жъ унесена она въ малолѣтствѣ однимъ Попомъ и нѣ-

сколькими бабами; въ одно время была окармлена, но скоро могли ей помощь подать рвотными. Изъ Перси(и) же ѣхала черезъ Татарскія мѣста около Волги, была и въ Петербургѣ, а тамъ черезъ Ригу и Кенихсъбергъ въ Подстамѣ была и говорила съ Королемъ Прусскимъ, сказавшись о себѣ, кто оная такова; знакома очень между Князьями Имперскими, а особливо съ Тріерскимъ и съ Княземъ Голштейнъ - Лимбургскимъ; была во Франціи, говорила съ Министрами, давъ мало о себѣ знать.

Вѣнской Дворъ въ подозрѣни(и) имѣетъ, на Шветской и Пруской очень надѣется; вся Конфедерація ей очень извѣстна и всѣ начальники оной. Намѣрена была ѣхать отсель въ Константинополь прямо къ Султану, и уже одинъ отъ её самой вѣрной человѣкъ туда посланъ, прежде нежели она сюда пріѣхала; по объявленію её въ разговорахъ, родомъ этотъ человѣкъ Персіянинъ и знаетъ восемь или девять езыковъ разныхъ, говоритъ оными всѣми очень чисто.

Я жъ моего собственнаго заключенія объ ней прямо Вашему Императорскому Величеству донести ни какъ не могу, по тому что не могъ узнать въ точности, кто оная дѣ(й)ствительно; свойство жъ оная имѣетъ довольно отважное и своею смѣлостію много хвалится: етимъ то самымъ мне и удалось её завести, куда я желалъ. Она жъ ко мнѣ казалась быть благосклонною, чево для и я старался казаться передъ нею быть очень страстенъ; наконецъ я её увѣрилъ, что я бы съ охотою и женился на ней, и въ доказательство хоть сего дня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, что я оное исполнилъ бы, лишь только достичь бы до того, чтобы волю Вашего Величества исполнить. Но она сказала мнѣ, что теперь не время, по тому что она еще нещастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня здѣлаетъ щастливымъ. Мнѣ въ оное время и бывшая моя невѣста Шмитша (такъ!), могу теперь похвастать, што имѣлъ невѣстъ богатыхъ. Извините меня, Всемилостивѣйшая Государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать.

Я почитаю за должность все Вамъ доносить, такъ какъ предъ Богомъ, и мыслей моихъ не таить.

Прошу и того мнѣ не причесть въ вину, буде я по обстоятельству дѣла принужденъ буду, для спасенія моей жизни, и команду оставя, уѣхать въ Росію и упасть ко освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, препоруча мою команду одному изъ Генераловъ по мнѣ младшему, какой здѣсь на лицо будетъ. Да я долженъ буду и своихъ въ ономъ случаѣ обманывать и никому предстоящей мнѣ опасности не показывать. Я всево больше опасаюсь Езуитовъ, а съ нею нѣкоторыя были и остались по разнымъ мѣстамъ, и она изъ Пизы уже писала во многія мѣста о моей къ ней преданности, и я принужденъ былъ её подарить своимъ портретомъ, которой она при себѣ имѣетъ, а естли захотятъ и въ Роси(и) мнѣ недоброходствовать, то могутъ по етому придратся ко мнѣ, когда захотятъ.

Я нѣсколько сумнѣнія имѣю на одного изъ нашихъ вояжировъ, а легко можетъ быть, что я и ошибаюсь; только видѣлъ многія Французскія письма безъ подписи имя, а рука кажется мнѣ быть знакомая.

При семъ прилагаю полученное мною одно письмо изъ подъ аресту, тожъ каковое она писала и Контръ-Адмиралу Грейку, на разсмотрѣніе. А она и по се время еще вѣритъ, что не я её арестовалъ, а секретъ нашъ наружу вышелъ. Тожъ у неё есть и моей руки писмо на Нѣмецкомъ езыкѣ, только безъ подписанія имени моего, и что я постараюсь уйтить изъ подъ караула, а послѣ могу и её спасти. Теперь не имѣю времени объ всемъ обстоятельно донести за краткостію времени, а можетъ о многомъ доложить Генералъ-Адъютантъ моего штата. Онъ за нею ѣздилъ въ Римъ, и съ нею онъ для виду арестованъ былъ на одне сутки на кораблѣ. Флотъ подъ командою Грейковою, состоящей въ пети корабляхъ и одной фрегатѣ, сейчасъ подъ парусами, о чемъ отъ меня дано знать въ Англію къ Министру, чтобъ оной, по прибыти(и) въ портъ Аглицкой, былъ всѣмъ отъ нево снабжаемъ. Флоту жъ велѣно какъ возможно поспѣшать къ своимъ водамъ. Всемилостивѣйшая Государыня, прошу не взыскать, что я вчернѣ мое доношеніе къ Вашему Императорскому Величеству посылаю, опасаясь чтобъ въ точности дѣла не провѣдали и не захватили бъ гдѣ ни буть курьера моево и со всѣми бумагами. Я жъ, повер-

гая себя ко освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества,

Всемилостивѣйшей моей Государыни,

всепотданнѣйши(й) рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

1775 года, Февраля 14 (25) дня.
Изъ Ливорны.

№ XXIX.

5.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Наимилостивейшее письмо Вашего Императорскаго Величества изъ Москвы отъ 22 Марта імелъ щастье получить с куръеромъ Гревенсомъ, въ которомъ Всемилостивѣйшая Государыня оказывать изволите матернюю Вашу милость ко мне за малыя мои службы. Желалъ бы я, Всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ усердию моему, которое я ко освященной Вашего Императорскаго Величества особе имею, соответствовали мои душевныя и телесныя силы; тогда бъ я щелъ себя щестливымъ и достойнымъ техъ милостей, каковыя Ваше Величество щедро на меня изливаете, а теперь оныя принимаю яко недостойной, а из единова Вашего великодушія и особливой милости ко мне.

Сей часъ получилъ репортъ отъ Контръ-Адмирала Грейка Апреля отъ 18 дня, што онъ под парусами недалеко от Копенгагена находится со всею своею ескадрою, все благополучно і ненамеренъ заходить ни в какія места чужестранныя, буде чрезвычайная нужда онаго не потребуетъ; онъ і от Аглицкихъ береговъ с поспешностію припужденъ былъ прочь ітить по притчине находящейся у него женщины под арестомъ. Многіе із Лондона и другихъ местъ съехались, чтобъ её видеть, і хотели к нему на корабль ехать, а она была во все время спокойна до самой Англіи, в чаеии(и) што я туда пріеду; а какъ меня не видала тутъ і писма не имела, пришла во отчаение, узнавъ свою гибель, і въ великое

бешенство, а потомъ упала въ обморокъ и лежала в беспаметстве четверть чеса, такъ што і жизни её отчаелись; а какъ опаметовалась, то сперва хотела бросится на Аглицкия шлюпки, а какъ и тово не удалось, то намереніе положила зарезатся, іли в воду бросится, а отъ меня приказано всеми образами её остерегать от онаго і какъ можно беречь. Я жъ надеюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, што ескадра теперь должна уже быть в Кронштате. і Контръ-Адмирал жалуется ко мне, што онъ трудней етой комиси(и) на роду своемъ не имелъ. Воложская Кне(г)иня Роксандра Гика і с фамилиею своею отправлена в Петербургъ; во время бытности её здесь і на дорогу для оной іздержано тысеча и до пети сотъ червонцовъ. Пожалованное милостивое одобрение Кавалеру Дику мною получено, што і я себе за знакъ особливаго Вашего Монаршего благоволенія к себе пріемлю. Я жъ імею щастье поздравить Ваше Императорское Величество, какъ есмь верноподданой Вашъ рабъ, с разменою ратификаци(и) і что Атаманская Порта в силу мирнаго договора все ісполняетъ. Я жъ пребываю со всеглыбочайшею рабскою и непоколебимою преданностию Вашего Императорскаго Величества,

Всемилостивейшей моей Государыни,

всепотданнейши(й) рабъ

Графъ Алексей Орловъ.

1775 года, Мания 11 (22) дня.

Із Пизы.

Въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 года, кн. VI-й, стран. 59—76, помѣщена статья: «Принцесса Тараканова» (нѣсколько данныхъ для ея исторіи), конечно, извлеченіе изъ записки подъ заглавіемъ: «Судьба Принцессы Таракановой», составленной, по словамъ Редакціи «Русской Бесѣды», въ Россіи однимъ трудолюбивымъ изыскателемъ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія (Графомъ Блудовымъ?) и содержащей въ себѣ извлеченіе изъ писемъ Аббата Роккатани и копіи съ подлинныхъ донесеній Графа А. Г. Орлова къ Императрицѣ Екатеринѣ. Послѣднихъ всего двое полныхъ (это въ «Документахъ» къ

предлагаемой статьѣ №№ XXVII и XXVIII), да выдержки изъ двухъ (XXV и XXVI). Изъ первыхъ, напечатанное на стр. 73—76 «Русской Бесѣды», нѣсколько полнѣе того, которое сдѣсь находится подъ № XXVIII; въ немъ по чему-то не нашлось строкъ 23 — 28 на стр. 64-ой: онѣ восполнены мною по напечатанному въ «Русской Бесѣдѣ.» Кромѣ того, въ «Русской Бесѣдѣ» помѣщенъ еще (на стр. 76) самый «Рескриптъ Императрицы Екатерины II-ой Контръ-Адмиралу Грейгу собственноручный,» о которомъ, впрочемъ, составитель статьи «О Самозванкѣ» упоминаетъ на стр. 65-й. Для возможной полноты достовѣрныхъ свѣдѣній по подлинникамъ, приведу сдѣсь этотъ Рескриптъ:

«Господинъ Контръ-Адмиралъ Грейгъ, съ благополучнымъ Вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа увѣдомилась, поздравляю, и весьма вѣстію сею обрадовалась. Что жъ касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы Г-ну Фельдмаршалу Князю Голицыну въ С.-Петербургъ и онъ сихъ вояжировъ у васъ съ рукъ сниметъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что службы ваши во всегдашней моей памяти и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства.

Екатерина.

Маія 16 числа, 1775 г.

Изъ села Коломенскаго, въ семи верстахъ отъ Москвы.»

О. Б.

LIBRARY OF CONGRESS
0 029 977 622 0